

Быть священником вчера и сегодня

протоиерей Николай Ведерников,

иеромонах Иоанн

(сборник)

Слово к читателю

Слово к читателю

Книга «Быть священником вчера и сегодня» обращена прежде всего к современным пастырям Церкви Христовой. Однако ее с большой пользой для себя прочтут и миряне, задумывающиеся о своей духовной жизни, о священстве, призванном руководить ими на пути к вечности, к спасению.

Кто же такой священник? На первый взгляд ответить на этот вопрос легко: каждый верующий постоянно имеет дело со священнослужителями и всегда может высказать суждение о том, что его привлекает или отталкивает в облике современного пастыря. Однако люди чаще размышляют о значении священника в своей жизни, и редко кто задумывается о том, каков духовный путь самого священника, насколько он сложен, в чем цель жизни пастыря. Эта книга поможет христианину глубже понять священника на приходе, оценить его труды, осознать сложности пастырского служения, борьбы за души людей.

Книга состоит из двух частей. В первой раскрывается суть пастырского идеала на основании писаний Святых Отцов, дается понимание пастырского служения, которое мы находим в духоносных творениях. Руководство церковным преданием – важнейший принцип православного вероучения и душеустройства. Читатель получит большую духовную пользу от изучения святоотеческих наставлений по самым различным вопросам душепопечительства, с любовью и тщанием подобранных современным служителем алтаря иеромонахом Иоанном. Здесь по крупицам собран «золотой песок» учения древних подвижников, те правила духовной жизни и пастырского делания, которые выработали Святые Отцы, опытно познавшие Горний мир еще на земле и сумевшие

передать потомкам основы и сущность православного пастырского идеала.

Наследие Святых Отцов – это правило для пастыря на все века, указание совершенного образа для всех его действий. Однако служитель Церкви Христовой, живущий в современном мире, должен вместе с тем учитывать и специфику этого мира, понимать реальные потребности христиан. И во второй части книги представлен взгляд на пастырство в преломлении жизненного опыта священника, за плечами которого полвека служения людям и Церкви, – протоиерея Николая Ведерникова. Размышления опытного священника помогут найти гармонию между традицией и сложной реальностью, применить опыт древних подвижников к нынешним условиям жизни; они послужат немалым утешением для православного человека, поскольку содержат многие подсказки, полезные на пути к Богу и в решении душевных конфликтов, особенно частых на начальном этапе вхождения в церковную жизнь.

В целом в книге представлен образ доброго пастыря, который совершает свой подвиг служения Господу и людям, проходя через многие трудности и искушения, борясь с собственной греховной природой с помощью молитвы, преодолевая искушения посредством благодати Божией. Современный священник найдет здесь уроки истинного пастырства и духовного преуспевания. Книга поможет ему в решении волнующих пастырскую душу проблем, укрепит его на пути возрастания благочестия, предохранит от опасности охлаждения духа, подстерегающей многих пастырей. Книга может дать священнику многое из того, что необходимо для его правильного внутреннего устройства, что будет способствовать должному исполнению им высоких обязанностей священства. Она есть напоминание современному пастырю об исключительности его богослужебного долга, о величии подвига священнодействия, о почетности роли наставника и духовного руководителя верующих.

Эти истины справедливы во все времена, для всех служителей Божиих. Вот какими словами напутствовал в свой

клир в далеком 1948 году прошедший аресты и тюрьмы архиепископ Астраханский и Саратовский Филипп (Ставицкий):

«Свое служение (а не “работу”) считайте самым великим, славным и священным. Дорожите каждым днем, каждым часом и мгновением стояния пред Престолом Господним. Со страхом и трепетом совершайте то служение, к которому Небесные силы желают приникнуть (1Пет.1:12) и выше которого нет на земле.

Возгревайте дар Божий, который в вас (2Тим.1:6). Возгревайте его молитвой, любовью, доброделанием, ревностью о спасении своем и паствы вашей. Поставьте себе как неизменное правило не совершать богослужения без слова поучения, без назидания. Не нужно для этого книжной мудрости, не нужно красноречия. Пусть слово ваше будет кратко, просто от сердца полного веры и любви, и такое слово дойдет до сердца слушающих и принесет свой плод. Не смотрите на требы, на Таинства как на средство наживы, обогащения. Вы возрождаете в купели «паки рождения». Вы низводите благодать, вы обновляете людей в Покаянии, вы соединяете их со Христом в Его Чаше. Что может быть выше этого? Прочь же мысли о деньгах, желание их, требование их, они принижают, омрачают, сквернят великую тайну спасения. Совершайте Таинства, требы неторопливо, разумно, благоговейно, с верой и умилением, чтобы те, над кем вы совершаете священнодействие, умилились сами и отошли от вас обновленными.

Храм Божий да будет для вас самым дорогим, самым любимым местом жизни вашей. Заботьтесь о его чистоте, благолепии, о порядке и тишине в нем во время богослужения. Но больше всего приложите усердие в отношении самого совершения богослужения, чтобы оно было уставно, истово, чинно; чтобы читали правильно, разумно, внятно и громко: чтобы пение было только в церковном духе, без всяких соло и концертов.

Вашему доброму пастырскому настроению пусть соответствует и внешность ваша. Имейте благообразие во всем: в одежде, в лице, в походке».

Эти слова не устарели и в наши дни.

За решением к Святым Отцам

Введение

Изучая творения древних Святых Отцов, мы удивляемся высоте духа, которым обладали подвижники тех времен. Их жизнь была сплошным духовным деланием, непрерывным воплощением евангельских заповедей в жизнь. В процессе аскетического подвига личного очищения они выработали правила духовной жизни и внешнего поведения, имеющие значение для всех христиан и особенно для пастырей. В этих правилах подробно раскрыт весь сложный путь духовно-нравственного совершенствования, не оставлено без внимания и разъяснения ни одно малейшее недоразумение, касающееся внешней и внутренней природы человека.

Жизнь многих из них осталась сокровенной, ибо они неукоснительно следовали евангельской заповеди приносить Богу плод духовный втайне (см. Мф.6:6). Однако человеколюбивый Господь ради пользы ближних, как их современников, так и будущих поколений, подвигнул Своих угодников поделиться опытом духовной жизни, указать пути сокровенного делания. Значительная часть духовного опыта святых подвижников была записана и сохранилась до настоящего времени. Цель их творений – призывать и убеждать нас неослабно нести иго Христово, нудить себя, чтобы войти в Царство Небесное (см. Мф.11:12).

Древние отцы-аскеты опытно познали возможность воскрешения души и вкушения будущих благ еще здесь, на земле. Отрекшись подвигом воли от внешнего и вещественного и устремив свою умную духовную природу к горнему миру, они явили то внутреннее христианство, которому открывалось иное бытие – сокровенное, Божественное. Удаленность от мирской суеты, отсутствие привязанности к земному позволяли им не только видеть проблемы внешнего мира, но и находить пути их разрешения. Подвиг умного делания открывал им победные выходы из самых сложных с точки зрения плотского человека обстоятельств. Они были носителями «живой веры в живом Боге, движущим началом всей Церкви»¹.

История христианства запечатлела на своих страницах много имен богоносных пастырей и учителей Церкви. Их творения – неисчерпаемый источник духовно-нравственных сил и мудрости для современных пастырей. И если изучение творений Святых Отцов необходимо всякому христианину, то тем более оно насущно для священнослужителя. «Все, имеющие здравый смысл, – говорит святитель Кирилл Александрийский, – стараются следовать учению Святых Отцов»².

У нас есть возможность заимствовать из их сочинений прекрасные образцы пастырского служения и методы действия в различных житейских ситуациях. Вникая в творения богопросвещенных пастырей, их современный преемник приобретает духовную опытность, необходимую для руководства пасомых.

В числе преподобных отцов, творения которых дошли до нас, много священников: Макарий Великий, Нил Синайский, Исидор Пелусиот, Иоанн Кассиан Римлянин, Исихий Иерусалимский, Зосима Палестинский. Среди подвижников древней Церкви были и пастыри, не имевшие иерейского сана: преподобные Антоний Великий, Аммон, Ефрем Сирин, Орсисий Тавенисиотский, Марк Подвижник, Исаия Отшельник, Иоанн Карпафский, блаженный Иперехий, Евагрий Понтийский и Стефан Фиваидский.

Эти святые пастыри сумели освободиться от «внутренних уз, и преград, и от тьмы духов злобы, то есть от действий сокровенных страстей»³. Однажды загоревшись любовью к Богу, они не переставали пламенеть ею до самой смерти, зажигая этим пламенем многие человеческие души. Так, изречения преподобного Антония Великого «в неисчетном множестве переходили из уст в уста, составляя как бы ходячий устав подвижничества, и вошли, наконец, в сборники»⁴. Ими пользовались, по ним учились великие пастыри Церкви Христовой: святители Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Григорий Палама, преподобные Исаак Сирин, Иоанн Дамаскин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит, а также и наши русские подвижники

благочестия: преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские, Сергей Радонежский, Валаамские подвижники, преподобные Серафим Саровский, Паисий (Величковский) и его последователи в лице Оптиных старцев.

В творениях древних подвижников IV-V веков мы находим ответы на такие вопросы, касающиеся пастырского служения, как отношение пастыря к миру, соблазнам и скорбям; молитвенное делание; самообразование; духовничество; совершение богослужения; духовное окормление; учительство; пастырские искушения; исповедание веры во Христа.

Всякий человек является потомком Адама, и законы духовной жизни, действующие по отношению к нему, неизменны. Законодатель *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр.13:8). Времена меняются, меняются внешние условия жизни, но законы внутренней брани остаются теми же, что и в первые века христианства. Для современного священника и кандидата в священство очень важно учиться у древних Святых Отцов, знакомиться с тем, что они пережили, перечувствовали и выразили относительно пастырского служения, потому что их устами говорила сама Святая Церковь, просвещаемая и руководимая Духом Святым.

Желание научиться у древних Святых Отцов *со страхом и трепетом совершать свое спасение* (Флп.2:12) и спасение пасомых, *внимать себе и всему стаду* Христову (Деян.20:28), научиться *пасту Божие стадо* (1Пет.5:2) явилось причиной появления этого труда.

Глава I Православное понимание пастырского служения

Святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Григорий Двоеслов, Амвросий Медиоланский и другие Святые Отцы и учителя Церкви оставили отдельные сочинения, посвященные пастырскому служению. Что же касается трудов древних христианских подвижников, то они не останавливались специально на проблеме пастырства, но говорили о нем по тому или иному поводу, кратко излагая учение Церкви по этому вопросу. Для древних отцов-аскетов пастырство и не являлось целью по преимуществу. Они писали о духовной жизни, добродетелях и средствах борьбы со страстями. Это были не богословы-ученые, а богословы-молитвенники. Некоторые древние пастыри, например преподобные Антоний Великий и Макарий Великий, всю свою пастырскую деятельность посвятили на служение иночествующим (хотя их поучения полезны всем христианам), других Господь избрал для служения миру; таких, как преподобные Ефрем Сирин, Маисима Сирин, Нил Синайский, Исидор Пелусиот.

Осуществив в своей жизни христианский идеал, который познается не в красивом слове, не в земной учености, а в ответной жертвенной любви ко Христу, они были носителями Святого Духа, истинными пастырями Церкви Христовой, хотя и не искали этого звания и достоинства. Считая себя поистине хуже всех, они возгорались ревностью о своем личном спасении во Христе, но именно таких ревнителей Господь на определенном этапе их духовного возрастания промыслительно призывал на пастырское служение.

Священник, призванный руководить ко спасению других, должен знать законы духовной жизни не только теоретически, но и опытно. Таковыми были древние отцы-аскеты – первопроходцы в Царство Небесное. Их творения – «записки о том пути, которым они шли, в которых нет ничего измышленного, придуманного, сочиненного, а только пережитое, лично выстраданное и на опыте других, мудрейших и

праведнейших проверенное»⁵– заключают в себе немало ценного и для церковного учения о пастырстве. В них изображен идеал духовного руководителя, отражены черты личности христианского пастыря, его высокая настроенность, многогранность деятельности.

Разнообразные аспекты пастырства отражены во множестве образных наименований, употребляемых преподобными отцами. Служитель спасения ближних называется «кормчим», «учителем», «врачом», «кораблем», «судьей», «посредником», «пастухом», «наставником», «отцом»... Эти имена указывают на различные функции пастырского служения: учительство, священнослужение, духовное окормление, управление. Иерей обязан благовествовать людям слово евангельской истины, освящать их через совершение Таинств, руководить душами верных ко спасению, управлять стадом Христовым.

Творения древних Святых Отцов содержат как общее учение об особой благодати Святого Духа, присущей священству, так и более частные определения характерных свойств этого благодатного дара. В них мы находим свидетельства высоты нравственных требований, предъявляемых к пастырям в силу их призвания быть посредниками между Богом и людьми.

Святитель Григорий Богослов пишет, что пастырское служение – это не дело «человеческой мысли, но дар Божией благодати»⁶. Это служение совершенно выделяется из ряда обыкновенных земных человеческих занятий. Оно важнее и выше их как по существу, так и по цели.

В великом деле спасения людей никто не может заменить пастырей. Преподобный Исидор Пелусиот, рассуждая о происхождении священства, говорит, что это служение – исключительное в жизни и истории человечества. *Бог по человеколюбию благоволил употребить на службу Ему иерея, так как тот является ангелом Господа Вседержителя (см. Мал.2:7) как по тайноводству Божественного священнодействия, так и по тому, что служит спасению многих* ⁷. Будучи облечен земной плотью, пастырь совершает небесное служение, которое сохраняется в Церкви и пребудет

до скончания века. Священство Божественно по своему первоначальному происхождению и установлению, ибо в начале возникновения христианства «апостолы соделались сожителями и сотрапезниками Владыки всех»⁸. Во все последующие времена пастыри даруются Церкви Самим Богом для того, чтобы служить спасению людей. Для этого священнослужители обладают особыми полномочиями и являются «проводниками», посредством которых верующим сообщаются благодатные дары Святого Духа.

Святитель Григорий Богослов говорит, что «пастырь – орган Божий, орган словесный, который настроил и в который ударяет Добрый Художник – Дух»⁹.

Пастырь Христов должен быть образцом для христиан. «Иерею надлежит избегать всякого греха»¹⁰, – учит преподобный Нил Синайский. Отцы-аскеты в своих творениях приводят примеры пастырского служения, показывая, какими высокими добродетелями обладали духовные наставники древней Церкви, и тем самым призывая нас стремиться к этому идеалу. «Между мужами, исполненными христианской мудрости, – сообщает преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, – увидели мы и авву Даниила, который, будучи равен обитавшим в скитской пустыни во всяком роде добродетелей, особенно украшался смирением и который за свою чистоту и кротость блаженным Пафнутием, настоятелем той пустыни, скоро был возведен на степень диакона, несмотря на то, что был моложе других летам. Сей блаженный Пафнутий весьма утешался его добродетелями и, почитая равным себе по делам жизни и благодати, поспешил сравнять с собою по сану священства»¹¹.

Священник, пишет преподобный Макарий Египетский, «столько же отличен от людей разумением, ведением и рассудительностью, сколько разумный пастырь отличается от бессловесных овец, потому что причастен он иного Духа, иного ума, иного разумения, и иной мудрости, отличной от мудрости мира сего. Посему-то такой, как сказано, во всем отличен от всех людей, имеющих дух мира, и разумных, и мудрых. Он знает о каждом: откуда взятое говорит он, на чем остановился и где находится; его же познать и о нем судить нет возможности

никому из имеющих дух мира, а может только тот, в ком есть подобный Дух Божества»¹².

Сущность пастырского служения заключается в том, чтобы совершать великое дело примирения и единения людей с Богом. В творениях преподобного Ефрема Сирина встречаются ветхозаветные прообразы священнического призвания к собиранию воедино всех чад Божиих и воссозданию богоучрежденной иерархии тварного мира. «И Ной в самом низу ковчега поместил животных, в середине же птиц, а сам, подобно Богу, обитал в верхней части ковчега. И при Синае народ иудейский стоял внизу горы, священники на скате ее, Аарон на середине, Моисей на высоте, Слава же Господня покрывала вершину горы»¹³. Так и служитель Божий поставлен между Небом и землей и, принадлежа Небу по происхождению своих обязанностей, он принадлежит земле по их исполнению.

Церковная иерархия имеет сверхъестественное происхождение. Она возникла через преемство, которое Апостолы получили от Самого Господа. «Сама высокая и страшная Мышца, – говорит преподобный Ефрем Сирин, – снисшедши с Неба, через возложение рук даровала нам Духа Своего, как огонь, снисшедший на апостолов. О, неизреченная сила, благоволившая вселиться в нас через возложение рук святых иереев!»¹⁴. (Иереями в Древней Церкви называли епископов. – Прим. ред.)

Пастырь, являясь преемником апостольского служения, обязан учить других *великой благочестия тайне* (1Тим.3:16), исполняя наставления Господа нашего Иисуса Христа: *Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари* (Мк.16:15). Образ такого учительства описывает блаженный Феодорит Кирский: «При своем смирении он доступен всем, ласков и обходителен, отвечает на вопросы каждого из беседующих с ним, будь то ремесленник, нищий или земледелец. Приняв от Великодаровитого Владыки и дар научения, он дважды в день увещевает приходящих и улаживает своими наставлениями слух их, потому что говорит очень ласково. Преподавая назидания от Святого Духа, он многих своим учением склонил устремлять взор к Небу,

удаляться от земных сует, представлять ожидающее нас Царство и страшиться угрозы гееннской, презирая земное и чая будущее»¹⁵.

Наряду с проповедничеством преподобные отцы вменяют в обязанность пастырям врачевание, лечение духовно больного человечества. «Хороший пастырь врачует покрытую струпями овцу, а овца овцу врачевать не может. И если не будет уврачевана словесная овца – человек, – то не войдет в небесную Господню Церковь», – читаем у преподобного Макария Великого¹⁶.

Но приступить к врачеванию других может только тот, кто опытно на себе самом испытал действие духовных лекарств. Только такой пастырь сможет понять духовное состояние приходящих к нему. «Смотри, как бы под предлогом врачевания другого не стать тебе самому неисцеленным и не поставить преграды молитве твоей»¹⁷, – предостерегает авва Евагрий.

Пастырское делание – это не что иное, как созидание Царствия Божия в человеке. Пастырь Церкви – это не обычный член таинственного Тела Христова, не просто камень в создаемом здании церковном, но столп, поддерживающий всё здание, на который опираются пасомые в своей духовной жизни. Священство уподобляется таинственной лестнице, которую видел во сне ветхозаветный патриарх Иаков; подножие ее упиралось в землю, а вершина доходила до небес. Священство – это Божественное достояние, оно драгоценнее всякого имущества, выше всякого образа жизни и гражданского достоинства¹⁸.

Древние христианские подвижники-иереи совершали священное служение, принимали Исповедь братии. Многие из них были духовными руководителями не только иноков – своих послушников, но и мирян. Монашество всегда оказывало сильное влияние на жизнь Церкви, на церковную дисциплину и моральный облик христиан. Миряне охотно посещали монастыри, ища духовного окормления у опытных монахов. «В предшествовавшие нам времена, – сообщает блаженный Феодорит Кирский, – был некто Маисима, по языку сириец и воспитанный в деревне, но явивший преуспеяние во всех видах

добродетели. Прославившись своей жизнью, он получил духовное начальство над одним селением. Священнодействуя и пася овец стада Божия, он говорил и делал то, что повелевает Божественный закон»¹⁹.

Поставление человека на пастырское служение совершается Самим Богом. И «как в видимом мире царь на служение свое избирает не пастухов, но людей благообразных и хорошо образованных, так и в небесном чертоге Небесному Царю служат те, которые непорочны, неукоризненны, чисты сердцем. И как в царских чертогах не имеющие никакого порока, самые благообразные вступают в царское сообщество, так и в духовном – только души, украшенные всякими добрыми нравами, удостоиваются общения с Небесным Царем»²⁰.

Дух Святой не только поставляет пастырей на это служение, но и руководит ими. Поэтому здесь не должно иметь места самочиние, корыстное своеволие, материальные выгоды, жажда славы. «Прежде всего, – замечает блаженный старец Иоанн в повести Руфина, – необходимо потрудиться над тем, чтобы исторгнуть порочность и привить душе добродетель. Божью смотрению следует предоставить, восхочет ли Бог и кого благословит Он избрать на служение Себе или для священства»²¹.

Пастырское служение состоит в постоянной заботе о нравственном перерождении каждой личности, каждой души. Пастырь призывается помочь восстановлению в падшем человеке образа Божия. Как руководитель ко спасению, он должен призывать заблудших на истинный путь, ограждать их от заблуждений и суеверий. «Проводя жизнь в трудах, – пишет блаженный Феодорит Кирский, – подвижник не оставляет попечение и о Святой Церкви: то он сражается против нечестия язычников, то сокрушает дерзость иудеев, то рассеивает сборища еретиков; иногда пишет послания об этом самому царю, иногда в начальствующих возбуждает ревность по Богу, а иногда убеждает и самих пастырей церковей, чтобы они проявляли больше заботы о своей пастве»²². Он приносит Бескровную Жертву Богу, совершает Великие Тайны, перед которыми благоговеют и преклоняются сами Небесные Силы,

низводит на людей спасающую благодать Святого Духа и ходатайствует за них в молитве перед Богом.

Истинный пастырь, согласно учению преподобных отцов, является подражателем Подвигоположника и Начальника нашего спасения Господа Иисуса Христа. Священник должен всего себя отдать делу спасения паствы, вплоть до сораспятия Христу (см. Гал.2:19). «Кто домогается великого, тот по необходимости должен приниматься за дела не с леностью и рассеянием, как за что-либо постороннее, но усердно и мужественно», – учит преподобный Нил Синайский²³. И если сам подвижник живет Христом и во Христе станет совершать свое дело, то перед ним все полнее и шире будет раскрываться смысл пастырского служения. Только в этом случае он будет полезен Церкви и сможет руководить паствой на пути к Царству Славы.

Что может быть выше, чем подражание Самому Господу нашему Иисусу Христу в деле спасения людей? С этой точки зрения священство представляется делом столь высоким, что к нему страшно приблизиться человеческой слабости и греховной нечистоте. «Подумай, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – какими должны быть руки, совершающие эту службу, каким должен быть язык, произносящий такие слова, кого чище и святее должна быть душа, приемлющая такую благодать Духа?»²⁴

Глава II Подготовка к пастырскому служению

Духовное становление

Кандидату в священство надлежит прежде всего вырваться из мирской среды, разобраться в себе, наладить внутреннюю жизнь и привыкнуть внешним церковным установлениям. Эти возможности дает современным пастырям духовная школа. Однако и в других условиях будущий пастырь должен пройти тем же путем духовного становления.

С какой душой, с каким сознанием необходимо готовиться к служению пастыря? Очень часто учителем желает стать тот, кто сам сделал лишь несколько шагов в христианской жизни, только заглянул в нее через приоткрытую дверь. Такой человек, проведший всю жизнь в неверии и грехах, после того как покался и немного переменял образ жизни, несколько раз сходил в церковь или побывал в монастыре, узнал некоторые христианские законы, отчасти познакомился с церковными правилами и порядками, тут же начинает учить, обличать своих близких, друзей, родственников, упрекать их в неверии, в нецерковности. «Часто кто-нибудь видит себя во сне... исцеляющим какие-либо телесные недуги либо достойно носящим облачение пастыря и пасущим свое небольшое словесное стадо.

А проснувшись, он сразу начинает мечтать о том, как он будет рукоположен во иереи, – и о таких вещах и им подобных размышляет весь день», – обличает подобных неофитов авва Евагрий²⁵. Но вскоре такой «ревнитель» претывается, падает и возвращается к прежней греховной жизни. Те же, кого он обличал, видя его в таком жалком состоянии, приписывают самому христианству бесполезность и немощность и еще более отвращаются от Бога и Церкви. «Да и кто не посмеется, видя, что носившего вчера воду в корчме сегодня как учителя добродетели с подобострастием окружают ученики; или утром удалившийся от общественных дел по неудаче в них вечером со множеством учеников, величаясь, ходит по всей площади, – замечает преподобный Нил Синайский. – Если бы вполне были

они убеждены, что великий труд способен привести кого-либо к благочестию, и в точности знали, какую опасностью сопровождается дело, то, конечно, отказались бы от оногo, как превышающего их силы. Но пока не знают этого, начальствовать над кем-нибудь почитают славою, бросаются в такую пропасть и почитают легким ввергнуться в горящую печь, а сим возбуждают смех в знавших их вчерашнюю жизнь и прогневляют Бога такую опрометчивостью»²⁶.

Избрание пастырского служения – дело очень тонкое, требующее от будущего священнослужителя большой чуткости и осторожности, смирения и в то же время решимости.

В процессе духовной борьбы, очищения души от страстей человек осознает свою немощь, начинает всё более и более надеяться на Бога и всё менее и менее полагаться на свои силы. Он начинает следить за каждым своим внешним движением, за каждым поступком и вскоре от внешнего делания вступает в область мысленной борьбы. Тогда ему открывается другая, прежде малоизвестная область его души, где находятся «тайные страсти, невидимые узы, сокровенная брань, тайное борение и тайный подвиг»²⁷. Душа такого человека еще больше начинает взывать о помощи ко Господу «с великим сердечным исканием, в труде, в подвиге, непрестанно ожидая Его с упованием и верою»²⁸. С помощью Божией она уже твердо противодействует начальствам, властям, мироправителям тьмы века сего (см. [Еф.6:12](#)).

Об этой напряженной внутренней борьбе пишет преподобный Макарий Египетский: «Открывается какая-то сокровенная и тонкая сила тьмы, пребывающая в сердце. И Господь бывает близ души и тела твоего и, смотря на борьбу твою, влагает в тебя сокровенные небесные помыслы и втайне начинает упокоевать тебя. Но пока оставляет еще тебя под обучением и в самых скорбях промышляет о тебе благодать. И когда придешь в упокоение, даст тебе познать Себя и покажет тебе, что для твоей же пользы попускал быть тебе в борении. Как сыну богатого человека, у которого есть пестун, пока наставник наказывает его, и учение, и раны, и удары кажутся тяжкими, и это бывает, пока не сделается мужем; а тогда

начинает уже благодарить пестуна: так и благодать промыслительно обучает, пока не придешь в совершенного мужа»²⁹.

Для того чтобы обрести это состояние, будущему пастырю необходимо постоянно понуждать самого себя тщательно проходить путь внутреннего очищения от страстей. «Опасное дело учить прежде, чем пройдешь путем деятельной добродетели, – замечает святитель Афанасий Великий. – Как тот, у кого обветшалый дом, если примет в него странников, только повредит им, когда дом рухнет, так и тот, кто не укрепил прочно своего душевного дома, не изучив на деле добродетели, погубит с собой и того, кого учит»³⁰.

В определенный момент аскетического подвига душа, очистившаяся от страстей и усовершенствовавшаяся благодатью, начинает в уединении молиться за весь христианский мир. Иные же избранники Божии промыслительно призываются на пастырское служение.

В последнем случае должно тщательно испытать свои чувства: не таится ли в сердце жажда чести или корысти, и если обнаружится, что влечет на это поприще не высокая цель служения, а сопутствующие ей почести, то следует быть осмотрительным, чтобы не подвергнуться прещению грозного суда Божия.

Если же очевидно призвание Божие и человек слышит внутренний зов своей души, он не должен своей неуступчивостью под предлогом смирения противиться воле Божией. В этом случае духовная мудрость повелевает будущему пастырю обратиться за благословением к духовному отцу. И если получит он положительный ответ, то принятие им сана будет более безопасно. Тогда проявляется «прекрасная и чудная взаимность, когда и человек спешит на служение Богу, и Бог без замедления приближает к Себе Своего служителя, искренно и неложно старающегося благоугождать Владыке!»³¹

Тогда он должен смиренно приступить к великому Таинству Священства, с готовностью в назначенное время откликнуться на зов Божий: *Вот я, пошли меня* (Ис.6:8), сознавая, что не по

заслугам, а единственно по благодати Божией возводится он на столь высокую степень служения.

Однако желания и призвания еще недостаточно, чтобы стать настоящим пастырем. Любое дело, любая специальность требуют соответствующей подготовки. «Всякое искусство для успеха в оном требует времени и многого учения, – говорит преподобный Нил Синайский. – И за земледелие не отважится приняться неопытный, не посвященный во врачебное искусство не берется также за дело. Ибо они изобличат себя: один – тем, что и хорошую землю обратит в бесплодную и негодную, а другой – тем, что не окажет пользы больным, а даже сделает болезнь их более тяжкою»³².

Подготовка считается обязательной в любой области человеческой деятельности. Если, избирая мирскую профессию, человек испытывает, пригоден ли он к ней, то тем более, стремясь к священнослужению, кроме знания самого себя, необходимо ясно понимать характер будущего служения и сопряженных с ним обязанностей.

Какую же подготовку должен пройти кандидат во священство?

В современных условиях, как, впрочем, и всегда, священнику недостаточно быть лишь благочестивым и ревностным. Сверх этого ему необходимы богословские знания, которые черпаются из Священного Писания, святоотеческих творений и их толкований, а также из разнообразных богословских трудов. «Чтением Богодухновенных Писаний люди приобретают многие блага. Поэтому, – наставляет преподобный Нил Синайский, – если хочешь сохранить душевное око и победить злейшего советника, соделать око зорким, найти себе путь ко всему прекрасному, то не ленись быть внимательным к святому чтению»³³.

Как известно из древних свидетельств, сему «святому чтению» прилежали многие подвижники. «Когда я пришел к нему, – пишет блаженный Феодорит Кирский, – то застал Фалелея за чтением Божественных Евангелий и усердным сбором добрых плодов этого чтения»³⁴. Заметим, что успех в

этом деле сильно зависит от последовательности и регулярности занятий, что дает Духовная школа.

Образовавшись духовно через усвоение святоотеческого Предания Церкви и личный опыт жизни по Евангелию и учению Святых Отцов, будущий пастырь сможет духовно окормлять своих пасомых на пути ко спасению. «И по таковом озарении себя, по Божественному закону и приняв наследие отцов, тогда уже с дерзновением и образуй, и учи других, и соделайся наследием духовных древес»³⁵, – наставляет преподобный Нил Синайский.

«Образ благочестия, – замечает тот же святой отец, – составляется из сих двух частей: из благочестивых догматов и добрых дел. Поэтому не надлежит расторгать одно с другим»³⁶.

Итак, будущий пастырь, по мысли святых подвижников, должен гармонично сочетать в себе горячую веру и чистоту сердца с богословской образованностью. Ему должны быть присущи любовь к Богу, чистота сердца, добрый нрав, смирение, целомудрие, трезвение, а вместе с тем смелость и решительность. Еще до принятия сана он должен иметь искреннее послушание к духовным наставникам и заботу о ближних. Такой кандидат во священство будет надежным наставником для своих пасомых.

Самообразование

Наше время – начало XXI века – эпоха стремительного развития технического прогресса. Современный человек живет в условиях постоянного ускорения. Из-за непрестанной спешки человек невнимательно относится к окружающему миру, людям и даже к самому себе: ему некогда осмотреться, разглядеть окружающих и заглянуть в свою душу. Пришедшие в Церковь, к вере во Христа не находят времени для постижения богатств, открываемых Православием. Часто они лишь поверхностно усваивают отдельные моменты христианской науки – так же, как и светской. Их религиозность начинается и заканчивается в голове, не доходя до сердца. Истины веры воспринимаются через слух, вращаются в уме, пересматриваются, переосмысливаются, часто переделываются на свой лад и тут же сообщаются окружающим как нечто взятое из

действительного духовного опыта. Однако слово, не испытанное, не выстраданное деятельной жизнью, бывает безблагодатно и не доходит до сердец слушающих.

Будущему пастырю Церкви необходимо знать о подобных тенденциях в среде новообращенных, особенно образованных людей и прежде всего самому остерегаться общего настроения суеты, торопливости, легкомысленного отношения ко всему происходящему вокруг, поверхностного знания, глубже, с молитвой, постигать основы православной веры, вникать в богословские дисциплины. «Ведь путем просто чтения, запечатленного в письменах закона, нельзя достичь того, что достигается путем служения Богу, поскольку именно в этом служении и исполняется все», – пишет преподобный Макарий Египетский. «Поэтому, – продолжает преподобный, – избирающий такое служение уже не испытывает большой нужды в простом чтении Писания, так как он знает, что всё осуществляется в молитве»³⁷.

Древние христианские подвижники благодаря глубокому познанию Божественных истин, случалось, силой личной добродетели ограждали свою паству от соблазнительных речей проповедников мирской мудрости. Один из старцев, чьи подвиги описаны блаженным Феодоритом Кирским, «говоря на полуварварском языке, высказывал плоды своих раздумий, будучи удостоен обильных источников благодати Святого Духа. И кто из гордящихся красноречием, надменно поднимающих брови, тщеславно изрекающих пышные речи и забавляющихся хитросплетением силлогизмов смог одолеть его необразованную и варварскую речь? Он побеждал умозаключения философов размышлениями Божиими, а рассуждения их – словами Божественными, взывая вместе с великим Павлом: *хотя я и невежда в слове, но не в познании* (2Кор.11:6).

И он остался верным такому образу поведения, по слову апостольскому: *ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу* (2Кор.10:4–5)»³⁸.

Будущему пастырю необходимо тщательное изучение Слова Божия и писаний Святых Отцов прежде всего потому, что на Священном Писании и Предании основывается его собственное духовное совершенствование, просвещение его души. «Приложим тщание к чтению и поучению в Писаниях, и да пребываем всегда в размышлениях о них, помня сказанное: *От плода уст своих человек насыщается добром, и воздаяние человеку – по делам рук его* (Притч.12:14). Сие ведет нас к жизни вечной, – поучает преподобный Орисий³⁹.

Изучение Слова Божия предостерегает читающего от греха и приближает его ко Господу. Скитский патерик передает слова аввы Епифания: «Чтение Писания есть великая защита от греха, а незнание Писания есть великая стремнина и глубокая пропасть. Незнание Божественных законов есть великое предательство своего спасения»⁴⁰.

Писатели-аскеты наставляют изучать Священное Писание и святоотеческие творения с молитвой, которая является необходимым условием постижения Таин Божиих. «Ибо писанный закон излагает многие Таинства сокровенным образом; монашествующий же, если он непрестанно подвизается в молитве и в общении с Богом, обретает их, и благодать Божия являет ему самые сокровенные тайны Писания, внушающие благоговейный трепет»⁴¹.

Кроме того, требуется добродетельная жизнь и очищение сердца, ибо *Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого* (Евр.4:12). Изучающий священные книги без внимания к своему духовному состоянию находится в опасности впасть в гордость и превозношение. «Любовь к исследованию Священного Писания ради пустого любопытства, – пишет святой Аммон, – порождает вражду и спор, а плач о своих грехах приносит мир. Грехом является такое праздное исследование Писания, особенно когда оно сопровождается небрежением к собственным прегрешениям»⁴². Такой подвижник, как правило, не ограничивается чтением, но берется толковать Священное Писание и творения Святых Отцов. Если же он является пастырем, то не только сам находится в опасности, но и вводит в заблуждение пасомых. «Словопрения

и самонадеянное знание доставляют не столько прибыли душе, сколько расслабления и вреда, – замечает преподобный Макарий Египетский, – и овладевшие этими предметами подобны человеку, который вместо хлеба ест никакого вкуса не имеющее и силу телу не придающее сено, или нарисованному на стене человеку, который всё подобие членов сохраняет, но не ходит и не шевелится. Все ереси изначально отсюда возникли: люди не поверили Апостолу, говорящему: *О, бездна богатства* (Рим.11:33), и, пожелав уловить мудрость Божию рассуждением, заблудились. *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень?* (Рим.1:33–34). Ни ищущие точного понятия Бога через науки найти Его не могут, ни многознающие наставники, называющие себя способными к истолкованию Божественных таин, достоверно что-либо сказать или постичь не в силах, но Истина превосходит равно всех учащихся и учащих, и потеряли самих себя те и другие, блуждая... Так что надо удерживаться от многословия и суесловия, этим никто ничего не добьется. Само природно присущее каждому из нас знание осуждает нас, если мы не принимаем Слово Божие»⁴³.

Святые Отцы указывают также на пользу всесторонней образованности – не только богословской, но и светской. Но к предлагаемым знаниям следует подходить избирательно. «Если стараешься ты подражать мудрой пчеле, то не ленись от всякого чтения собирать полезное», – советует преподобный Нил Синайский⁴⁴.

Конечно, пастырь не может знать всего, но многосторонняя образованность может быть ему весьма полезна. Сочетание богословских и разнообразных светских познаний поможет ему привести в Православие инакомыслящих, по примеру древних подвижников, как об этом свидетельствует блаженный Феодорит: «Отсюда Афраат перебрался в Антиохию, сотрясаемую тогда еретической бурей, и, остановившись в одном загородном убежище любомудрия, немного изучил греческий язык и вскоре привлек к слушанию Божественного Слова весьма многих»⁴⁵.

В современных условиях священник обязан быть сведущим и в сфере общественной жизни. Широкий кругозор, осведомленность пастыря во всех областях знания и вопросах культуры подготавливают почву для прихода в храм людей с пытливым умом или сомневающимися. В противном случае, обнаруживая свое невежество, иерей не сможет достойно представлять лицо Церкви и соответствовать своему пастырскому призванию. Во многих ситуациях внешняя образованность может быть вспомогательным средством в общении с нецерковными, а порой и настроенными против Церкви собеседниками. В связи с этим возникает вопрос о необходимости не только богословского, но и общего светского образования пастыря. Древние Святые Отцы отвечают на этот вопрос положительно. Среди древних подвижников были люди прекрасно образованные во внешних науках. Так, блаженный Феодорит Кирский сообщает о некоем Варадате, который, «обладая умом рассудительным, давал прекрасные ответы на все вопросы приходящих к нему, и его доказательства были правильнее и сильнее доказательств тех, кто изучал диалектику Аристотеля»⁴⁶.

Как видим, светская ученость является наряду с богословской подготовкой положительной составляющей в образовании священника. Занятия светскими науками расширяют кругозор пастыря, увеличивают его возможности в окормлении своих чад, в оказании им помощи в сложных жизненных ситуациях, в решении недоуменных вопросов.

Однако Святые Отцы напоминают, что занятия науками – как светскими, так и богословскими – не могут быть самоцелью. «Некоторые определяют, что истиннейшее знание есть действие по истине узнанной, – пишет преподобный Иоанн Карпафский. – Итак, старайтесь паче делами показывать и веру, и знание; ибо кичащийся одним знанием услышит: *Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются* (Тит.1:16)"⁴⁷.

Только гармоничное сочетание образованности и личного духовного делания сообщает силу пастырскому слову. «Лишь учение, совмещенное с делом, не сможет изгладиться, поскольку опытное слово твердо печатается в душе и сообщает

слушателям постоянное и неизгладимое подобие Христа и Его добродетели. Так что и нам необходимо лечить душу не только внешне, но украсить ее со всех сторон, и особенно позаботиться об очищении ее внутренних глубин»⁴⁸. А это, в свою очередь, весьма затруднительно, если не невозможно, без опытного, чуткого духовного наставника, в котором нуждаются не только пасомые, но и сами пастыри.

Глава III Духовная жизнь пастыря

Добродетели

Высокое служение, к которому призван священник, требует от него соответствующих добродетелей. Если пороки всякого человека оказывают влияние на его частную жизнь и служебную деятельность, то любой нравственный недостаток священника унижает его звание, оказывает негативное влияние на пасомых и подает повод ищущим повода. Отсюда высокая ответственность пастыря, прежде всего за устроение своей собственной души. Так, авва Евагрий предупреждает: «Соблазняющий мирян не останется безнаказанным, а подстрекающий их порочит звание свое»⁴⁹. А преподобный Антоний Великий приводит в пример древних отцов, которые «уходили в пустыню и там, трудами своими многими у врачевая души свои, уразумевали, как можно врачевать и других. Почему, возвратясь оттуда, становились спасительными врачами других»⁵⁰.

Высокое достоинство пастыря и требования к его личности имеют глубокое основание в Священном Писании. Воспринятое Христом человечество освятилось Его Божеством, и всё, что Он делал, было безгрешно и свято. У Господа это было свойством, происходящим из нераздельности Его Божественной и человеческой природы, а у пастырей должно быть приобретено вследствие совместного действия Божественной благодати и человеческой воли. К такому соработничеству (синергии) с Богом призывают нас в своих наставлениях древние отцы-подвижники. «Люби Господа, и Он возлюбит тебя; служи Ему, и Он просветит сердце твое», – учит авва Евагрий⁵¹.

Христианские подвижники указывают на то, что добродетели противостоят страстям, им противоборствующим, и призывают христиан не останавливаться на достигнутом, но подвизаться за добродетели даже до смерти (Флп.2:8), возрастая в меру полного возраста Христова (Еф.4:13). «Воздержный удаляется чревообъедения, нестяжательный – корыстолюбия, безмолвный – многословия, чистый –

сладострастия, целомудренный – блуда, умеренный – сребролюбия, кроткий – смущения, смиренномудрый – тщеславия, послушный – спорливости, обличательный – лицемерия; подобным образом и молящийся удаляется безнадёжия, произвольно нищий – многостязания, исповедник – отречения, мученик – идолослужения. Видишь ли, как всякая добродетель, совершаемая до смерти, есть не что иное, как удаление от греха»⁵².

Требования нравственного характера, предъявляемые к священнику, можно разделить на относящиеся ко всем христианам вообще и к пастырю в особенности. Последние – значительно выше, соответственно и наказание за их нарушение – строже.

В древней Церкви, например, за тяжелые грехи миряне несли публичное покаяние с соответствующей епитимьей, а кандидаты в священство лишались права вступления в клир (тяжелыми грехами, по церковным канонам, составленным Святыми Отцами еще в древности, являются убийство, кража, святотатство, немилосердие, блуд, прелюбодеяние, симония)⁵³.

Препятствием для вступления на пастырское служение, согласно церковным канонам, бывают и грехи, за которые миряне могут не нести церковного прещения. Это – пьянство, гневливость, дерзость, драчливость, сребролюбие (см. 1Тим.3:3; Тит.1:7), особенно когда оно выражается в ростовщичестве⁵⁴. Подобное же отношение к указанным порокам пастырей мы находим и в творениях святых аскетов: «Если кому вверено какое-либо служение или управление монастырское, а он проходит оное своекорыстно, то это должно считать преступлением и святотатством, потому что, присваивая себе что-либо и употребляя это для своего успокоения, он как бы с презрением смотрит на тех, которые ничего не имеют, а богаты блаженною нищетою; и через сие не только сам погибает, но и других влечет к гибели»⁵⁵.

Кандидат во священство должен иметь доброе свидетельство от окружающих и заслужить их доброе расположение. Преподобный Нил Синайский рекомендует следующее правило внешнего поведения: «Если брат какой

придет к тебе, смири себя во всем пред ним, покажи ему радушие ради Господа и бойся вознестись гордостью»⁵⁶. В письмах паломницы, посещавшей иноческие обители Востока в IV веке, находим свидетельство исполнения аскетами этой заповеди: «Эти святые монахи встретили нас очень радушно и разрешили даже зайти к себе для приветствия. Войдя в их кельи и помолившись с ними, мы приняли от них дары, которыми они милостиво одаривают всех тех, кому оказывают гостеприимство»⁵⁷.

Доброе поведение и безукоризненный личный характер священника способствуют росту авторитета Церкви в глазах окружающих. Однако нужно разделять приветливость и человекоугодие. Преподобный Макарий Египетский пишет, что истинный пастырь, «будучи ревнителем Царства Небесного, должен стремиться к служению ближним с любовью и простотой, по сказанному: *служа с усердием, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы* (см. Еф.6:6–7), отдавая себя тесному пути и узким вратам (см. Мф.7:14)»⁵⁸.

Внешним поведением и образом жизни священник должен показывать своей пастве пример, как следует поступать в тех или иных обстоятельствах, а людям нецерковным раскрывать внутреннюю красоту православной веры, высоту человеческого достоинства во Христе. «Ибо душа обыкновенно уподобляется тому, чем бывает занята, – наставляет преподобный Нил Синайский, – и что всегда делает, то и отпечатлевает на себе, тот вид и принимает на себя. Посему и наружность, и одежда, и поступь, и седалище, и пища, и постель – словом сказать, все да будет у тебя доведено до умеренности, а также и речь, и телесное движение, и беседа с ближним да клонятся больше к скромности, а не к надмению. Будь добр и кроток перед братом, незлобив перед противниками, человеколюбив и сострадателен к униженным. Будь готов успокоить и утешить больных, посетить всякого человека, когда он в страданиях, трудах, скорбях. Вообще никого не презирай, в разговоре будь приятен, в ответах – ласков, во всем благожелателен, для всех доступен»⁵⁹.

Что касается пастырей-монахов, то их образ жизни и внешнее поведение имеют некоторые особенности, связанные с иноческими обетами нестяжания, безбрачия и послушания.

В памятниках древней монашеской письменности находим замечательные образцы нестяжательности. Вот пример из жизни египетских отцов. «Некий знатный человек пришел в скит из чужих краев с большими деньгами и просил пресвитера, чтобы он раздал их братиям. Сказал пресвитер ему: “Братия не нуждаются”. И когда тот особенно настаивал, он поставил корзину, в которой были золотые монеты, у дверей церкви. И сказал братиям пресвитер: «Кто нуждается – пусть берет». И никто из них не приблизился к ним, иные даже не взглянули на них. Сказал пресвитер тому, кто принес их: “Бог принял от тебя твою милостыню. Иди и раздай ее бедным”. Он же получил тем самым большую духовную пользу и ушел»⁶⁰.

Для мирского же пастыря материальный достаток непредосудителен, напротив, даже поощряется, если служит к пользе ближних. Так, преподобный Нил Синайский пишет некоему пресвитеру Савину: «Господь да распространит и умножит, да прославит и возвеличит дом твой. Бог да соделает его блистательным, да наполнит тысячами благ, да дарует ему известность у всех людей и да сотворит его именитым. Господь да водворится в доме твоём, потому что прибыли твои доставляют успокоение нуждающимся. Плод твой добр, благ и вечен, и от него часто вкушает Спаситель наш Христос. Ибо когда рабы, пребывающие в нужде, едят, тогда Владыка Христос Себе усваивает то, что бывает с Его служителями, Себя признает вкушающим»⁶¹. Богатство милосердного служит к довольству всех; по слову блаженного Зосимы, «стяжавший утробы щедрот – любовь и сострадание – прежде себя самого радуется и пользуется, а потом и ближнего»⁶².

Серьезными испытаниями для пастыря-монаха являются административные должности. На этом поприще особенно сложно сохранять обеты послушания, одновременно разумно пользуясь данной властью. Прекрасный образ успешного сочетания, казалось бы, несовместимых качеств дает нам преподобный Макарий Великий в своих поучениях наставникам

монахов. Он пишет: «И внешне соблюдайте чин предстоятельства, когда нужно распоряжаясь, повелевая и советуясь с наиболее испытанными из братии, а когда нужно – обличая, запрещая или увещевая кого-нибудь из них по апостольскому совету (см. 2Тим.4:2), дабы под предлогом смирения или кротости и по неведению не случилось бы в монастырях смущения, нарушающего порядок чинопоследования предстоятелей и подчиненных. Внутренне же, в уме считайте себя недостойными рабами всех братий и, как добрые педагоги, попечению которых вверены чада господ, со всем благоволением и страхом Божиим старайтесь направить каждого брата на всякое благое дело, зная, что за такой тяжкий труд ожидает вас у Бога великая и неотъемлемая награда»⁶³.

Пастырю-иноку в большей мере, чем мирскому священнику, должны быть присущи скромность и смирение. «Без смирения, хотя бы кто много постился, или удручал себя тяжкими подвигами, или старался исполнить заповеди, – все труды такого тщетны», – утверждает преподобный авва Исаия⁶⁴.

Древняя иноческая письменность в целом представляет образ пастыря-монаха, который должен «не нападать ни на кого, не обижать, не смотреть глазами на злое, не любопытствовать, не слушать чужих речей, не похищать руками, но лучше отдавать, не превозноситься в сердце своем, не пресыщать чрева своего, но во всем поступать с рассуждением»⁶⁵.

Однако основную часть добродетелей, описанных в святоотеческих творениях, можно рассматривать как общие для всех пастырей – как для семейных, так и для монашествующих.

Священный страх пред Богом – первая добродетель иерея. Этот святой страх всегда должен пребывать в глубине его сердца, направлять всю его жизнь. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, описывая свои посещения египетских подвижников, передает наставления аввы Херемона о трех степенях страха Божия: первая степень – «страх будущего мучения в геенне или боязнь настоящей строгости законов» – страх рабский⁶⁶.

На второй степени «человек уподобляется уже не рабу, а наемнику; ибо... уверенный в прощении грехов своих, он уже не страшится наказания за них, а, сознавая в себе добрые дела, думает получить за них милостивую награду»⁶⁷.

Однако этот страх пред Богом, связанный с ожиданием справедливого наказания за содеянные грехи или воздаяния за добродетели, не является непреложным стяжанием подвижника. «Ибо у тех, которые находятся в состоянии рабов и наемников, расположение к добру иногда прерывается, то есть когда душа, по причине некоторого охлаждения ее чувства и по причине развлечения мирскими удовольствиями, перестает поражаться страхом геенны или желанием будущих благ»⁶⁸.

Совершенный же страх Божий исходит из благоговения, питаемого совершенной любовью к Богу.

Это третья степень, «приличная сыну, который в полном уповании на отеческое благоволение к себе, не сомневается усвоить себе все, что принадлежит отцу»⁶⁹.

В этих трех степенях страха заключаются три основные христианские добродетели: вера, надежда, любовь. Вера страхом будущего суда и мучений отклоняет нас от скверны пороков. Надежда, ожиданием небесных воздаяний отторгая ум наш от настоящего, заставляет презирать все плотские удовольствия. Любовь, огнем своим воспламеняя в душе нашей любовь ко Христу и к преспеянию в духовных добродетелях, побуждает с совершенною ненавистью отвращаться от всего, что противно им»⁷⁰.

«И кто от Святой Троицы имеет сии три добродетели: веру, надежду, любовь, тот будет градом, который обнесен тройною стеною и, как бойницами, укреплен сими добродетелями», – заключает преподобный Нил Синайский⁷¹.

В сердце всякого духовного труженика должен постоянно пребывать благоговейный страх, порождаемый любовью к Богу. Священник же должен постоянно, во всех своих делах и поступках, быть во власти страха Божия. Это – главный признак достойного пастыря.

Любовь к Богу и людям укрепляет священника в его служении. Она не дает ему остановиться перед трудностями и

жертвами, которые сопутствуют пастырству. Любовь подвигает иерея искать мятущиеся души, пребывающие в темноте неведения, неверия или заблуждения, исцелять с Божией помощью израненных грехами и выводить к Богу сбившихся с праведного пути. Из любви проистекает готовность вместить всех в свое сердце, успокоить, утешить, примирить.

Древняя монашеская письменность дает нам множество примеров пастырской любви. Так, в «Истории боголюбцев» читаем о Симеоне, который «сначала поучает присутствующих, а затем выслушивает прошения каждого, совершает исцеления, прекращает ссоры враждующих»⁷². Другой пастырь того времени, святой Маисима, «о странниках и бедных пекся так усердно, что двери его всегда были открыты для них... Рассказывают, что он имел два сосуда – один с хлебными зернами, а другой с елеем, уделяя из них всем нуждающимся, но сосуды при этом всегда оставались полными»⁷³. Некоторые из древних отцов, проникнутые любовью к ближним, погребали усопших, как, например, Патермуфий в повести Руфина, который «особенно близко принимал к сердцу заботу о достойном погребении усопших христиан... с усердием прибирал одежды для них»⁷⁴.

Если священник не воодушевлен истинной любовью к ближним, не проявляет интереса к духовному окормлению своих пасомых, а ограничивается только формальной проповедью, то это – наемник, который не только не приносит пользы, но и вредит себе и пастве. «Тщетно всякое служение того, кто говорит одно, а в сердце своем лукаво хранит другое. Не прилепляйся к такому человеку, чтобы не измараться грязной желчью его»⁷⁵, – предостерегает святой Аммон.

Истинный пастырь, преданный своему великому служению, имея страх Божий, заботится о своем духовном совершенствовании в евангельской любви – «паче всего воспитывать в себе любовь к Богу, как силу несокрушимую и неотпадающую». От этой любви или вместе с нею, по слову преподобного Антония Великого, «приходит радость доброделания и пребывания в порядках Божиих»⁷⁶.

Святая Церковь требует от своих пастырей чистоты и целомудрия -будь то монах или иерей, живущий в браке. Это необходимое качество священника как раздаятеля благодати Святого Духа, сообщаемой в церковных Таинствах. Ведь он своими руками касается Пречистого Тела Господа при совершении Божественной литургии. В Таинстве Исповеди перед ним раскрывают свои души прихожане. Помочь им избавиться от грехов и пороков сможет только пастырь, ведущий целомудренную жизнь. Поэтому вязать и решить «позволительно наиболее славным и чистым из пастырей, которым вверены ключи Царствия, а не... носящим на себе следы греховных скверн»⁷⁷. Это совершенно особенное служение священника является для него, по указанию Святых Отцов, весьма сильным побуждением к ревности о постоянном возрастании в добродетели. «Будем праведно ходить тем путем, которым шли святые, о которых написано: *Блаженни непорочнии в путь, ходящии в законе Господни* (Пс.118:1), – призывает преподобный Антоний Великий, то есть в чистоте тела, в чистоте языка, в чистоте очей, в чистоте рук, в чистоте ушей, в чистоте ног, в правом пред Богом помышлении и в чистом сердце в отношении друг ко другу, как говорим мы в молитвах: *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс.50:12)"⁷⁸.

В отношениях с паствой необходимым качеством священника преподобный Макарий Египетский называет смиренномудрие, которое, по замечанию святого, является орудием против диавола: «Но и вы, подвижники – предстоятели братств, взявшие на себя великий труд, с помощью смиренномудрия боритесь с искусными кознями зла так, чтобы, имея власть над подчиненными вам братьями, не превозноситься и не подпасть страсти гордыни, вместо великой пользы нанеся душе своей большой ущерб и вред»⁷⁹.

Смиренномудрию непременно сопутствуют кротость и смирение, умиротворяющие гнев и обуздывающие наглость. Образец пастырского смиренномудрия показан блаженным Феодоритом Кирским в «Истории боголюбцев». Настоятель монастыря Давид прожил в обители сорок пять лет «без ропота

и гнева». Однажды во время беседы «некто Олимпий, занимающий второе место в управлении монастырем, пришел к нему и стал упрекать этого божественного Давида, говоря, что кротость его вредна для всех, и называя его снисходительность общим злом, а возвышенное богомудрие – не кротостью, но безумием. Он же, словно имея адамантову душу, выслушал эти слова не уязвляясь, хотя и сказаны они были для того, чтобы его уязвить, не изменился в лице и не прервал текущего разговора, но кротким голосом и словами, выражающими ясность души, отослал того старца, обещая ему исправить то, на что он указал. Давид перенес такую дерзость в присутствии посторонних, слышавших укоризны, и не выказал никакого возмущения или признаков гнева»⁸⁰.

В числе качеств, необходимых пастырю, Святые Отцы называют также скромность, которая должна проявляться не только в его внешнем виде, но и в первую очередь в делах. Древние подвижники старались тщательно скрывать свои добродетели, поскольку это, кроме прочего, является средством их охранения. Множество примеров тому можно найти в древних патериках. Таков был, например Полихроний, упоминаемый блаженным Феодоритом, который всегда старался скрывать свои труды»⁸¹. Другой старец, о котором поведал Руфин, «предав погребению тело юноши, немедленно удалился, тщательно избегая какого бы то ни было вида тщеславия»⁸².

Венцом пастырских добродетелей являются мудрость и рассудительность, которые «научают человека идти царским путем, удаляясь от крайностей с обеих сторон: с правой стороны не попускает ему обольщаться чрезмерным воздержанием, с левой – увлекаться к нерадению и расслаблению»⁸³. Эти качества формируются постепенно и зависят не только от продолжительности служения в сане иерея, но, скорее, от глубины духовного опыта.

Множество и других пастырских добродетелей упоминают древние христианские подвижники. Естественно, что не все они в равной степени проявляются в жизни каждого священника. Однако на пути личного духовного возрастания пастырь должен,

стремясь к совершенству, иметь перед собой святоотеческие идеалы. Эти добродетели необходимы священнику, чтобы достойно и праведно совершать возложенное на него высокое служение в мире, где царит атмосфера греха и искушений.

О том, как вести себя пастырю, который «не от мира сего», в царстве «князя этого мира», пойдет речь далее.

Отношение пастыря к миру

Находясь в определенных исторических условиях, пастырь отзывается на происходящие события, принимает участие не только в церковной, но и в общественной жизни. Будучи призван нести людям свет Евангелия, он везде, где бы ни оказался, должен исполнять дело христианской миссии.

Разрыв с греховной жизнью мира не означает утрату заботы о его духовном преображении. Так и древние отшельники, удаляясь в пустыню, с христианской любовью относились к странникам, немощным, нуждающимся и заблудшим.

Основатель пустынножительства преподобный Антоний Великий, согласно житию, записанному святителем Афанасием Александрийским, «вразумлял жестокосердных людей, примирял тяжущихся, печаловался за обиженных с такой силой, как будто обиженным был он сам. Святой Антоний утешал печальных и плачущих, помогал искушаемым, одним словом, как врач, дарован он был Богом Египту»⁸⁴.

Пастыри-иноки не пренебрегали заботой о людях ради своего личного подвига. Блаженный Феодорит Кирский, повествуя об одном из подвижников, Маисиме, говорит: «Для избравших любомудрие не служит препятствием ни жизнь городская, ни жизнь деревенская. Ибо и Маисима, и подобные ему ревнители служения Богу показали, что и вращающимся среди множества людей вполне возможно достигнуть самой вершины добродетелей»⁸⁵. Известно утверждение преподобной Синклитикии о том, что «и находясь в обществе, можно быть иноком в мысли»⁸⁶.

Конечно, мир представляет для христианина много опасностей; жестокость нравов и духовный холод встречают пастыря Христова вне ограды церковной. Но само вступление на путь пастырства уже означает принятие креста свидетельства

о Христе именно там, где о Нем еще никто не слышал – миссия, в той или иной мере свойственная всем последователям Христа. «Представь, – говорит преподобный Нил Синайский, – что растленный мир есть пещера, в которой люди праведные живут, как некие земные Ангелы, а люди злые, гнездясь в указанной пещере наподобие пресмыкающихся, делают множество обид и затруднений блаженным мужам. Посему, если от сожительства с последними, от их терпения и увещаний злые со временем изменят зверство свое в человеческое состояние, то хорошо. А если до конца останутся неисправимыми, то в будущем понесут сугубое наказание: и за то, что вместо добродетели возлюбили порок, и за то, что не захотели соделаться лучшими от общения с праведными и по их вразумлению»⁸⁷.

Итак, главная миссия пастыря в мире – свидетельство о высших духовных истинах, призыв людей к жизни во Христе.

Преподобная Синклитикия указывает на три типа отношений человека к своим ближним (то есть к другим людям): «Три вида расположения есть в людях: одни совершенно погрязли во зле, вторые – в среднем состоянии и склоняются и к добру, и к злу, третьи вознеслись к великой добродетели и не только сами подвизаются в добре, но ищут любого случая, чтобы привести к добру и тех, кто совершенно погряз во зле». На высшей ступени находятся последние; их «расположение более братолюбиво, чем самолюбиво, поскольку они любят братьев своих более, чем самих себя». «Как те, – продолжает святая, – кто, видя горящими дома соседей, оставляет свои собственные дома и бежит, чтобы спасти соседские от огня, так и они, видя братьев своих грешащими, пренебрегают собой, терпят поношения от других и всё переносят, чтобы спасти своих братьев. Средние же, когда видят брата, снедаемого огнем греха, бегут, поскольку боятся, чтобы и их не пожег греховный пламень. А последние, как плохие соседи, когда видят своих братьев в огне, сильнее раздувают его, принося, как дрова, свое собственное зло, чтобы совершенно погубить их, и вместо того чтобы залить водой греховный пламень, подбрасывают дрова, то есть дают им грешить еще больше. Но

третьи, добрые люди, своему личному благу предпочитают спасение братии, что является свидетельством их истинной любви»⁸⁸.

Если потакать чужим грехам свойственно людям, чуждым христианства, а сторониться грешников ради собственной безопасности допустимо для простых христиан, то на священнике лежит обязанность помогать грешнику, вызволять его из огня погибели. Пастырское служение по самой сути своей жертвенно. Соприкасаясь с миром, необходимо явить неотмирность, духовную высоту, по которой порой неосознанно тоскует и к которой тянется душа всякого человека. «От Господа повелено нам врачевать, а не раздражать удобопоползновенных, иметь в виду полезное ближнему, чтобы, следуя безрассудным своим пожеланиям, не довести до преткновения многих из людей простых, став для них поводом к соревнованию о земном», – наставляет пастырей преподобный Нил Синайский⁸⁹.

Цель соприкосновения пастыря с миром – избавление человека от мирских страстей, приведение чад мира сего в Царствие Божие. Поэтому для пастыря недопустимы развлечения, которые обращают его вспять, сводя на нет все прежде бывшие труды. Ибо, по слову преподобного Антония Великого, «в мире врагу удобнее теснить нас своими орудиями, и внешними, и внутренними; там, привлекая к себе некоторых людей как пособников и подручников, ему послушных, он при посредстве их ведет брань против верных, широко распростирая свои сети»⁹⁰.

Однако отказ от участия в нечестии мира не означает гнушения людьми, подпавшими под власть греховной немощи. «Некий брат спросил одного старца: “Если я вижу брата, о котором слышал, что он совершил грех, мне неприятно принять его в свой дом. Если же я вижу брата доброго, я принимаю его, радуясь”. Сказал старец: “Если ты делаешь малое добро доброму, то делай и другому, ибо он больной”»⁹¹.

Не подобает также пастырю быть угрюмым и высокомерным. Простота и открытость должны царить как в его душе, так и во всем внешнем облике. «С веселым видом

встречай странника, – учит преподобный авва Исаия, – и приветствуй его, дабы взаимное свидание ваше не послужило к чему-либо бесполезному»⁹².

Пастырю должны быть свойственны человеколюбие и гостеприимство. Эти добродетели, как деятельное проявление евангельской любви, считались первостепенными в среде древних подвижников. Пресвитер Руфин рассказывает, как старец, которого они посетили, прежде всего позаботился об исполнении долга человеколюбия и гостеприимства и о доставлении им телесного подкрепления. «Нисколько не думая о себе, – замечает Руфин, – он заботился лишь о нас»⁹³. «Когда находишься в своей келии и придет к тебе странник, – наставляет авва Исаия, – то окажи ему услугу: вымажь маслом ноги его»⁹⁴.

Потому и древние монастыри, отрекаясь от дел и забот мира сего, не отказывались от благотворительности немощным и нуждающимся. «Мы должны, – заповедует преподобный Антоний Великий, – принимать в монастырь и стариков немощных, больных, слепых и расслабленных, и любить их, когда они с радостью и усердием посвящают себя стяжанию добродетелей, хотя по немощам своим и не могут поднимать всех трудов»⁹⁵.

Милосердие к нуждающимся должно быть бескорыстным. «Если окажешь благодеяние нищему, – говорит авва Исаия, – то не зови его на поделение, дабы не погубить благодеяния, оказанного ему»⁹⁶. Благотворящий ради Бога не останется в убытке. Поистине, *блаженнее давать, нежели принимать* (Деян.20:35). «Не отворачивайся от бедного во время горя его, и не оскудеет елей в лампаде твоей»⁹⁷, – учит авва Евагрий.

Пастырь, заботясь о благотворении другим, не должен забывать и о состоянии собственного сердца; так, во избежание славолубия и тщеславия, иногда допустимо оказывать милость через других людей.

Бескорыстное отношение к миру не исключает возможности принятия пожертвований от мирских людей. Это позволяет пастырю не только поддерживать собственную жизнь для дальнейшего духовного служения, но и дает дополнительную

возможность для оказания помощи другим. «Поэтому не печалься и не скорби о том, что некоторые христолюбивые и богочестивые мужи и жены отвне приносят тебе что-то в твое распоряжение, – наставляет преподобный Нил Синайский, – ибо не причинишь никакого ущерба и не положишь преграды воздаяниям, какие следуют тебе, когда, подавая нуждающимся свое собственное, вместе со своим достоянием благодушно и усердно передавать будешь и чужие приношения. Сим даже в большее число крат умножаешь, а не умаляешь Божие воздаяние, и более светлый сплетается тебе венец. Господь, видя искреннее, нелицемерное и блаженное расположение твоего сердца, внушает достойным и при жизни своей отдавать, и, умирая, оставлять тебе щедро, чтобы и они были помилованы, и ты прославился и увенчался, со своим именем раздавая и приносимые другими блага»⁹⁸. От принятия приношений, делаемых во славу Божию, есть двоякая польза: во-первых, эти приношения доставляют духовную пользу пожертвовавшим (и Бог жертву приемлет, и пастырь возносит о них молитву), а во-вторых, они могут использоваться для покрытия нужд неимущих, которые через это прославят Бога.

Пастырь, правильно относящийся к жертвованиям, не станет льстить жертвующим (называемым ныне спонсорами) ради величины их приношений. Прекрасно говорит об отношении к жертвователям преподобный Нил Синайский, указывая на пример истинных подвижников: «Они скорее решились бы оставить тело и освободиться от жизни во плоти, нежели изменить добродетели и для телесной потребности польстить кому-либо из живущих в изобилии. А мы, когда имеем в чем надобность, подобно молодым псам, которые, весело махая хвостом, ласкаются к бросающим голую, может быть, кость, сбегаясь к богатым, называя их благодетелями и попечителями христиан, и, одним словом, приписываем им всякую добродетель, хотя они до крайности порочны, только бы успеть нам в желаемом; не любопытствуем узнать, как жили святые, соревновать добродетели которых, конечно, и мы предполагали. Пришел некогда к Елисею Нееман, сирийский военачальник, принеши с собою многие дары. Что же пророк?

оказал ли ему услугу? поспешил ли к нему навстречу? Не чрез отрока ли одного объяснил ему потребность его, за которую тот пришел, даже не принял его сам, чтобы не подумал, будто бы ради принесенного дано ему уврачевание? Не для того сие сказано, чтобы научились мы высокомерию, но чтобы ради телесной потребности не льстили заботящимся о том, чем дали мы обет пренебрегать»⁹⁹.

Жертва порочного не должна затмевать глаза пастырю, его главное дело – наставить человека на путь правды и истины независимо от того, последует ли за этим материальное воздаяние. Недопустимо заискивать перед миром ради получения благ этого мира, как недопустимо и всякое человекоугодие. Об этом напоминают нам древние подвижники: «Если вы будете действовать для угождения людей, они сами осудят вас за отсутствие страха Божьего, если же вы будете ревнителями справедливости, то совесть не сделает их слепыми к тому, что сделано по-Божески»¹⁰⁰.

Свидетельство о добродетели словом и делом должно составлять суть пастырского отношения к миру, которое не должно зависеть от возможных пожертвований, но всегда иметь в виду духовную пользу всех, в том числе и самого пастыря. «Будем благосклонно принимать бедных, – говорит авва Исаия, – чтобы освободиться от сребролюбия, когда оно изыдет в сретение наше. Всех братьев наших будем любить одинаково, отнюдь не питая ни к кому злобы, не воздавая злом за зло (см. Рим.12:17), чтобы освободиться от вражды (когда она изыдет нам в сретение). Будем сохранять мир со всеми, как с малыми, так и великими, чтобы это сохранило нас от ненависти (когда она изыдет в сретение наше)»¹⁰¹.

Итак, общение пастыря с миром должно основываться на его добродетелях и служить их умножению, а не причинять духовный ущерб. Для того, чтобы мир не мог нанести сердцу подвижника неизлечимую рану, важно время от времени уединяться, предаваться внутреннему безмолвию, удаляться от житейской молвы¹⁰². Пастырям же из монахов преподобный Антоний прямо указывает на их обязанность пребывать в келии, то есть в уединении: «Как рыба, находясь долго на суше,

умирает, так и монахи, находясь долго вне келии или пребывая с мирскими людьми, делаются неспособными к подвигу безмолвия. Посему, как рыбе необходимо пребывать в воде, так и мы должны пребывать в келии, дабы оставаясь вне оной, не забыть о внутреннем бдении»¹⁰³.

Духовная зрелость пастыря проявляется в том, что он не колеблется волнами житейского моря. Об этой зрелости говорит авва Моисей: «Человек, бегающий от людей [от их страстей], подобен зрелому винограду, а обращающийся с ними есть как бы незрелая ягода»¹⁰⁴.

Христианская миссия в миру должна совершаться с глубоким трезвением, чтобы мир не производил на душу сильных впечатлений и не вызывал бурных эмоций. Потому-то авва Исаия заповедовал иноку: «По возвращении твоём никому не рассказывай того, что услышишь вне монастыря, и сам не удерживай оногo в памяти»¹⁰⁵.

Случается, что добродетельная жизнь пастыря привлекает к нему множество мирян помимо его воли. Однако и в этом случае ему надлежит неуклонно шествовать по пути евангельских заповедей, посвящая себя всецело единому Христу. Господь же Сам, когда и как знает, управит его служение людям. «Будем избегать пребывания в городах и весях, – пишет авва Исаия, – чтобы живущие в городах и весях притекали к нам; устремимся в пустыню, чтобы привлечь к себе, если кому вполне приятно это, бегущих теперь от нас. Ибо в похвальной песни о некоторых написано, что оставили города, поселились на камнях и стали яко голубицы скорбящие (см. [Иез.7:16](#)). И Иоанн Креститель пребывал в пустыне, и все города со всеми жителями приходили к нему. Чтобы увидеть кожаный пояс, стекались облеченные в шелковые одежды.

Соглашались беседовать под открытым небом имеющие у себя дома с позлащенными крышами. И возлежание на песке стало славнее упокоения на убранных драгоценными камнями ложах. И все было для них сносно, хотя делалось против обычая, потому что любовь к добродетели мужа отнимала у них ощущение скорбного, и удивление тому, что видели, закрывало трудность суровой жизни»¹⁰⁶.

В общении с мирскими людьми (как, впрочем, и в любом доброделании) необходима рассудительность. Она научит пастыря, как, помогая одним, не вредить другим, в том числе и самому себе. Пример такой рассудительности находим в поучении аввы Исаии: «Если он из числа праздношатающихся, а у тебя в это время будут люди благочестивые, то не допусти его взойти к ним, но окажи ему милость и отпусти его. Если же он беден, то не отпусти его без чего-либо, но дай ему то, что пришлет тебе Бог»¹⁰⁷.

Общение с людьми требует от пастыря многих духовных и душевных сил и порой сказывается даже на его телесной крепости. Так, в Древнем патерике рассказывается, как один старец, пребывавший в пещере в Фиваиде, побеседовав с некоторыми благочестивыми мирянами и преподав им наставление, когда ушли они, против обыкновения своего заснул¹⁰⁸.

Итак, по учению древних подвижников Востока, христианский пастырь призван приводить овец Христовых из падшего мира ко Христу, в Царство Божие (ср. Ин.10:1–16), чтобы они из чад мира сего соделывались чадами Божиими, чадами Церкви. Для исполнения этой цели пастырю необходимы рассудительность, человеколюбие, добродетельная жизнь, независимость от страстей и мирских обычаев, господствующих в обществе, крепость духовных и душевных сил, которые он черпает в молитвенном общении с Богом.

Молитвенное делание

Священник – это посредник между Богом и людьми. Его полноценное служение невозможно, если он не имеет дерзновения в молитве. Без молитвы иерея невозможны духовное окормление и решение недоуменных вопросов прихожан. Древние подвижники никакого дело не предпринимали без молитвы, тем более если оно касалось спасения человеческих душ. Так, преподобный Марк Подвижник отвечал на вопросы лишь после молитвы в своем уме, зная, что наши слова без молитвы бывают погрешительны или даже вредны¹⁰⁹. «Молитесь, – поучает преподобный Антоний Великий, – да

дарует вам Бог благодать все ясно видеть и разуметь, чтобы вы верно могли различать, что добро и что зло»¹¹⁰.

Святые Отцы говорят, что учитель молитвы – Сам Бог. Однако вряд ли найдется среди них хоть один, кто не оставил бы поучений о молитве. Священник может и должен почерпнуть в них уроки и примеры молитвенного делания. Делясь своим богатым молитвенным опытом, древние подвижники непрестанно побуждают нас последовать их примеру. «Размышляй о делах Божиих, – наставляет преподобный Антоний Великий, – и не ленись молиться»¹¹¹.

Примеры пастырской молитвы мы находим прежде всего в Священном Писании. Сам Пастыреначальник Христос так молился о Своих учениках:

Я о них молю: не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои... Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их (Ин.17:9, 20). Вослед за Своим Учителем и Господом молились о новопросвещенной пастве, первых христианах, святые Апостолы. Апостол Павел пишет: *Непрестанно благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих (Еф.1:16).* Преемство в молитвенном предстательстве о своих чадах приняли и сохранили для будущих поколений пастырей преподобные отцы IV-V веков. Они считали молитву первым и самым действенным средством помощи ближнему. «Лучше с благоговением молиться о ближнем, нежели обличать его во всяком согрешении», – говорит преподобный Марк Подвижник¹¹².

Священнику необходимо иметь личный опыт молитвы. В идеале он должен исполнить новозаветную заповедь о непрестанной молитве. «Постоянно молись во всяком деле, чтобы ничего не делать без помощи Божией», – пишет преподобный Марк Подвижник. Потому что, продолжает святой отец, «нет ничего сильнее молитвы по действию, и нет ничего полезнее ее для богоугождения»¹¹³.

Душа, легко воспаряющая к Богу в молитве, получив дар священства, обретает молитвенное дерзновение за людей. «Хорошо словами доставлять пользу вопрошающим, но лучше содействовать им молитвою и добродетелью. Ибо сими

приносящий себя Богу, помогая себе, помогает и ближнему», – наставляет преподобный Марк Подвижник¹¹⁴.

Молитвенное предстательство есть наивысшее проявление любви к Богу и людям, и оно требует от священника наибольших усилий. Дерзновение в молитве о ближних – это великий дар благодати Божией, который приобретается не всуе, но многими подвижническими трудами. «Господь не всякому дарует Божественную, духовную благодать, а только тем, которые в труде, в самоизнурении, с пролитием пота просят ее ночь и день. Посему паче всего воспримем на себя молитвенное служение Богу»¹¹⁵, – читаем у преподобного Нила Синайского.

Значительная часть творений древних подвижников IV-V веков посвящена умной молитве. Основатели монашества и их ближайшие последователи, удаляясь в безлюдные места, на своем опыте познали необходимость непрестанного умного делания для очищения внутреннего человека. «Напрягайся непрестанно изливать молитвы со слезами, чтобы сжалился над тобою Бог и совлек с тебя ветхого человека»¹¹⁶, – учит преподобный Антоний Великий.

Умной молитвой можно заниматься не только в пустыне или в монастыре, но и в миру. Для этого необходимо прежде всего так наладить свою жизнь, чтобы пребывать в постоянном внимании к своей душе, помня, что Бог находится на всяком месте владычества Своего и ждет от нас плодов покаяния – сокрушения сердечного и смирения: *Даждь ми, сыне, твое сердце* (Притч.23:26). Святые подвижники опытно испытали, что кратчайший путь к этому – умная молитва. «Нерассеянно молящийся ум утесняет сердце. Сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс.50:17)», – пишет преподобный Марк Подвижник¹¹⁷.

Подвиг умного делания был свойственен первым христианам, пребывавшим в благодатном единстве со Христом. Собственно молитвой преимущественно считалась непрестанно творимая молитва Иисусова: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Такая молитва – необходимое условие благодатной христианской жизни и средство ко

внутреннему, сердечному единению с Господом. «Если желаешь быть храмом Божиим, то приноси Богу непрестанную жертву – непрерывную молитву», – учит преподобный Нил Синайский¹¹⁸.

Чтобы стяжать умную молитву, нужно прежде всего последовать заповеди Спасителя: *Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне* (Мф.6:6). Комната, по толкованию Святых Отцов, есть сердце, двери – чувства. Войдя умом в сердце, душа более не блуждает в помышлениях и мечтаниях, но посредством сокровенной молитвы соединяется с Богом. Внутренней молитве древние подвижники учили прежде всего своим примером. Так, преподобный Антоний Великий, о котором «все знали, как долго он маливался... иногда так углублялся в молитву, что простаивал в ней целую ночь, и когда восходящее солнце пересекало эту его пламенную в восхищении ума молитву, мы слышали, как он говорил: “Зачем мешаешь ты мне, солнце? Ты для того будто и восходишь, чтобы отвлекать меня от Божественного умного света”»¹¹⁹.

Молящемуся постоянно, в сокрушении сердца, со вниманием и страхом Божиим Сам Бог со временем дарует сердечную теплоту, мир и любовь. Молитва становится для него потребностью души, как пища и питье для тела. Однако действие такой благодатной молитвы остается для нас непостижимой тайной, как непостижим и недоступен Сам Бог, ею призываемый.

Умная молитва требует от подвижника многих усилий и трудов. Святые Отцы призывают день и ночь трудиться в делании Иисусовой молитвы. «Должно всегда молиться день и ночь, – поучает преподобный Нил Синайский, – потому что Господь дарует Божественную благодать не просто кому бы то ни было, но тем, которые просят неотступно, не щадя труда, усилия и пота»¹²⁰.

Дерзновение пастыря в предстательстве пред Богом о своих пасомых, которые в таковом крайне нуждаются, возрастает, по мере того как он стремится к очищению своего сердца и стяжанию непрестанной, немечтательной молитвы. Источником благодатных средств для нравственного

совершенствования и спасения верующих являются Таинства Церкви, совершаемые действием Святого Духа посредством молитвы иерея. Произнося слова церковных молитв, священник должен глубоко переживать их, сознавая, что он предстоит перед Престолом Божиим, ходатайствуя пред Ним за молящихся в храме и вместе с ними принося духовные жертвы. «Ради слез, проливаемых иереями паствы Твоей, пощади искупленную Тобою Церковь Твою»¹²¹, – восклицает преподобный Ефрем Сирин. Своим дерзновенным предстательством иерей может не только подвинуть пасомых к покаянию, но и умолить Бога вернуть погибающую душу в стадо Божие.

Домашняя церковь

Святая Церковь предъявляет строгие требования к брачной жизни пастыря. Его дом – это малый храм, где он, как глава семейства, предстоит Богу в молитве, обновляется и укрепляется духовно, является образцом в добродетельной жизни для домочадцев. Согласно Священному Писанию, *... епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен... честен, страннолюбив... хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? (1Тим.3:4–5).* Естественно, что те же требования предъявлялись и к пресвитерам – соучастникам ответственности и благодати епископов (для которых впоследствии было принято безбрачие).

Церковь не обязывает священнослужителя вступать в брак, но требует, чтобы, избирая супружескую жизнь, он проводил ее достойно высокого звания пастыря. Прежде всего брак священнослужителя должен отвечать идеалу установленного Церковью единобрачия¹²². На пастырское служение должны быть поставляемы только лица нравственно непорочные, которые могут и другим помочь бороться со страстями.

Следует отметить, что Святым Отцам Востока всегда был чужд манихейский взгляд на брак как на что-то изначально богопротивное и непозволительное. Они подчеркивают, что

Господь благословил два пути в Царствие Небесное: целомудренный брак и девство. «Ведь Господь, – говорит преподобная Синклитикия, – сотворив Вселенную, в ней создал два образа существования: тем, кто живет целомудренно, Он даровал брак для деторождения; тем же, кто живет в чистоте, Он заповедал девство, чтобы они были равноангельными. Женатым говорит *возделывать землю* (Быт.3:23), а монахам: *Не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф.6:34); тем Он дал закон, нам же, монахиням и монахам, явил Свои заповеди через благодать»¹²³.

Учению Святых Отцов Церкви чужда и противоположная крайность во взгляде на брак: понимание его как средства утоления похоти. В творениях древних подвижников часто встречается мысль о том, что Богом установленное супружество необходимо для продолжения человеческого рода. Так, преподобный Нил Синайский пишет: «Родились у меня, друзья, два сына: один – тот, которого я здесь сижу и оплакиваю, и другой, оставшийся с матерью. И после того я прекратил супружеское общение, сочтя, что их будет достаточно для продолжения рода или для заботы о нашей старости. Ибо я рассуждал, что всякое разумное существо должно не предаваться наслаждениям до пресыщения и не злоупотреблять разрешением закона для поругания природы, но, послужив замыслу Творца, Который устроил брак не для утоления страсти, но для приумножения рода, скоро остановиться, чтобы, когда позже увянет сила и вожделения угаснут в естественном спокойствии старости, не приписывать себе подвиг целомудрия, достигнутый принуждением возраста, а не сознательным рвением»¹²⁴.

Чтобы достойно пасти стадо Христово, священник должен вначале управить свою малую церковь – семью. Доверие прихожан к пастырю выше, если они видят его добрую личную жизнь. Домашний быт иерея должен быть для них примером для устройства их собственного домашнего очага. Жилище пастыря Церкви не должно быть чрезмерно изысканно и роскошно, чтобы не давать окружающим повода для соблазна и

зависти. Напротив, совершенно необходимы простота и скромность как в жилище, так и в быту, и в одежде пастыря.

Супруга священнослужителя – это его первая помощница в христианской жизни и соратница в пастырском служении. Ей должны быть свойственны скромность, мирность, сдержанность, чуткость, беспорочная жизнь. Никаким поступком, словом или жестом она не должна давать повод для осуждения себя и своей семьи. Бережливость и в то же время милосердие и попечение о нуждающихся – драгоценные качества, украшающие матушку.

Немаловажное место в семейной жизни священнослужителя занимает воспитание детей. Он обязан заботиться о том, чтобы они были истинными чадами Церкви, имели страх Божий и благочестие. Святитель Иоанн Златоуст говорит об этом: «Хочешь, чтобы сын твой был послушлив? С детства воспитывай его в наказании и учении Господнем»¹²⁵.

Крайне печально и соблазнительно бывает видеть, когда дети священника оказываются людьми нецерковными и безнравственными. В этом случае на пастыря возлагается вина за то, что он не приложил должного старания в воспитании своих детей. Пример – ветхозаветный священник Илий, не обращавший должного внимания на распущенность своих сыновей и наказанный за это Богом (см. 1Цар.3:11–14), показывает, сколь велика ответственность пастыря за нравственное состояние своих детей. Каждый священнослужитель должен помнить об этом и воспитывать детей в строго христианском духе.

Итак, Святые Отцы призывают пастырей к жизни высоконравственной и безукоризненной, прежде всего в своей малой церкви – семье, чтобы никто не мог укорить его в чем-либо соблазнительном или небогоугодном. Ибо, по слову преподобного Исидора Пелусиота, «его жизнь испытывается тысячами глаз»¹²⁶.

Роль духовника в жизни пастыря

Цель христианской жизни – внутреннее очищение от страстей и соединение с Богом – пастырь должен прежде всего осуществить в подвиге собственной жизни. Созидая вверенные

ему Богом души, он должен и сам расти духовно, всегда оставаясь выше своих пасомых в духовном отношении. Этому весьма способствует жизнь под руководством духовника.

Для современных христиан это вопрос очень болезненный. Многие хотят найти духовника, но часто сталкиваются с негативными примерами в духовнической практике: или священник впадает в «младостарчество», или интересы его чрезмерно меркантильны, или он еще не имеет достаточной силы духа. Редко кто вполне доверяет своим наставникам, чаще следуют собственному разуму, во всем полагаясь на себя, к духовникам же обращаются только для вида, потому что «так принято».

Но в духовной жизни без опытного руководителя достичь успеха невозможно. Это прекрасно понимали все преподобные отцы. Святой Антоний Великий, например, не считал зазорным поверять свою жизнь более совершенным подвижникам и своих учеников наставлял поступать так же: «Твердо знайте, что ни преуспеть или возрасти и сделаться совершенными вы не можете, ни уметь верно различать добро от зла вы не будете, если не будете повиноваться отцам вашим. Отцы наши сами так поступали: повиновались отцам своим и их наставления слушали; оттого преуспели, возросли и сделались сами учителями»¹²⁷.

Все без исключения Святые Отцы всех времен видели в послушании главнейшее условие правильной духовной жизни. Преподобный Антоний Великий предупреждает, что тот, «кто ходит в своей воле, тому Бог ни в чем не подаст помощи, но оставит его демонам, которые будут витать в сердце его день и ночь, и не дадут ему возыметь ни в чем никакого покоя, и сделают его бессильным и немощным во всех делах, как внешних, так и внутренних, и многое другое наведут они на него пагубное и вредное»¹²⁸. Еще большее значение послушание имеет для пастыря. Он, полагая свои силы на воссоздание человеческих душ, находясь на острие духовной борьбы, имеет множество случаев повредить себе, быть побежденным миром, плотью и дьяволом.

Священник, избравший неверный путь внутренней жизни, основанный не на истинном покаянии и послушании, далеко не всегда может заметить и осознать коренящейся в его сердце тайной гордыни. Корни этой болезни бывают так глубоко сокрыты, что только опытный духовник может их обнаружить. Однако следствия неправильной духовной жизни со временем обязательно проявятся. Самочиние воцарится и в семье такого иерея, и на приходе. Исправить ситуацию, возникшую вокруг него и по его вине, бывает трудно.

Об опасности непослушания и самочиния предупреждают древние аскеты Востока, исходя из своего опыта и ошибок других подвижников. Преподобный Антоний Великий говорит: «Таким же образом поступает диавол и с несовершенными христианами, когда, не зная, как различить доброе от худого, следуют они своим склонностям, довольствуясь своим суждением и мнением; когда отцов своих совершенных, умеющих верно различать добро от зла, не спрашивают, а следуют желаниям своего сердца, думая, что они и сами достигли уже совершенства и получили благословение отцов своих. Таковые подобны тем птицам, которые построили свои гнезда высоко, но слетели на землю, попались в сети птицелова и были пойманы. Подобное этому случается с ними, потому что в самоуверенности они действуют всегда по влечению своего сердца и исполняют свои желания, не слушая отцов и не советуясь с ними»¹²⁹.

Но своевольникам очень тяжело применить к себе слова обличения, слова об исправлении, особенно когда своеволие глубоко укоренилось в душе, вошло в привычку. Поэтому важно пребывать в послушании и совете со старшими с самого начала духовного пути. Особенно это касается пастырей.

В армейской среде есть меткая пословица: «Прежде чем командовать – научись подчиняться». Священнику, которому предстоит наставлять других людей, помогать им исцеляться от страстей, обязательно необходим наставник. «Если он постарается найти себе какого-либо человека, Божия служителя, искусного в духовном врачевстве, – замечает преподобный Антоний Великий, – и к нему прилепится, то он прежде исцелит

эту душу от страстей, потом воскресит и научит, как при помощи Божией получить ту радость, которая есть ее пища. Тогда-то воспротивится врагам своим, которые суть духи злые, и их одолеет, и советы их потопчет, и совершеннейшею еще возрадуется радостью»¹³⁰. «Не будь непослушен, – наставляет тот же святой отец, – иначе будешь орудием и сосудом всех зол и неправд»¹³¹. Страшно представить, что таким орудием может стать священник.

Пастырю необходимо быть не только ведущим, но и ведомым с самого начала его служения и до конца земной жизни. Только проверяя себя во всем, советуясь с более опытными наставниками, в чем проявляется его смирение, сможет он сам миновать сети дьявола и провести среди них своих пасомых.

Древние христианские подвижники единодушно советовали: прежде чем стать на путь безусловного послушания, «наперед удостовериться в правомыслии и в опытности старца, и тогда уже доверяться его слову и беспрекословно принимать его советы. Признак, по которому это можно распознать, есть согласие слова его со Словом Божиим». «Надобно смотреть, – говорит преподобный Антоний Великий, – на то, что повелевается. Если кто укажет тебе что-либо такое, что согласно с заповедями Господа нашего, – прими то с покорностью и старайся соблюдать»¹³². Так же и преподобный Иоанн Кассиан Римлянин наставляет: «Хорошо не утаивать своих помыслов от отцов, однако не каждому объявлять, а только открывать старцам духовным и имеющим рассуждение»¹³³.

Воспринять правильный покаянный настрой души можно только «из рук в руки», подобно тому, как приобретается навык и в любом деле или ремесле, где есть учитель и ученик, мастер и подмастерье. Поэтому необходимо найти такого смиренного наставника, который сам имел бы сокрушенный дух, чтобы от него перенять опыт сокрушения о своей падшей душе с неперенным упованием на милосердие Божие.

Некоторые церковные писатели отмечают, что повстречать такого учителя в наши дни практически невозможно. Они

советуют учиться смирению, внимательно читая Святых Отцов Церкви, дабы у них перенять науку «спасительного самовоззрения» (святитель Игнатий «Брянчанинов»), не доверяя себе, с осторожностью относясь ко всем движениям своей души. Это правильно.

Однако следует принять во внимание, что, во-первых, человек воспринимает всё через призму своей поврежденной природы, во-вторых, за душу каждого человека, тем более пастыря, идет непримиримая и непрерывная духовная борьба, в-третьих, недоверие к себе, с одной стороны, и жизнь без совета – с другой, могут привести к духовному или психическому расстройству.

Древние подвижники указывают на несомненную пользу от откровения помыслов опытным настаникам. По замечанию преподобного аввы Исаии, «скрывающий свои помыслы перед отцами ищет чести и славы мирской, а открывающий оные свободно отцам изгоняет их из себя»¹³⁴. «Открывай страсти свои отцам твоим, чтобы получить помощь от их совета», – учит преподобный Исаия Отшельник¹³⁵.

Начало послушания о Христе следует полагать в покорности начальникам и равным себе братьям. Тогда со временем за смирение взыскающего Господь может послать ему наставника или единомышленника для совета, соответствующего его духовному состоянию, настроению и характеру.

Восточные подвижники IV-V веков единодушно отмечали необходимость послушания вышестоящим. «Ни к какому делу, каково бы оно ни было, не приступай, не посоветовавшись с аввою монастыря», – наставляет преподобный Антоний Великий¹³⁶. «Как совершенному должно с самопроизвольным усердием возбуждаться к добродетельным поступкам, так преуспевающему надлежит покоряться наставлению настоятеля с крайнею заботливостью»,¹³⁷ – пишет преподобный Нил Синайский.

Особенно же для новоначальных обязательно полагать в основание духовной жизни послушание старшим, ибо «Бог

ничего так не требует от новоначальных монахов, как послушания»¹³⁸.

Имеющий послушание во время искушения или жестокой духовной брани может прибегнуть к помощи своего наставника. Необходимость в этом подтверждает и преподобный Нил Синайский: «Лукавый демон, который мучит тебя, побуждает этим самым трезвиться и более прибегать к Богу, Его умолять о помощи и защите. Ибо, кто видит наступающего врага, тот бежит и присоединяется к имеющему силы подать помощь»¹³⁹.

Итак, необходимость в духовном наставнике или, по крайней мере, духовном советнике очевидна. Тем более это необходимо для священника, который в своей пастырской практике обязательно сталкивается с очень сложными ситуациями, решать которые ему самому, без совета старших и опытейших, затруднительно.

Главным критерием выбора духовника, как уже указывалось, должно быть соответствие его жизни и слов Священному Писанию и святоотеческому Преданию. И необязательно искать таких, «которые состарились от одного только времени. Ибо многие, смотря на старческий возраст и открывая свои помышления, вместо уврачевания, по неопытности выслушивающего, впадали в отчаяние»¹⁴⁰.

Как правило, на священническое служение в наши дни стараются избирать людей хорошо образованных и имеющих некоторый жизненный опыт. Таковым лучше избирать духовником простеца, не искушенного в мирской мудрости, но опытного в духовном делании. Поясняя это, преподобный Нил Синайский замечает: «Не желай, чтобы настоятель твой был премудр в слове, потому что премудрые в слове не бывают непременно и благоугодными Богу. Но ищи того, чтобы тебе, думающему о себе, что ты исполнен мирской мудрости, быть до конца в послушании у простеца. Тогда украсишься венцом смиренномудрия и нимало не поддельной подчиненности. Твоему послушанию и скромному о себе образу мыслей нимало не повредит великая простота аввы твоего в слове, произносимом устно»¹⁴¹.

У древних подвижников находим множество полезных замечаний относительно выбора духовного наставника. Так, преподобный Исаия Отшельник советует: «Открывай свои помышления тому, в ком ты уверен, что сохранит твои тайны», «не на того обращай внимание, кто преклонных уже лет, но на того, кто украшен духовным ведением, делами и опытностью, дабы вместо пользы не получить вреда к усилению страстей твоих»¹⁴².

Святые Отцы также оставили наставления о том, каково должно быть отношение ученика к избранному наставнику. Целый ряд таких указаний находим, например, у преподобного Исаии Отшельника:

«Не стыдись вопрошать твоего наставника». «Если вопрошаешь старца о помыслах, открывай оные свободно, каковы они в тебе есть», ибо «ни о чем столько не радуются демоны, сколько о том, когда кто скрывает помыслы перед духовным своим наставником»¹⁴³.

Все вышеприведенные наставления о необходимости иметь духовного наставника, рекомендации, как его правильно выбрать и строить взаимоотношения с ним, хотя и являются достоянием монашеской письменности, полезны не только для пастырей-монахов, но и для священников, состоящих в браке.

Тем не менее монашествующим древние христианские подвижники дают более строгие заповеди. Такое различие обусловлено, во-первых, одним из трех обетов монашества – об отсечении своей воли, во-вторых, правилами общежития, в котором настоятель руководит всей жизнью иноков, будь то простые монахи или пресвитеры.

«Вступающий на монашескую стезю вверяет саму душу свою после Бога духовному отцу и опытному подвижнику, – учит преподобный Макарий Египетский, – и тот руководит его жизнью по своему желанию, так что новонаначальному иноку уже не надо заботиться относительно того, в чем он нуждается, а в чем – нет. И это для того, чтобы он не оказался судящим и испытывающим того, кого он сам избрал судьей и управителем своей души, вверив ее ему, как человеку опытному и могущему привести ее к Богу»¹⁴⁴. Инок должен оставаться верным до

конца своему наставнику. «Нельзя отказываться от духовного отца, – продолжает тот же святой отец, – вследствие каких-то материальных пустяков: ибо только пройдя через эти лишения, сам новоначальный инок сможет явить себя также впоследствии опытным подвижником, а не только тем, кто подвластен другому подвижнику ради Бога. Ведь ты вручил душу подвижнику, обладающему духовным опытом, и он обязан вести тебя, уже не принадлежащего самому себе, и руководить тобой, когда он хочет и как он хочет»¹⁴⁵. Что же касается общежития, то обязанность духовного наставника чаще всего ложится на настоятеля. «Пребывая в общежитии, – учит преподобный Исихий Иерусалимский, – мы должны с самоохотным изволением и готовностью сердца отсекал всякую волю свою пред настоятелем, и быть, таким образом, при помощи Божией как бы самопроизвольными безвольниками»¹⁴⁶.

В подвиге послушания своему наставнику ученика ожидают искушения, ибо враг рода человеческого станет всячески вредить благому делу и полагать преткновения. Святые Отцы IV-V веков знали и предупреждали об этом. Такие искушения бывают двоякого рода: внешние и внутренние. Внешние происходят через людей, пытающихся отвратить послушника от его наставника. От этого предостерегает авва Евагрий: «Не внимай речам против отца своего и не возбуждай душу не почитающего его, дабы не прогневался Господь на дела твои и не изгладил имя твое из книги живых»¹⁴⁷. Внутренние – более тонкие – происходят от помыслов на грани рассуждения и осуждения. Поэтому отцы запрещают новоначальным рассуждать о том, как руководит им наставник. «Пожелать с пытливостью изведывать распоряжения учителя и оценивать его приказанья, – пишет преподобный Нил Синайский, – значит препятствовать собственному своему преуспеянию»¹⁴⁸.

Наставления преподобных отцов и учителей-аскетов проникнуты заботой о духовном преуспеянии учеников. «Всегда прибегай к совету отцов, и всё время земной жизни своей проведешь в духовном покое»,¹⁴⁹ – пишет святой Аммон, известный подвижник Египетской пустыни. «Если желаете преуспеть и полнее возрасти, сделаться невозмутимыми в

сердце своем и ни в чем не быть посмеянными от диавола, повинуйтесь отцам своим и их во всем слушайтесь – и не падете вовеки», – наставляет преподобный Антоний Великий¹⁵⁰. Пример духовного роста благодаря послушанию описывает преподобный Иоанн Кассиан Римлянин: «Из множества отцов я здесь скажу об авве Иоанне, жившем близ города фиваидского Ликона, который через послушание стяжал дар пророчества, и столько славился по всему миру, что самые цари уважали его. Сей блаженный Иоанн от юности до совершенного мужеского возраста с таким смирением повиновался своему старцу, что последний даже изумлялся его послушанию»¹⁵¹.

Древние отцы-подвижники подтверждают свои наставления примерами из Священного Писания: «Иосиф также был возлюбленным сыном отцу своему, потому что он исполнял его повеления, и, будучи еще семнадцати лет от роду, почитал приказания его законом своей жизни» (см. Быт.37:2–3, 14)»¹⁵². Мы знаем, что впоследствии этот патриарх стал предводителем народа в чужой стране. «У святых всё старание было о том, чтобы учащих не оставить не достигшими собственной их добродетели, – пишет преподобный Нил Синайский. – Так апостол Онисима из беглеца сделал мучеником. Пророк Илия Елисея из пахаря сделал пророком. Моисей Иисуса, сына Навина, возвел к совершенству. А священник Илий сделал Самуила даже бльшиму себя. Ибо, хотя и рачительность учеников содействовала им к приобретению добродетели, но вся причина успеха состояла для них в том, что имели учителей, которые возгоревшуюся в них искру усердия могли воспламенить в большей мере»¹⁵³.

В послушании духовному отцу проявляется любовь послушника к Богу и к своему наставнику. За одно только желание следовать этим путем Господь подает укрепляющую благодать.

Усердно подвизаясь, послушник постепенно усваивает делание и добродетели своего наставника.

Так, блаженный Феодорит Кирский в «Истории боголюбцев», рассказывая о подвижнике Полихронии, упоминает и о его учениках: «А бывшие его келейники со временем так преуспели

в добродетели, что сравнились в любомудрии со своим учителем. Та же у обоих простота, кротость, смирение, ласковость в словах, мягкость в обращении, бодрственность души, размышление о Боге, стояние, труд, бдение, пища и нестяжательность, полностью соответствующая Божественному законоположению»¹⁵⁴.

О роли духовника в духовном становлении своих чад свидетельствуют основатели восточного монашества. Они особо отмечают силу его молитв за своих пасомых. «Я молился о вас, да сподобитесь и вы получить того великого Огненного Духа, Которого получил я, – обращался к своим послушникам преподобный Антоний Великий. – Если хотите получить Его, так чтобы Он пребыл в вас, принесите прежде труды телесные и смирение сердца и, восторгая помышления свои на Небо, день и ночь взыщите с правотою сердца Духа этого Огненного»¹⁵⁵. «Итак, возлюбленные братья, поскольку вы считаетесь сынами моими, – писал святой Аммон, – усердно просите Бога ночью и днем, с верою и со слезами, чтобы получить вам сей дар духовной пронизательности, которой вы, вступив на путь подвижничества, еще не обрели.

И я, ничтожный, молюсь о вас, дабы достигли вы такого преуспевания и духовного возраста, которых не достигают многие монахи, за исключением немногих любезных Богу душ в разных местах»¹⁵⁶. В этих словах заключена великая тайна преемственности пастырского делания, которое пребудет в Церкви до скончания века.

Глава IV Пастырь – служитель Церкви Христовой

Богослужение

Одной из главных обязанностей пастыря является совершение богослужения. Собственно, с богослужения и начинается пастырское служение, поскольку сразу по принятии благодати в Таинстве Священства новорукоположенный принимает участие в службе в качестве иерея.

Богослужение не только занимает важное место в жизни иерея и вообще христианина, но также привлекает к Церкви людей внешних. Так, блаженный Феодорит в «Истории боголюбцев» рассказывает о подвижнике Аврааме. Он переселился «в одно большое селение, называющееся Ливан, о котором узнал, что оно покрыто мраком нечестия. Скрыв свое монашеское звание и наняв дом за небольшую плату, Авраам три или четыре дня безмолвствовал. Потом понемногу начал тихим голосом совершать божественные службы. Увидев столь великое его о них попечение, поселяне еще усерднее стали просить его быть их покровителем. Когда он обещался исполнить их желание, при условии, что они согласятся построить в Ливане церковь, жители селения предложили ему тотчас же начать строительство»¹⁵⁷.

Место, где по преимуществу совершается богослужение, – храм. Здесь священник совершает церковные Таинства, здесь молится за свою паству Отцу Небесному, здесь пред Престолом Божиим разделяет скорби своих пасомых и сопереживает им в испытаниях.

Большое значение храму придавали древние христианские подвижники. Те из них, кому выпало совершать апостольское служение среди язычников, не только проповедовали, но и устраивали храмы для совершения богослужения. В житии Мар Евгена описывается следующий случай. Однажды он пришел в одно языческое селение с проповедью о Христе. После обращения многих в христианскую веру сами поселяне просили Мар Евгена остаться с ними. «Тогда святой попросил места, чтобы основать на нем храм. Они же показали ему красивый

дом, основание которого было изукрашено, и вошел он, и отделил в нем место, и поставил на нем жертвенник, и помазал стены и жертвенник святым елеем»¹⁵⁸.

В храме совершаются богослужения и Таинства церковные, особенно же храм необходим для Божественной литургии, во время которой совершается Таинство Тела и Крови Христовых, к которому древние христианские подвижники относились с величайшим благоговением. «Бумага, приготовленная из папируса и клея, называется просто бумагою, – обращается в письмах к своим чадам преподобный Нил Синайский, – а когда она примет на себя царскую подпись, тогда, как известно, именуется как бы священной. Так разумеи и о Божественных Таинствах. До произнесения слов иереем и до сошествия Святого Духа предлагаемое есть простой хлеб и обыкновенное вино. После же страшных оных призываний и по снисхождению Достопоклоняемого, Животворящего и Благаго Духа возлежащее на святой трапезе – не простой уже хлеб и не обыкновенное вино, но Тело и Честная Пречистая Кровь Христа, Бога всех, очищающая от всякой скверны с великим страхом и любовью причащающихся»¹⁵⁹.

Евхаристия – это величайшая и непостижимая Тайна домостроительства нашего спасения. Посредством Бескровной Жертвы осуществляется самая крепкая и действенная связь Христова стада с Пастыреначальником. Она соединяет воедино всех верующих во Христе.

В это время священник становится посредником и даже центральной фигурой в страшном, таинственном событии, когда Жертва Христова, единая на все времена, становится пищей и питием для приступающих к Ней. Во время совершения Литургии священник, подобно Ангелам, удостоивается предстоять пред Лицом Божиим. С другой стороны, в совершении Святых Таинств священник становится выше Ангелов, так как по его молитвам благодать Святого Духа освящается простой хлеб в Пречистое Тело, а вино – в Пречистую Кровь Христову. Кроме того, священническими молитвами низводится благодать, освящающая души прихожан.

Во время совершения Божественной литургии священник приносит Бескровную Жертву и за весь мир. Сам Господь Иисус Христос через иерея является совершителем Таинства, и сонмы Ангелов присутствуют при нем. Все великие мужи находились в священном трепете, предстоя при совершении этого великого Таинства. Преподобный Нил Синайский сообщает, что «светило великой византийской Церкви, или, лучше сказать, целого мира, дивный иерей Иоанн, как прозорливый, многократно видел, что дом Господень во всякий почти час, особливо же во время Божественной и Бескровной Жертвы, не бывает оставляем Ангелами или лишаем их попечения. Потому, исполненный удивления и радости, наедине рассказывал он о сем близким из духовных друзей своих. «Как скоро иерей, – говорил он, – начинает совершать святую проскомидию, внезапно блаженные Силы, во множестве сойдя с неба, облаченные в пресветлые ризы, с босыми ногами, с внимательным взором, с преклоненным вниз лицом, в благоговении, в великом безмолвии, молча окружая жертвенник, предстоят до совершения страшного Таинства. Потом, разойдясь по всему досточтимому храму, каждый из них здесь и там содействует, помогает и подает силы находящимся в храме епископам, пресвитерам и диаконам, всем раздающим Тело и Честную Кровь»¹⁶⁰.

Древние подвижники отмечали в своих творениях благотворное влияние Евхаристии на душу самого священника. Молитвенное предстояние пред Престолом и достойное принятие Святого Причастия в самом пастыре попадает терние греха. Если иерей со вниманием и усердием служит Литургию, то это служение преображает его. «Смотри, чтобы не пренебречь тебе совершением Литургий, ибо они просвещают душу», – наставляет своего ученика-иерея св. Аммон¹⁶¹.

Это высокое служение невозможно совершать без содействия особой благодати. С другой стороны, в этот торжественный и ответственный момент враг стремится различными способами помешать пастырю. Преподобный Макарий рассказывал о бывшем ему страшном видении. «Братия приступали к Причастию. Лишь только иные простирали

длани для принятия святых Таин, эфиопы, как бы предупредив священника, клали на руки некоторых уголья, между тем как Тело Христово, преподаваемое священником, возносилось обратно к алтарю. Напротив – когда более достойные из причастников простирали руки к алтарю, злые духи отступали от них и далеко убегали с великим ужасом. Видел он также, что Ангел Господень предстоял алтарю, вместе с рукой священника простиравший свою руку к алтарю и участвовавший в преподавании Святых Таин»¹⁶².

Как должен вести себя иерей с той минуты, когда он одел епитрахиль, и до окончания службы?

Во-первых, нужно творить непрестанную молитву и охранять свои ум и сердце от помыслов.

Во-вторых, *все должно быть благопристойно и чинно (1Кор.14:40), потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира (1Кор.14:33)*. У кого, как не у священника, и где, как не в храме, прихожане учатся порядку и приличию. Точность и порядок в богослужении являются результатом благоговения и глубокой веры. Каждый должен помнить страшные слова: *Проклят, кто дело Господне делает небрежно (Иер.48:10)*.

Случается, священнослужители не осознают, что они находятся в месте, где совершаются и хранятся Честные Тело и Кровь Христа Спасителя. Тогда в храме наблюдаются непорядок, отклонения в службе, приводящие к недоразумениям, искушениям, душевным потрясениям. Всё это – результат безответственного отношения священника к службе. Как в наши дни, так и в древности люди совершали грехи и проступки, не являясь исключением и священно- и церковнослужители. И в древние времена бывали случаи неблагоговейного поведения в храме. Преподобный Нил Синайский со свойственными ему заботой и любовью предупреждал духовенство о недопустимости такого отношения к богослужению и храму: «Пишу же сие, чтобы, познав, сколько страшного в Божественной литургии, и сами, утратив в себе сей Божественный страх, не предавались нерадению и кому-либо не позволяли во время проскомидии беседовать и шептаться, или смело подавать другим знаки, или стоять, качаясь со

стороны в сторону, туда и сюда озираясь, или беспечно и запросто ходить с места на место. Ибо Господь говорит Моисею, а через него всем иереям:

Благоговейны, а не небрежны, сотворите сыны Израилевы (см. Лев.15:31)»¹⁶³.

Гневливость, раздражительность, неоправданные разговоры, повышенный тон, смех, шутки способствуют духовному и нравственному разложению непосредственных помощников иерея или епископа. В результате и пономарь ходит по алтарю, как хочет и когда хочет, проявляя непристойность и неучтивость, и иподиаконы зачастую разговаривают, спорят, шутят или просто присутствуют безразлично, без страха Божия, без ощущения, что они находятся на Божией службе, забывая, кому они служат и чью волю исполняют. «Не ходите с гордостью сердца, свойственною диаволам, – предупреждает преподобный Антоний Великий, – кто ходит с гордостью сердца, тот причастник диаволов»¹⁶⁴.

В чем же причина охлаждения священника? Почему он становится бесчувственным и безразличным к совершающемуся в храме? Главная причина этого – привыкание к святыне. В этом состоянии иерея оставляют все праведные и святые чувства, которыми он был преисполнен прежде, чем преклонил у Престола главу под архиерейский омофор для принятия благодати священства. Огонь, который горел в его сердце до того, как он стал иереем и немного спустя, постепенно угасает.

Любовь к Богу и Церкви охладевает, священный страх пред Богом улетучивается, воцаряется смертоносное равнодушие и безразличие. Священник начинает считать свое служение одной из профессий, а не высочайшими в мире даром и честью. Молитву такой иерей совершает машинально, безразлично и второпях. Чинопоследования читает без внутреннего сокрушения, не вникая в глубину Таинств и обрядов, присутствуя на них лишь телесно, но отсутствуя духом.

Святые Отцы древней Церкви предупреждают последующие поколения духовенства и церковнослужителей от такого состояния души, бедственного не только для пастыря, но

и для пасомых. «Ничто так не расстраивает обычно доброго настроения, как смехи, шутки и празднословие.

И опять, ничто так не обновляет обветшавшую душу и не уготовляет к сближению с Богом, как страх Божий, доброе внимание, непрестанное поучение в словесах Божиих, вооружение себя молитвой и взыскание доброплодного бдения», – пишет св. Иоанн Карпафский¹⁶⁵. В своих творениях они наставляют полностью отдаваться Богу и «растворяться» в священных часах богослужения, особенно Литургии, с теплотой и усердием.

С той минуты, когда Промыслом Божиим человек избирается иереем, он уже состоит на службе Господа. Он – исполнитель священных Таинств Его. «Если вы желаете воспринять духовную харизму, – советует пастырям святой Аммон, – предайтесь труду телесному и труду сердечному, а помыслы свои ночью и днем простирайте к Небу, прося от всего сердца Духа огня, – и Он будет дарован вам»¹⁶⁶. Святые Отцы призывают священника постоянно быть бдительным. Так, преподобный Антоний Великий советует «держаться в постоянном внимании к Богу и в бодренности, хваля как великую добродетель, если кто во всё время жизни своей работает неослабно Господу и до последнего издыхания стоит на страже против козней искусителя»¹⁶⁷.

И по отношению к ближним священнослужителю необходимо проявлять внимание, чтобы не иметь препятствий к достойному предстоянию перед Богом. Так, один из египетских отцов рассказал в назидание своим братьям следующее: «Когда клирики приносят Святые Дары в скиту, орел слетает на просфору, и никто, кроме клириков, не видит его. В некий день один брат попросил диакона об одной вещи, и сказал тот: «Мне недосуг». Когда же они пришли на приношение Даров, не слетел орел по обычаю. И сказал пресвитер диакону: «Что это такое? Не слетел орел по обычаю. Или дело во мне, или в тебе. Отступи же, чтобы я увидел, что он не сошел из-за тебя. Если нет, то из-за меня». И когда отступил диакон, тотчас сошел орел. Сказал пресвитер диакону: «Скажи мне, что ты сделал». Он же сказал: «Я не сознаю, что я согрешил, кроме [как против]

брата: он пришел ко мне и попросил об одной вещи, и я сказал ему:

“Мне недосуг”. Сказал пресвитер ему: “Итак, он не сошел из-за тебя, потому что брат огорчен из-за тебя”. Диакон же пошел и покаялся брату»¹⁶⁸.

Особой собранности и благоговения требует от иерея совершение Литургии. Готовясь литургисать, он обязан накануне, уже с вечера, прийти в мирное устроение души, сосредоточиться душевно и духовно, внимательно помолиться, прочесть правило ко Причащению. Не следует забывать и о внешней подготовке. Священнику вообще должны быть присущи чистоплотность и аккуратность. «Будь во всем смирен, – учит преподобный Антоний, – в осанке, одежде, в сидении, в стоянии, в походке, постели, в келии и во всех принадлежностях ее»¹⁶⁹. Тем более это относится к совершению богослужения. Входя в церковь и приближаясь ко святому алтарю для совершения Божественной литургии или другого священнодействия, иерей должен помнить, *как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные!* (Быт.28:17).

Благоговейное поведение священника в храме, по мнению Святых Отцов, имеет большое значение для воспитания религиозных чувств у прихожан. Преподобный Нил Синайский сравнивает иерея со свечником, который «устроен был весь плотно вылитый и выточенный и означал, что поставленный просвещать других должен быть во всех частях тверд, не иметь ничего легкого или пустого, и что в нем должно быть сглажено все излишнее, что для взирающих не было бы полезно видеть в образце неукоризненного жития»¹⁷⁰. Если священник всем своим естеством чувствует святость места, то его благоговение передается не только постоянным прихожанам, но и людям, впервые зашедшим в храм.

Когда глубокое чувство святости места овладеет всем существом пастыря, от него отходит все мирское, все недостойные помыслы. Весь его внутренний мир готов наполниться предстоящей службой еще до того, как он провозгласит: «Благословен Бог...» или «Благословенно

Царство...». В этот момент пастырь должен полностью осознавать, что он не кто иной, как *священник Бога Всевышнего* (Евр.7:1). Теперь он – исполнитель Таинства, приносящий Жертву Тела и Крови Господа, тот, кто связует земное с небесным. Сознвая высоту и святость этого служения, он обязан до последнего возгласа оставаться священнопристойным и сосредоточенным перед Святой Трапезой. Его внимание должно быть всецело приковано к ней, чтобы и все присутствующие следили за Божественной литургией с особым благоговением, возвышались в своих мыслях и чувствах, ощущали, что они пребывают не на земле, а на Небе. Для этого у самого иерея в глубинах его души должны постоянно господствовать умиление, священный страх, сопровождаемые молитвой, любовью ко Христу и ближним, живым и умершим, за которых возносятся прошения о здравии, благоденствии или упокоении души.

Священник не только стоит на самом святом месте на земле, где посредством молитвы и служения общается с Богом, но и, более того, он удостаивается принимать в свои руки Пречистые Плоть и Кровь Богочеловека Христа. Поэтому и внутренне он должен быть чист от посторонних мыслей. «Если приступаешь к причащению Святых Таин, – учит преподобный авва Исаия, – наблюдай за всеми помыслами твоими, чтобы не причаститься в осуждение»¹⁷¹. В эти чудесные минуты Сам Бог снисходит на землю и через руки священника, причащающего прихожан, освящает их души, обожествляет их естество. Вместе с Господом Славы незримо соприсутствует и весь духовный мир, все небожители – чтобы воссоединиться с земным миром во славословии Богу.

На священнике лежит ответственность за подготовку своих пасомых к принятию Святых Таин, чтобы не привести *нечестивого на пажить праведных* (Притч.24:15). Поскольку Владычнее Тело и Кровь Бога Слова по домостроительству есть пажить для всех христиан и сим Таинством они питаются и напоеваются, то неуместно будет это Таинство преподавать какому-либо нечестивому и коварному человеку, который, подобно Симону-волхву, притворно показывает себя верующим.

Ибо сказано: *Не давайте святыни псам, и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями (Мф.7:6)*"¹⁷².

Сознание того, что в великие и таинственные минуты священнодействия он является Ангелом Господним (см. Суд.13:20), не должно ни смущать священника, ни льстить ему. Преподобный Антоний Великий учит: «Старайтесь противостоять духу тщеславия, противьтесь ему и его преодолевайте, будьте скромны во всех своих действиях»¹⁷³. Поведение священника вместе с его внутренним устройством должно гармонично соответствовать Божественному храму и совершаемым священнодействиям, в которых происходит единение Неба и земли.

Священник должен быть сдержанным в мыслях и чувствах, молиться с верой, благоговением и сознанием святости своего дела при совершении всех чинопоследований и Таинств. Недопустимо сокращение уставного порядка совершаемых священнодействий. Халатное отношение к службе, кроме того, что само по себе является для иерея тяжким грехом, оттолкнет людей малоцерковных, не утвержденных в вере.

Большое значение Святые Отцы древности придавали Таинству Крещения, так как оно вводит человека в лоно святой Церкви Христовой.

В житии Мар Евгена описывается, как святой привел к вере во Христа почти всё языческое население деревни. «И тотчас приготовил себе все сосуды для чинопоследования Крещения. И приблизил святой их всех, и прочитал оглашение, и крестил в продолжение трех дней всех свободных, и всех их домочадцев, и всю их деревню. И устроили они на три дня великий праздник, и учил он их обычаям, и бодрствовал с ними до полуночи, уча их»¹⁷⁴. Как видим, святой участвовал в празднике и поделил радость новокрещенных.

Другие чувства и другая настроенность должны быть у пастыря, приглашенного причастить или пособоровать больного. Когда человек страдает, печаль охватывает его, он нуждается в сочувствии и сопереживании. Пастырь должен быть готов в любую минуту дня или ночи, во время отдыха или домашних (келейных) занятий, независимо от погодных условий или

самочувствия, спешить туда, где ждут его помощи. А во время эпидемий или при опасных обстоятельствах нужно иметь решимость и мужество, чтобы, видя перед собой образ смерти, не смалодушествовать. Пресвитер Руфин рассказывает следующий случай. «Ужаснейший дракон опустошал соседние местности, и много народу погибло от него. Жители пришли к святому Аммону и молили его, чтобы изгнал зверя из их страны. Чтобы склонить его к милосердию, принесли с собою мальчика, сына одного пастуха, который помешался от испуга при одном взгляде на дракона. Зверь точно отравил его своим дыханием, и он замертво, весь опухший, был принесен домой. Старец помазал елеем отрока и возвратил ему здоровье»¹⁷⁵. Позже святой Аммон силой молитвы умертвил зверя.

Отцы-подвижники учат нас вере и упованию на Бога не только в критических и опасных случаях, но и в простых, обыденных ситуациях. Пример подобного упования сообщает преподобный Нил Синайский в письме к своему духовному сыну: «Некие боголюбивые люди, спеша в дорогу по необходимому делу, призвали монаха принести о них молитву, чтобы благоуспешно совершить им предстоящий путь, при хорошей погоде. Монах же, видя, что небо облачно и падают дождевые капли, отказывался молиться, убоявшись неудачи. Но они сказали ему: “Ты одолжи нас только своею молитвою, а мы веруем, что, без сомнения, будет с нами по вере нашей”. И когда была совершена молитва, отправились они в путь под дождем, нимало тем не опечалившись и не усомнившись. Воздух очистился, настала самая ясная погода, и ветры утихли, путники достигли тех мест, куда отправлялись, и так же возвратились домой, хорошо окончив свое дело. Рассказал же тебе это теперь, чтобы ты хотя отчасти мог уразуметь написанное: *вера есть осуществление ожидаемого* (Евр.11:1)”¹⁷⁶.

В Таинстве Исповеди большое значение имеют личный духовный опыт священника и серьезность его отношения к своему призванию. Неслучайно в монастырской практике некоторых обителей существует правило, по которому не каждого иеромонаха допускают к принятию Исповеди. Это

Таинство требует от пастыря приобретаемой в результате личной борьбы со страстями духовной опытности, чуткости, рассудительности, терпения. В связи с этим приведем замечательное рассуждение преподобного Нила Синайского. В «Слове подвижническом» он сравнивает священника во время Таинства Исповеди с умывальницей, которая, «очищая руки умывающего, сама принимает в себя нечистоту его». «И тому, кто рассуждает о страстях и в других истребляет подобные скверны, невозможно миновать того, чтобы не оскверниться; потому что самое памятование обыкновенно оскверняет мысль говорящего. И хотя не живыми красками напечатлевает образы срамного, однако же надолго сквернит ум, возмущая потоки слова нечистыми именованьями»¹⁷⁷. Однако пастырю, совершающему это Таинство, Господь подает внутреннее утешение, по слову аввы Феоны: «Бог не для одного подает благодать Свою. Но если благодать через него сообщается и ближнему его, тогда Он пребывает в нем»¹⁷⁸.

Являясь церковным Таинством, Исповедь прямо связана еще с одним делом пастыря – духовным окормлением пасомых.

Духовное окормление паствы

Пастыри Церкви, как евангельская *соль земли* (Мф.5:13), предупреждают моральное загнивание и порчу общества. Через них Господь подает спасительную благодать в Таинствах Церкви. И если в Таинстве Крещения через священнодействия, совершаемые пастырем, в Церковь вводятся новые чада, в Таинстве Причащения верующим преподается Тело и Кровь Христовы, то в Таинстве Исповеди священник помогает страждущей душе освободиться от скверны греха. В своих творениях Святые Отцы сравнивают пастыря с врачом, перед которым раскрываются души, обнажаются болезни и немощи, а он должен умело применить духовное врачевство. «Подражая ремеслу тех, кому доверено врачевание тел, он то услаждал свою паству убеждениями, то употреблял горькие лекарства, а иногда отсечением и прижиганием больных членов возвращал немощным здоровье», – сказано об одном древнем пастыре¹⁷⁹.

Исповедь – очень ответственный момент в пастырской практике. В этом Таинстве священнику открывается внутренний мир пасомых, он вплотную соприкасается с ним, по-настоящему начинает жить их жизнью.

Одним из важных условий Таинства Исповеди является ее тайна. О существовании тайны Исповеди в древней Церкви свидетельствует блаженный Иоанн Мосх в «Луге духовном»: «В той стране был столпник, и все, приходившие к нему, стоя внизу, разговаривали с ним, потому что у него не было лестницы. Если какой-нибудь брат говорил ему: “желаю открыть тебе помысл”, он кротко отвечал: “войди в кувуклию”, и сам сходил в другое отделение столпа. Таким образом они могли беседовать друг с другом: столпник – сверху, а брат – снизу. И никто из стоявших тут посторонних не слышал их разговора»¹⁸⁰. А преподобный Ефрем Сирин не только признает тайну необходимым условием Исповеди, но и решительно высказывается против разглашения узванного на Исповеди греха: «Кто открывает объявляемое кем-либо другому, тот подвергается ответственности во зле, как предвосхитивший Божие в будущем времени определение, ибо тогда Бог определяет объявить грехи каждого; кто исповеданный ему грех не сохранил в себе и не скрыл, но отдал на позор другому, тот недостоин Божественных Таинств»¹⁸¹.

Исповедь для пастыря – это пробный камень пастырской любви, которым, впрочем, не ограничивается его душепопечение. Она является наиболее существенным моментом в пастырском окормлении вследствие близкого соприкосновения пастыря с каждой отдельной душой, и священник должен использовать это мощное средство для исцеления недугующей души. При этом подвижники IV-V веков придают особое значение личному примеру пастыря. «Назидательному слову пастыря и другим способам врачевания, – пишет блаженный Феодорит Кирский об Аврааме в «Истории боголюбцев», – помогала и добрая жизнь его. Освещаемые лучами ее, жители города и учению внимали, и охотно покорялись своему пастырю»¹⁸².

В духовном окормлении священнику предстоит ответственная задача – точно поставить «диагноз» болезни и определить средство для лечения. Путь к исцелению душ пасомых проходит через личный опыт пастыря. В связи с этим преподобный Антоний Великий предостерегает духовного наставника: «Ничего не предлагай кому-либо в правило, прежде чем сам исполнишь то делом. Величайшее из всех безобразий безобразие есть – заповедовать другому делать то, чего сам не исполняешь»¹⁸³. Этому правилу можно найти аналог в любой области человеческой жизни, потому что и там, по слову преподобного Иоанна Кассиана, «избирают в начальники только того, кто научился сам делать то, что он будет приказывать подчиненным своим, и кто сам оказал старшим то послушание, которого будет требовать от младших. Правильное управление и правильное подчинение есть дело мудрого и высший дар Святого Духа, потому что спасительные правила может постановлять только опытный в добродетели и истинно покоряться старшему может только богобоязненный и смиренный»¹⁸⁴.

Духовное окормление мирян

Очень внимательно священник должен относиться к новоначальным прихожанам, чтобы с первых же их шагов указать им верный путь, убедить не отталкивать от себя такое неприятное для новоначальных занятие, как осознание своих грехов, не удаляться от спасительной скорби о грехах и сокрушения. Опытный руководитель научит начавшего духовный путь исследовать свою душу, пояснит, как страсти проявляются в жизни, как с ними бороться на начальном этапе, приучит сразу открывать навязчивые помыслы, не даст развиться «добродетели», исходящей из гордости.

В применении средств врачевания душ пастырь должен проявить особую мудрость, принимая во внимание духовное состояние каждого человека. Он должен помнить, что, по слову преподобной Синклитикии, есть «три вида расположения в людях: одни совершенно погрязли во зле, вторые (находятся) в среднем состоянии и склоняются и к добру, и ко злу, третьи вознеслись к великой добродетели и не только сами

подвизаются в добре, но ищут любого случая, чтобы привести к добру и тех, кто совершенно погряз во зле»¹⁸⁵.

От первой встречи со священником будет во многом зависеть дальнейшая церковная жизнь и путь к Богу новонаначального.

Преподобный Марк Подвижник учит пастырей с осторожностью прибегать к обличению таковых, учитывая при этом их душевное расположение.

Он говорит: «Не берись обличением врачевать того, кто хвалится добродетелями, ибо один и тот же не может быть и любителем показности, и любителем истины»¹⁸⁶. Этот же святой отец учит замечать характер пришедшего на Исповедь: «Мужа сильного не обличай в тщеславии, но лучше укажи ему на тяжесть будущего бесчестия, ибо этим способом разумный удобнее принимает обличение»¹⁸⁷. В отдельных конкретных случаях пастырь может воспользоваться и обличительным словом, но при этом в его речах не должно быть и тени превозношения и неприязни. «Иное дело обличение по злобе и мщению; иное по страху Божию и истине»¹⁸⁸.

Письмо преподобного Нила Синайского к пресвитеру Хариклу, «который строго обходился с падшими и утверждал, что для покаяния недостаточно исповеди», поучительно и для современных пастырей. В нем святой отец увещевает проявлять снисхождение и человеколюбие к кающемуся грешнику: «Почему не знаешь раскрытого почти во всем Писании Божия человеколюбия и под видом пастыря делаешь свойственное врагам, предавая злым демонам овец, доводимых тобою до отчаяния.

Поэтому, как же смеешь ты губить человека, за которого Христос нимало не отрекался отдать душу Свою? Подлинно прекрасно и весьма прилично душе сильной совершать Исповедь делами. Но и устной Исповеди не отвергает и не отвращается Господь Иисус. За какие подвиги и труды разбойник со креста введен в рай и в жизнь? Не за произнесение ли немногих слов и исповедание Царства Христова? Посему прими во внимание, пресвитер, что не строгость только и не один гнев Божий проповедуются в

Священном Писании, но и человеколюбие неисчетное и неисследимое»¹⁸⁹. Прекрасный образ такого наставника рисует преподобная Синклитикия: «Опытные земледельцы, когда видят маленькое и слабое растение, часто поливают его и много заботятся о нем, чтобы оно выросло; если же растение крепкое дает лишний росток, то отрезают его, поскольку он скоро увянет; и врачи при одних болезнях советуют обильно питаться и гулять, а при других запрещают и есть, и двигаться; так же должны поступать и врачи душ»¹⁹⁰.

В письмах преподобного Нила Синайского можно увидеть пример великодушного, трепетного отношения к новонаначальному, вступившему на путь деятельного покаяния. Преподобный в буквальном смысле радуется вместе с Ангелами Божиими *о едином грешнике кающемся* (Лк.15:10): «Хвалю тебя за великую попечительность о душе, за воздержность, за удаление от худых зрелищ, за непамятозлобие и за преуспевание в других добродетелях, какое показал ты, живя среди мира. Но ко всему этому приложи для меня еще одно: устрани себя, наконец, от этой язвы – иметь при себе смехотворцев; и вот сплетен тебе венец»¹⁹¹. Пастырь, выполняющий свое служение в современном мире, в обществе, жаждущем веселья и зрелищ, может взять это увещание за образец.

В духовных наставлениях священника не должно быть ничего шаблонного. Всякий совет должен исходить из духовного состояния конкретного человека, его характера и образа жизни. Прекрасный пример такого наставления, также подходящий к современной ситуации, приводит блаженный Феодорит Кирский в «Истории боголюбцев»:

«Красовалась своей молодостью одна молодая женщина. Заметив это, благочестивый муж сначала исцелил ее страсть к щегольству, увещевая таким образом: “Скажи мне, деточка, если бы какой-нибудь живописец, весьма опытный в своем искусстве, написал картину по всем правилам ремесла и выставил ее на показ для всех желающих посмотреть, а другой какой-нибудь человек, не изучивший хорошо живописи, а рисующий, как ему вздумается, пришел бы и, похулив картину,

стал изменять нарисованный на ней портрет, придавая бровям и ресницам более длинные очертания, лицо делая блее и на щеках прибавляя румянца, – то, как ты думаешь, не справедливо бы вознегодовал художник за такое оскорбление его искусства и за всё, что прибавила к картине рука неуча?” Так верьте же, – продолжал блаженный, – что и Творец всяческих и нашего естества Создатель и Художник оскорбляется тем, что вы обвиняете Его неизреченную Мудрость в несовершенстве. Поэтому не искажайте образа Божия, не усиливайтесь прибавлять то, чего не дал Премудрый, и не выдумывайте поддельной красоты, которая и целомудренных растлевает, и вредит смотрящим на нее»¹⁹².

Опыт показывает, что наши современники всё более ожесточаются душой: старшее поколение преимущественно от обиды, безысходности и потерь; среднее – от суетливости в стремлении обеспечить себя и семью; молодое – от воздействия духа агрессии, насилия и наживы, пропагандируемого в средствах массовой культуры. Преодолеть и победить это явление в широком масштабе один священник, конечно же, не в силах, но помочь отдельно взятому человеку он способен и обязан.

Неожиданное толкование на известное место в Священном Писании по поводу общения с грешниками дает преподобная Синклитикия: «И хотя некоторые приводят пророческие слова: *с преподобным преподобен будеши... и со строптивыми развратишия (Пс.17:26–27)* и говорят: потому мы избегаем грешников, чтобы и нам не развратиться от них и не стать самим грешными, но они делают противоположное тому, что заповедует Дух Святой через пророка. Он не говорит, чтобы ты развратился от грешных, но чтобы ты исправил их развращенность, поскольку выражение «развратишия» означает, что ты обратишь развращенного к своим убеждениям, через общение приведешь его от зла к добру»¹⁹³.

В своей жизни современный пастырь часто встречает людей с ожесточенной душой, закосневших в грехах, которые, конечно же, не примут сразу предлагаемого душевного врачевства. В этом случае он должен проявить особую мудрость, а порой и

изобретательность для их вразумления. В «Жизни пустынных отцов» пресвитер Руфин описывает один такой чудесный случай вразумления разбойников, досаждавших святому Аммону, похищавших у него хлеб. В данной истории замечательно то, что строгое обращение с разбойниками преподобного было сопряжено с глубокой любовью к ним и человеколюбием. Для вразумления грешников святой чудотворец прибег к помощи ужасных драконов, обитавших в той местности. «Увидав драконов, они оцепенели от ужаса и, лишившись чувств, полумертвыми пали на землю. Старец вышел к ним и, увидав их в таком положении, поднялся и сказал им с укором: “Вы видите, что звери добрее вас: они повинуются нам по воле Божией, а вы ни Бога не боитесь и не стыдитесь обижать Его служителей”. Приведя грабителей к себе в пещеру, старец приготовил для них трапезу и пригласил их принять пищу. И в короткое время бывшие разбойники превзошли своими подвигами многих, раньше их начавших служить Господу»¹⁹⁴. Конечно, далеко не каждый священник обладает таким чрезвычайным даром чудотворений, но из данной истории можно всё же многое позаимствовать и применить в современной конкретной ситуации.

В связи с разнообразием духовных болезней у наставника не может быть готовых рецептов на каждый случай. Ему придется изыскивать те или иные средства, исходя из собственного духовного и жизненного опыта, богословских и светских познаний. Преподобный Нил Синайский сравнивает пастыря с опытным наездником: «Браздодержец, поскольку один из коней рьян и быстр, другой медлителен, а последний горяч, то одним конем только правит, третьего сдерживает, а второго погоняет бичом, пока не доведет их до того, что все побегут ровно, одним духом, – посему и для того, кто избыточествует жаром по молодости, не придумывай увеличивающего горячность, и для того, кто охлажден немощью или временем, не увеличивай охлаждающего или изнуряющего»¹⁹⁵.

Как и в медицине при лечении болезней, пастырь должен учитывать, что у каждого его духовного чада свой нрав, свое

настроение, свои особенности характера и состояния здоровья. Нужно установить причину появления греха, проанализировать духовно-нравственное состояние человека, а потом приступить к врачеванию. И если одному достаточно простого увещания, то для исправления другого требуется строгое обличение, о котором говорит преподобный Антоний Великий: «Обличай и исправляй детей своих духовных нещадно, потому что с тебя взыщется осуждение их на Страшном суде. Не приемли ничьего лица, кто бы тут ни был. Обличай не щадя, но со страхом Божиим»¹⁹⁶.

Вот еще один пример пастырского обличения. «Дом души твоей от пола до самой крыши наполнен гноем, битыми черепками, нечистыми рубищами, мертвыми костями и землею. Поэтому, как же упрашиваешь, чтобы я внес и положил в доме твоём царские сосуды досточестных учений, когда внутри его вовсе не отыщется никакого незанятого места?» – грозно обращается к своему духовному чаду преподобный Нил Синайский. И тут же увещевает его, указывает путь к исправлению, обещая не отстранить его от общения и наполнить его душу духовным познанием: «Но отрезвись хотя с нынешнего дня и порадей сколько-нибудь о себе самом. Ибо, если хотя мало потрудишься, чтобы очистить сердце свое и украсить его благолепно, то и я с готовностью окажусь послушным тебе, предложу душеполезные слова, и мысленный твой дом наполню божественными драгоценностями»¹⁹⁷.

Случается, что в пастырской практике приходится даже наказывать своих подопечных, но наказание должно быть проникнуто любовью и заботой.

Дух вольности и либерализма современного мира постепенно проникает и в церковную среду.

Монашеская письменность периода «золотого века» напоминает нашим современникам, что настоящая любовь к пастве далека от человекоугодничества и даже от привычной для мира человеческой любви. Преподобный Нил Синайский пишет об этом в довольно-таки жесткой форме: «*Броздами и уздою челюсти их, как у скотов, востягнеши, Боже* (Пс.31:9), – взывал Давид, играя на гусях. Ибо мы уздою укрощаем коня

против воли его не по ненависти к нему, но чтобы заставить его идти чинно, чтобы привести в порядок беспорядочные его порывы и безобразные и неловкие скачки обратить в стройный ход. Так и Бог, если видит, что душа порывается и туда, и сюда, приводит ее в благопристойное положение, хотя бы она и не хотела сего»¹⁹⁸.

Однако в эпистолярном наследии того же преподобного Нила Синайского встречаются письма и другого характера, наполненные великодушием и состраданием к падшим, письма о том, что «надо щадить немощных душою». Вот один краткий рассказ из его писем. Некий епископ Карп, современный Апостолам, однажды стал произносить на грешников грозные проклятия. Когда же говорил он это, открылось весьма страшное и поразительное зрелище, вразумившее его. В этом видении Христос укорял Карпа за угрюмость и жестокость, а равно и за то, что без сострадания с твердостью произнес проклятие грешникам. «Поэтому лучше обличай, вразумляй, увещевай, понуждай, изливай на них милосердие Христово, утешай, обновляй, подкрепляй, омывай их собственными их слезами и слезами, украшай постами, просветляй многими бдениями, покрывай молитвами, сей в них добрые надежды»¹⁹⁹, – пишет епископу преподобный Нил Синайский.

Наряду с проявлением милосердия к своим пасомым Святые Отцы советуют также поощрять их. «Не одно то, чтобы самому деятельно трудиться в добродетели, доставляет светлые венцы, но и то, чтобы восхвалять подвижащихся в добродетели, приносит немаловажную награду. Потому что прославляешь ты, христолюбец, боящихся Господа», – пишет преподобный Нил²⁰⁰.

Пастырь должен воспитывать в себе чувство глубокого сострадания ко грешникам и самоотверженности. Скорбь о грехах пасомых, как о своих собственных, забота о своих подопечных, как о самом себе, любовь к ним является важным условием в деле духовного окормления. Преподобный Нил Синайский советует пастырю: «Не уничижай, но паче прими, возлелей сердце сокрушенное и смиренное, ободри и спаси его, требуя от падших не только плодов, полных преуспеяниями,

взыскивая их в делах подвижнических, но приемля и слова сокрушающихся о грехе своем и с великим смирением исповедующих тебе содеянное ими худо»²⁰¹.

В творениях древних подвижников мы встречаем конкретные советы и правила, которые вполне современный пастырь мог бы адресовать и своим чадам: «Поверив премудрому Соломону, не только сам “не учащай входить в дом друга твоего”, но устрой так, чтобы и друг редко вносил к тебе ногу свою, *чтобы он не наскучил тобою и не возненавидел тебя* (Притч.25:17). Изредка, по временам, иметь свидания с другом почитаю весьма безопасным. Сие и любовь делает более сильною, и сказанное с течением дней представляет более полезным и приятным, а также честь и уважение, какие приличны истинным друзьям, сохраняет непоколебимыми, прочными и неоскорбляемыми»²⁰².

Понимая губительность греха, начинающегося с помысла, пастырь должен призывать пасомых к бдительности, которая предупреждает возникновение и укрепление греховных наклонностей. Об этом пишет преподобный Антоний Великий: «Для ограждения себя от греха будем соблюдать еще следующее. Пусть каждый из вас замечает и записывает свои поступки и душевные движения как бы с намерением сообщить это друг другу; и будьте уверены, что, стыдясь известности, непременно перестанем грешить и даже содержать в мыслях что-либо худое»²⁰³.

Пастырь должен помнить, что цель духовного окормления – исправить человека и ввести его очищенным в лоно Церкви, от которой он удалился своими грехами. При этом одни назидаются словом, другие – примером, третьи – наказанием. Одних следует похвалить и поддержать, а других, может быть, и укорить. С одними следует поговорить наедине, с другими – в присутствии многих. Иногда пастырю нужно проявить строгость, чтобы вразумить упрямого, а иногда – кротость. При этом излишняя строгость и излишняя мягкость могут быть неуместны и даже вредны. Для каждой души требуется особый подход, особый «рецепт».

Душепопечение не ограничивается Исповедью, беседой и личным примером. Монашеская письменность IV-V веков рассказывает нам о подвижниках-пастырях, которые старались по возможности вникать во все стороны жизни своей паствы.

В «Истории боголюбцев» повествуется об Аврааме, который «по целым дням присутствовал при спорных делах тяжущихся и убеждал их примириться между собой, а тех, которые не слушали кротких увещаний и не соглашались на справедливые уступки, невольно принуждал к тому; и никто из неправых не выходил победителем благодаря своей дерзости, потому что, когда сторону несправедливо обиженного принимал праведник, он оказывался непобедимым. И был похож на хорошего врача, который препятствует излишнему выделению жизненных соков и заботится о равновесии элементов в организме»²⁰⁴.

Весьма интересный случай описан блаженным Феодоритом. Один из восточных подвижников Аффраат сотворил в одном селении множество чудес. «Одна женщина благородного происхождения, будучи соединена узами брака с распутным мужем, пришла к блаженному в слезах, жалуясь на свое несчастье. Она говорила, что муж ее, привязавшись к одной любовнице, занимающейся колдовством, и очарованный ее заклинаниями, стал питать к ней, своей законной жене, ненависть. Говорила же она это, стоя за дверью его хижины, потому что он имел обыкновение так вести разговор с женщинами и никогда ни одну из них не впускал в свою келию. Сжалившись над скорбящей, он молитвой уничтожал обольщение и, освятив призыванием имени Божия принесенный ею сосуд с елеем, повелел умаститься им. Вернувшись домой, женщина исполнила этот совет, вновь привлекла к себе любовь мужа своего и заставила его предпочесть законный супружеский союз связи беззаконной»²⁰⁵. Подобные ситуации в семейных отношениях случались во все времена. Но особенно актуально это описание для наших дней, когда в средствах массовой информации колдуны и чародеи открыто рекламируют свое мастерство. Все чаще газеты пестрят терминами «приворот», «приворожу», за которыми скрываются блуд и прелюбодеяние, разрушенные семьи и разбитые сердца, умерщвленные в

утробе младенцы и брошенные дети. Конечно, далеко не каждый пастырь имеет такую высокую подвижническую благодать, как Афраат, но использовать благодать Таинств, молебнов, церковных молитв в подобных случаях может и обязан каждый священник. А если приложит еще и любовь своего пастырского сердца, то избавит потерпевших от бед и скорбей.

В житии преподобного Македония блаженный Феодорит Кирский свидетельствует, что даже монашествующим не чуждо было вникать в семейные дела. Сам подвижник, по-видимому, был духовником всей семьи блаженного Феодорита и сыграл большую роль в его рождении – ибо сначала молился о разрешении бесплодия матери, а потом – об устранении угрозы преждевременных родов. Об этом свидетельствует сам блаженный Феодорит: «И сам я много раз удостоивался его благословений и наставлений. Он часто, наставляя меня, говорил: “Ты, чадо, родился с большими трудами: много ночей провел я в молитве о том только, чтобы родителям твоим было ниспослано то, чем они называли тебя после рождения”²⁰⁶ (имеется в виду, что «Феодорит» переводится как «Божий дар»).

Кроме свидетельств о молитвенной поддержке в семейных делах, в монашеской письменности Востока мы встречаем примеры жертвенной материальной помощи своим пасомым. «История боголюбцев» рассказывает, как в одно время «в селение пришли сборщики налогов и стали строго требовать податей. Авраам, подражая Господу, на Кресте молившемуся за распинающих Его, начал просить сборщиков, чтобы они были милосердны при собирании дани. Сборщики же потребовали поручительства, и Авраам обещал достать сто золотых, которых не хватало. И жители селения, столь дурно обошедшиеся с ним ранее, теперь удивились его человеколюбию, просили у него прощения и приглашали его быть их покровителем. Авраам взял займы сто золотых и исполнил свое обещание»²⁰⁷. Незлобие, великодушие, жертвенность и милосердие пособствовали преподобному Аврааму обрести паству в лице ранее непокорных и ожесточенных поселян.

О случаях предстательства за свою паству в общественном и даже государственном масштабе пишет блаженный Феодорит Кирский. «Когда град Антиохия низверг царские статуи и два избранных военачальника уже шли вместе с войском, чтобы исполнить приговор об истреблении города, Македоний, сойдя с горы, остановил их на площади и попросил передать царю следующее: «Царь в гневе повелел за свои изображения истребить образы Божии, а за медные статуи осудил на смерть тела. Восстановить и возобновить медные статуи нам легко и просто, но даже царю невозможно возвратить к жизни умерщвленные тела». Военачальники же, выслушав его слова, были поражены ими и обещали передать всё в точности царю»²⁰⁸.

Недаром в Патрологии период IV-V веков назван «золотым веком». «Золотым» он является не только по обилию оставленного нам письменного наследия, глубине богословских откровений, но и по строгости аскетической жизни монахов того времени. В наследии отцов мы можем увидеть также весь спектр внутреннего и внешнего делания в области духовного окормления. Конечно, не каждый современный священник может творить чудеса и иметь подобную высоту молитвы. Но применять опыт отцов в своей пастырской практике в сочетании с заботой, жертвенностью, мужеством и другими добрыми качествами – в наших силах.

Духовное окормление монашествующих

Обилие наставлений, касающихся духовного руководства, в письменности древних восточных отцов говорит об их большом духовном опыте в наставническом труде. Среди этих наставлений можно выделить как общие для мирян и монашествующих, так и особенные для тех и других.

Господом установлен различный образ жизни для мирян и иноков, соответственно имеются особенности и в духовной жизни, и в духовном окормлении. «Как один сорт пищи не подходит для всех животных, – замечает преподобная Синклитикия, – так и одни и те же слова не для всех полезны, по слову Господа: *Не вливают вина молодого в мехи ветхие* (Мф.9:17). Одним образом следует говорить тем, кто достиг

видения^г Божественного, и иным образом – тем, кто подвизается стяжать добродетели, и по-другому – тем, кто в мире. И среди животных одни обитают в воздухе, другие – в воде, иные – на земле, так и люди – некоторые, подобно птицам, возводят очи к горнему, другие находятся в среднем чине, а наконец, есть и такие, кто погружен во грехи, как рыба в воду»²⁰⁹. Как высок образ монашеской жизни, так же высока, по мысли преподобного Орсисия, и ответственность настоятеля братии: «Если какой-либо смертный грех или какое-либо постыдное дело совершится в келиях по нерадению настоятелей, то, после наказания собственно согрешивших, также и настоятель будет судим, как виновный в том же согрешении»²¹⁰.

Преподобный Нил Синайский указывает на высоту монашеского звания: «О монахе говорится, что он – алтарь Господень, алтарь, на котором и у которого приносятся чистые молитвы Всевышнему Богу, алтарь, духовно водруженный и основанный на *месте, идеже*, как говорит Давид, *стоясте нозе Господни* (Пс.131:7), и *не подвигатся* (Пс.72:2)»²¹¹.

Успешное духовное окормление монахов и их духовный рост невозможны без исполнения со стороны ученика одного из иноческих обетов – послушания. Преподобный Нил Синайский пишет в «Подвижническом слове»: «Когда найдутся такие опытные учителя, им нужны ученики, столько отрекшиеся от самих себя и своей воли, что ничем не отличают себя от неодушевленного тела или от вещества, данного в руки художнику»²¹².

Правила поведения иноков изложены преподобными Антонием Великим в «Уставе отшельнической жизни», Орсисием Тавенисиотским в «Учении об устройении монашеского жительства», Иоанном Кассианом Римлянином в «Постановлениях ки-новитян». Святые Отцы Исаия Отшельник и Нил Синайский написали отдельные наставления новоначальным монахам о внешнем поведении, способствующем внутреннему возрастанию, о духовном устройении, о взаимоотношениях с братией и мирянами. В одном из своих писем преподобный Нил Синайский так наставляет

новонаначального: «Юному должно приобучать себя к тихости телесных движений, к благообразию в одежде, к мерности и чинности в голосе, к безмятежному вкушению пищи и питья и при скудости, к молчанию перед старейшими, к внимательному слушанию при мудрейших, к любви равных, к готовности с любовью давать совет младшим, к удалению от людей дурных, плотских и вмешивающихся не в свое дело. Он должен мало говорить, а больше думать, не употреблять смелых выражений, не вести излишних разговоров, не быть склонным к смеху, украшаться стыдливостью, не разговаривать с женщинами, взор потуплять долу, а душу возносить горе, избегать прекословия, не домогаться учительского достоинства, не ценить высоко почести, оказываемые людьми, особенно же не знающими, что подлинно досточестно, но стараться заслуживать одобрение людей благоразумных.

А преуспев, должен он приобучить себя к тому, чтобы искать похвалы только от Бога»²¹³.

Сложность духовного окормления иноков состоит в том, что монахи вышли на «передний рубеж» борьбы *против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф.6:12). Настоятелю, духовнику следует не только самому не ослабевать в духовной брани, но и помогать бороться со страстями своим послушникам. Эта борьба острее и жестче, чем в миру, вследствие высоты обетов, с одной стороны, и постоянного общения братии в условиях общежития – с другой. Как правило, человек, пришедший в монастырь, отошел от грубых грехов и борьба совершается в самой глубине его сердца. Всё это необходимо учитывать наставнику монахов.

Точные советы-рецепты в руководстве иночествующими дает преподобная Синклитикия Александрийская. Ее наставления проникнуты опытностью и долготерпением по отношению к своим духовным чадам: «Но если монахиня беспечна, небрежна и ленива, не преуспевающая в доброделании, то игумении нужно хвалить ее, а ее большие ошибки называть малыми и незначительными. Дьявол, желая ниспровергнуть, пытается укрыть грехи добродетельных подвижниц, чтобы ввести их в гордость, а грехи новонаначальных

он выставляет напоказ, приводя их в отчаяние. Игуменья должна утешать тех, кого таким путем искушает сатана. Те же души, которые побеждаются гордостью, нужно исправлять и лечить следующим образом: если ты и совершаешь величайшие подвиги, не высокоумствуй о себе, ведь демоны делали и делают и большее, чем ты: они вовсе не спят, не едят и никогда не пьют, не женятся и пребывают в пустынях. Подобными мыслями можно исцелять противоположные страсти – отчаяние и гордость»²¹⁴.

В наставлениях преподобного Марка Подвижника обозначено конкретное правило об обличении. Во-первых, он говорит об обязанности настоятеля применять обличительное слово как для частной, так и для общей пользы: «Начальник обязан говорить послушнику должное; а когда он ослушивается его, то предвещать ему скорби, которые за сие посылаются. Когда же вред от одного распространяется на многих, тогда не следует быть долготерпеливым, и не своей искать пользы, но спасения многих, поскольку общая добродетель полезнее частной»²¹⁵. Во-вторых, преподобный четко обозначает круг лиц, которых может обличать пастырь. «Не подчиненного тебе не обличай в проступке, ибо это есть более дело власти, чем совета»²¹⁶. В-третьих, он пишет, с каким внутренним духовным устройством должно обращаться с братом: «Кто со страхом Божиим вразумляет и наставляет согрешающего в чем-либо, тот приобретает себе добродетель, противоположную греху. А злопамятный и недоброжелательно порицающий его впадает по закону духовному в одинаковую с ним страсть»²¹⁷.

В духовном наставничестве, как и в богослужебной жизни пастыря, мы видим действие «закона обоюдоострого меча», который при недобросовестном отношении может поразить и самого взявшегося за меч.

Строго относится преподобный Марк и к обету послушания: «Кто попускает послушнику противоречить себе там, где не следует, тот обольщает его в этом деле и допускает отвергать обеты повиновения»²¹⁸. В послушании проявляется наше уподобление Христу, Который Сам был *послушным даже до*

смерти, и смерти крестной (Флп.2:8). Вся монашеская жизнь построена на послушании.

Строгость в обличении братии и требование от них послушания, согласно наставлениям преподобного Марка, должно сочетаться с великодушием и милосердием: «Получив жребий повелевать братиями, сохраняй достоинство твоего звания, и, по причине прекословящих, не умалчивай должного. В чем они будут послушны, в том получишь награду за их добродетель; в чем же не послушают, то совершенно прости им, и примешь равное от Того, Который сказал: *Отпустите, и отпустится вам* (Лк.6:37). Оставившего грех и уже раскаивающегося не обличай более»²¹⁹.

Кроме пастырского слова, у начальников монашеских общин есть множество других возможностей и средств духовного окормления, которые прописаны в иноческих уставах и передаются в устной традиции. Общие принципы их использования одинаковы, несмотря на различия в уставах обителей. В применении к посту, например, преподобный Иоанн Кассиан пишет, что «не может удобно соблюдаться одинаковое правило; поскольку не у всех тел одинаковая крепость, и соблюдается пост силою не одной души, как прочие добродетели. И потому, поскольку он состоит не в одном мужестве духа, а соизмеряется и с силою тела, то касательно этого мы приняли такое определение, преданное нам, что различны должны быть время, способ и качество питания, именно по неодинаковому состоянию тел или по возрасту и полу; но у всех должно быть одно правило укрощения плоти для воздержания сердца и укрепления духа»²²⁰. А преподобный Орсисий Тавенисиотский, в подчинении которого было несколько монастырей, так писал их настоятелям: «Посему вожди и настоятели монастырей и келий, которым поручены братья, не успокаивайте их в плотском так, чтобы при этом лишались они духовной пищи; или, напротив, поучая их духовному житию, не утесняйте их в плотском, то есть в пище и одеянии; но одинаково представляйте им и духовную и плотскую пищу, и не подавайте никакого повода к нерадению»²²¹.

Большое значение подвижники IV-V веков придают пребыванию монаха в келье. Преподобный Антоний Великий советовал «держаться в келии так строго, чтоб келия для инока была печью Вавилонскою, обжигающею в нем все нечистое»²²². Причину такого большого значения пребывания монаха в келье раскрывает преподобная Синклитикия. «Блаженная говорила, что те души, которые посвящены Богу, когда они пребывают в уединении, тогда враг скрежещет зубами, и, побежденный ими, сетует и немного отступает, но следит за ними, чтобы прельстить их, если они когда-нибудь вознерадят о чем-либо»²²³.

Примеров духовной брани, происходящей в келье инока, в монашеской письменности периода «золотого века», особенно в отечниках, более чем достаточно. Для иллюстрации приведем лишь один из них, описанный в «Древнем патерике». «Брат сказал авве Арсению: что мне делать? Меня возмущают помыслы, внушая: ты не можешь ни поститься, ни трудиться; посещай хотя бы больных, ибо это – дело любви. Но старец, зная козни демонов, говорит ему: ешь, пей, спи, только келии своей не оставляй. Ибо знал, что терпение в келии приводит монаха в должный порядок»²²⁴. Зная, какое значение имеет келия в жизни монаха, преподобный Антоний наставляет братию, находясь в ней, не оставлять молитвенного делания и беречь друг друга от лишних впечатлений и празднословия. «Когда посетишь брата, не медли долго в его келье»²²⁵.

Как бы ни было важно пребывание в уединении в келье, в иноческой жизни невозможно, да и не всегда полезно, избежать и общения между братьями, от которого может произойти как польза, так и вред. Святой Аммон предостерегает от общения с нерадивыми иноками: «Если же желаете прийти в таковую меру духовного возрастания, не приучайте себя к посещениям какого-либо монаха, из прославшихся нерадивыми, но удаляйтесь от них, поскольку они не позволят вам добиться преуспевания по Богу, а, наоборот, охладят теплоту вашу. Ведь нерадивейшие иноки теплоты в себе не имеют, но следуют своим собственным желаниям, и когда встречаются с вами, то ведут речь о вещах века сего. Такой беседой они гасят теплоту вашу и лишают вас

ее, не позволяя вам добиться преуспевания. Написано: *Духа не угашайте* (1Сол.5:19). Гасится же он суетными речами и развлечением. Когда видите таковых иноков, окажите им услугу и бегите от них, не вступая с ними в общение. Ибо они суть те, которые не позволяют человеку преуспеть во время жизни сей»²²⁶.

Польза для монахов от общего жития достигается лишь в том случае, если будет происходить обмен опытом добродетели. В «Истории боголюбцев» блаженный Феодорит Кирский описывает житие подвижника Публия, вокруг которого собралось значительное число желающих иноческой жизни. Старец построил одно жилище для всех собравшихся и заповедал им «жить вместе и поощрять друг друга в добродетели, чтобы один подражал кротости другого, а тот умерял кротость этого своей ревностью; один представлял собой пример бодрствования, учась у других посту. Говорил же он так: «Заимствуя друг от друга то, чего у вас нет, мы достигнем большего совершенства в добродетели. Как на городских рынках один продает хлеб, другой – зелень, третий торгует одеждой, четвертый мастерит обувь, а все, получая друг от друга необходимые вещи, делают жизнь свою более удобной, потому что, если кто отдает другому одежду, вместо нее получает обувь, а покупающий зелень взамен продает хлеб. Так и нам должно обмениваться взаимно многоценными видами добродетели»²²⁷.

С духовным окормлением монашествующих неразрывно связаны вопросы управления обителью. Святые Отцы писали о порядке и характере управления, имея в виду устройства монашеских общин. Однако познакомиться с этим материалом полезно всем священникам, в том числе и состоящим в браке. Внимательный и деятельный пастырь сможет найти много назидательного прежде всего в области отношения пастыря к своим подопечным.

Как в монастыре, так и на приходе в полноценном административном управлении настоятель не может обойтись без преданных Богу и Церкви помощников и единомышленников. Преподобный Нил Синайский рекомендует

пастырю, прежде чем приблизить к себе кого-нибудь из подчиненных, испытать его: «Его, когда найдем в таком человеке многие признаки благорасположения и свидетельства неизменной любви, тогда совершенно приблизим его к себе и, не запинаясь уже, будем его хвалить, потому что неблаговременною похвалою и необдуманном благословением вызывает диавола приступить к новому другу и обнаружить кроющееся в нем лицемерие»²²⁸.

В наше время на приходах и в монастырях под руководством настоятелей проводится миссионерская и просветительская работа в молодежной среде: школах, училищах, институтах, детских домах, воинских частях. Многие юноши и девушки в результате такой миссионерской деятельности начинают проявлять интерес к православной вере, а некоторые становятся на путь церковной жизни, вступают в общину. Как важно пастырю в этот момент проявить внимание и чуткость к новообращенным! Святые Отцы предупреждают пастырей о том, что требуется осторожность в обращении с молодыми людьми, чтобы не навредить ни себе, ни им. «Не должно допускать свободного общения юным, хотя бы по видимости и вели себя они уважительно, чтобы через них не обратился нас в бегство враг. Да и то, что Сирах говорит о дочери: “береги ее под крепкою стражею и никогда не обращай к ней ласкового лица, чтобы не сделала стыда твоему дому” (см. Сир.42:11), тоже прими для себя как указание и правило и в отношении ко всякому юному, допущенному в ваше общество»²²⁹.

В духовной жизни часто случаются искушения, которые проявляются во взаимоотношениях прихожан или братии монастыря. Решение споров и разногласий нелегким бременем ложится на плечи настоятеля. Выдержке, мудрости и рассудительности в таких случаях учит пастыря преподобный Нил Синайский: «Нет необходимости и не заслуживает похвалы легкомысленно верить тем, которые составляют обвинения против каких-либо лиц, хотя и кажется, что они достойны уважения. Ибо всего полезнее дождаться оправдания стороны

обвиненной, и потом уже, выслушав обе стороны, произносить законный и справедливый, как следует, приговор»²³⁰.

Пастыри-настоятели должны быть чутки и проницательны, чтобы предотвращать все конфликтные ситуации в среде своих пасомых. Но для этого нужен постоянный труд, последовательные действия и систематические мероприятия воспитательного характера в монастыре или на приходе, без лицеприятия и человекоугодия. «Посему, человек, – обращается к настоятелю преподобный Орсисий, – не переставай увещевать всех, вверенных тебе до единой души, и учить тому, что есть свято, показывая в себе пример добрых дел, и всевозможно остерегайся любить одного, другого же ненавидеть; но всем оказывай справедливое, чтобы не вышло: кого любишь ты, того ненавидит Бог, и кого ты ненавидишь, того любит Бог. Ни с кем заблуждающимся не соглашайся дружбы ради; не притесняй одного, и не облегчай другого, чтобы не погиб труд твой»²³¹.

Случается, что настоятелю приходится не только оправдывать невинных и примирять враждующих, но и применять наказания, допустимые по его должности, в отношении иноков, прихожан или работников монастыря или храма. Подвижники благочестия IV-V веков предусмотрели такие ситуации, и их поучения являются ценным руководством для пастырей последующих поколений. «И как мудрые педагоги часто, ради научения и укрепления нравов, не щадят детей, являющихся их господами, и воспитывают их розгами, весьма благоволя к ним и заботясь о них в надежде, что они станут благоразумными и знаменитыми в мире людьми, так и вы, подвижники-предстоятели, наказывайте невоспитанных и младенствующих братьев не со страстью гнева или высокомерия, но с милосердием Христовым и в целях духовной пользы, уповая на то, что для воспитываемых вами это пригодится в Царстве Небесном. И именно в таком настроении имейте попечение о младенчестве братии, увещевая или запрещая, как сказано, каждого для его же пользы; проявляйте заботу лишь с одной только ревностью о Боге и с милосердием Христовым; наказывайте, не увлекаясь злой страстью или

словно мстя за себя, чтобы, являя свой совершенный труд, который вы взяли на себя ради Бога, быть вам наследниками Царства Небесного»²³².

Управленческая деятельность пастыря, тесно связанная с духовным окормлением, не ограничивается только похвалой, наказаниями, разрешением спорных ситуаций, назначением и распределением послушаний. Настоятелю следует проявлять и заботу о материальных нуждах своих подопечных. И если на приходе такая забота, а скорее помощь, оказывается лишь по возможности, то в монастыре это является обязанностью наставника братии. «Итак, вы, начальники монастырей, – пишет преподобный Орсисий, – видя кого-нибудь нуждающимся в чем-либо и находящимся в утеснении, не пренебрегайте им, зная, что вы должны отдать отчет за всё стадо, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями (Деян.20:28)»²³³. Столь же благоразумного отношения требует и внутреннее состояние подопечных.

Степенность церковной службы, внешняя строгость жизни, особенно монашеской, порой отпугивает даже тех, кто находится уже на пороге Церкви. Современный человек может верить в Бога, признавать умом вероучение Православной Церкви, полностью откликаться сердцем на ее нравственное учение, но внешняя строгость его отталкивает. В утешение таким неуверенным и малодушным христианам древние отцы оставили примеры пастырской снисходительности к немощам пасомых.

Самый известный случай такой снисходительности описывается в житии преподобного Антония Великого. «Допускал он, однако, и некоторое послабление в напряжении подвигов, как видно из ответа его охотнику, который соблазнился, увидев, как авва Антоний шутил с братиями. Старец, желая уверить его, что нужно иногда давать послабление братии, говорит ему: “Положи стрелу на лук свой и натяни его”. Он сделал так. Старец говорит ему: “Еще натяни”. Тот еще натянул. Опять говорит: “Еще натяни”. Охотник отвечал ему: “Если я сверх меры натяну лук, то он переломится”. Тогда старец сказал ему: “Так и в деле Божиим, если мы сверх меры

будем напрягать силы братии, то они скоро расстроятся. Поэтому необходимо иногда давать хоть некоторое послабление братии»²³⁴.

И это далеко не единичное наставление такого рода. «Итак, будем иметь и труд, и отдых, обще с ними, и учеников да не считаем рабами, – наставляет пастыря преподобный Орсисий, – чтобы утеснение их не было нашею радостью и чтобы Евангелие не укорило нас вместе с фарисеями (см. Лк.11:46)»²³⁵.

Современные возможности подобных «послаблений» весьма широки: это и паломнические поездки по святым местам, и экскурсии краеведческого характера по местным достопримечательностям. Также возможно проведение детских пасхальных и рождественских праздников (на приходах обязательно, а в монастырях – исходя из ситуации). Однако во всем нужно соблюдать меру и благочиние.

Итак, как мы видим из творений древних Святых Отцов, духовное окормление мирян и иноков, управление монастырями и приходами, организация труда и отдыха требуют от пастыря-предстоятеля благоразумия и рассудительности, следования «царскому пути». Ему необходимо помнить, что главная цель духовного окормления состоит в воспитании своих пасомых так, чтобы их души, отрешаясь от временного, стремились к вечным благам.

В заключение приведем слова преподобного Орсисия Тавенисиотского, обращенные к начальникам иноков: «Вы, начальники отдельных келий, увещевайте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте немощных, с терпением обращайтесь со всеми, внимая слову Апостола, поучающего: *Отцы, не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении Господнем (Еф.6:4)*, и знайте, что *от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут (Лк.12:48)*. И не только на то взирайте, что полезно вам, но также, что полезно и ближним»²³⁶.

Учительство

С понятием пастырства восточные подвижники IV-V веков тесно связывали понятие учительства. Пастырь Церкви Христовой необходим обществу как учитель веры, благочестия. Преподаваемое им учение имеет необычный предмет и содержание – это Бог, Который выше всего, Который управляет миром, с любовью господствует над ним, это и отношения человека к Богу и Бога к человеку. Сам Иисус Христос указал пастырям на священную обязанность учительства, когда заповедал Апостолам учить своих пасомых соблюдать всё, что Он повелел им (см. Мф.28:20).

Древние подвижники призывают пастырей исполнять эту заповедь Христа: «Душа, которая подвизается о Христе, должна и сама верно изучить то, чего она не знает, и других ясно учить тому, что узнала»²³⁷. Преподобный Нил Синайский предупреждает об ответственности за умолчание спасительного слова: «Как я, если не сообщу другим дарованной мне благодати, в день Суда подвергнусь ответственности, что духовный талант зарыл в молчании, так и у тебя потребуется отчет, если вверенный тебе небесный дар ведения не преподашь и другим, способным принять его»²³⁸.

От пастыря ожидают наставления и совета желающие спастись. Человек, только что пришедший в храм, встав на путь спасения, встречается с новыми для него духовными явлениями, испытывает и духовный восторг, и явные козни диавола. Более тонкая духовная брань происходит у опытных прихожан и монашествующих. Поэтому пастырю нужно быть готовым поддержать и наставить обращающихся к нему. И здесь решающим моментом является духовная опытность пастыря, свой личный опыт духовной борьбы, ибо, как замечает преподобный Нил, «иные и преодолели в себе страсти, может быть, долговременным строгим житием, но не знают способа победы, потому что, как в ночном сражении, не следовали они за ходом всего дела, и ум их не познал в точности вражеских злоумышлений»²³⁹. Преподобный призывает «не утаивать сего знания от других, чтобы не один перешедший знал способ переходения, но и намеревающиеся сделать то же удобно

совершили сей переход по данному им уроку, и опыт одних сделался наставлением для других»²⁴⁰.

Незаменимым подспорьем в этом делании пастыря являются творения древних отцов-аскетов.

В них он обязательно найдет объяснение всех явлений, происходящих в собственном внутреннем мире и в душах пасомых. С их помощью священник может предостеречь своих духовных чад от возможных ошибок и падений, что также является его прямой обязанностью. «Горе тем настоятелям, – увещевает преподобный Нил Синайский, – которые умалчивают, когда должно говорить, они будут наказаны за гибель подчиненных им. Смотри, что говорит о сем Господь. Сказано: *Когда Я скажу беззаконнику: смертью умрешь! – а ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника от беззаконного пути его, чтобы он жив был, то беззаконник тот умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от рук твоих (Иез.3:18)*»²⁴¹.

Пастыря можно сравнить с отцом большого семейства. Обязанность духовного наставничества требует от него обилия добрых качеств: «Учитель должен быть чужд властолюбия и тщеславия, далек от надмения; не должен быть игралищем лести, не должен ослепляться дарами, порабощаться чреву и увлекаться гневом. Он должен быть великодушен, кроток, особенно смиренномудрен, терпелив, любвеобилен и попечителен о душах»²⁴².

Он обязан в каждом человеке насадить и возрастить семена веры, искоренить злые пороки, утвердить добрые навыки. Святые Отцы предупреждают об ответственности пастыря даже в том случае, если он принял бремя наставничества по принуждению обстоятельств: «Если же кто не по своей воле, потому что приняли одного или двоих, принужден бывает начальствовать и над многими, то пусть знает, что о подчиненных не меньше он должен беспокоиться, чем и о себе; потому что, как за себя, так и за них даст отчет, как скоро принял на себя заботу о спасении их»²⁴³.

Чтобы быть действенным, способным помогать христианам восходить по ступеням духовной лестницы, слово пастыря

должно быть подкреплено его личным примером. Личный духовный опыт в подвижнической жизни убережет пастыря и от страсти ложного учительствования.

Во все времена мир был и остается пораженным этой страстью. Почти все выдающиеся личности, создатели рационалистических доктрин, стремились учить и обращать к своим учениям других людей. Ересеначальники, организаторы и руководители религиозных сект желали и желают вовлечь в свои сети всех, кого можно. В чем причина их появления и навязчивости в пропаганде лжеучения? В основе такого неправильного учительствования лежит тщеславие, самомнение, гордость ума, которые порождают духовную праздность, подменяя тяжелый труд внутренней борьбы с собой более легким – вразумлением других.

Поэтому мы не должны доверять нашим внутренним «ревностным» порывам, зачастую оказывающимся безблагодатными. Злые страсти, таящиеся в нашей душе, часто подстрекают нас вместо попечения о спасении своей души заботиться о спасении других. Преуспев в этом, они свободно входят в беспечное сердце и разрастаются в нем.

В результате, желая спасти других, пастырь сам оказывается на гибельном пути и соблазняет своим поведением окружающих. И бывает для такого пастыря *последнее хуже первого* (Мф.12:45), ибо, как замечает в письме епископу Имитию Нил Синайский, «ничто не приводит так к неизбежному мучению, как то, если многих сделаешь соперниками худых своих дел. Ибо погибель подражавших епископу обращается в приращение наказания худо учившему в церкви и явно делающему достойное осуждения. И если даже иные отказываются от подражания, как постыдного, и тогда епископ подлежит немалому осуждению за то, что стал учителем худого, хотя водившиеся целомудренным помыслом, признав то, чему он учил предосудительным, и избежали худого»²⁴⁴.

Слово пастыря станет действенным только тогда, когда будет исходить из глубины его верующего сердца и подкрепляться примером личного благочестия. «Напрасно учит тот, у кого дела не соответствуют учению», – пишет

преподобный Исаия²⁴⁵. «И пусть умозритель, когда научает, будет свободным от гнева, памятозлобия и попечений телесных», – учит авва Евагрий²⁴⁶. Преподобный Ефрем Сирин убажает того, «кто назидает ближнего страхом Божиим и не обольщает души своей, ежечасно боясь железного жезла великого Пастыря»²⁴⁷.

Итак, пастырь должен быть образцом для паствы во всех добродетелях, сам же он должен во всем подражать Великому Пастыреначальнику Господу Иисусу Христу. «Посему, – поучает Нил Синайский, – каждый из приступающих к проповеди благочестия да приложит всё старание к тому, чтобы, следуя апостольским правилам, в точности подражать данному ими образцу и нимало не уклоняться от неукоризненного их Предания»²⁴⁸.

Проповедь в храме во время богослужения – это самое первое и самое доступное средство, которое обязан использовать пастырь в деле учительства. «Что говорится вообще многим, то бывает всем полезно; каждому же свое указывает при этом совесть», – замечает св. Марк Подвижник²⁴⁹.

Заметим, что преподобные отцы древней Церкви также произносили слова назидания в различных ситуациях, иногда перед значительным количеством собравшихся. Подтверждение этому мы находим в творении пресвитера Руфина в повествовании об Оре: «Множество иноков собиралось к нему. В числе их пришли и мы. Он весьма обрадовался нашему прибытию. Приветствуя нас, он по обычаю сотворил молитву, затем, умыв ноги странников своими руками, начал из Писания поучать нас вере и жизни. Ему дана была от Бога благодать учительства. Изъяснив нам весьма много текстов из Священного Писания, он снова принялся за молитву»²⁵⁰. В «Истории боголюбцев» блаженный Феодорит пишет, что Афраат «собирал питомцев благочестия, снабжая их Божественной пищей»²⁵¹, имея в виду пищу духовную – слово Божие.

Одним из важных условий успеха в учительстве является готовность паствы к восприятию того, что пастырь желает ей преподать. Преподобный Нил Синайский указывает, что и это

является предметом пастырского попечения: «Учитель, – внушает Бог Иезекиилю, – научая, должен уготовлять учеников, ибо говорит: *И ты, сын человеческий, возьми себе кирпич и положи его перед собою, и начертай на нем город Иерусалим (Иез.4:1)*, означая сим, что учитель делает ученика из брения святым храмом. Прекрасно сказано и сие: *Положи его перед собою* . Ибо усовершенствование в ученике произойдет скорее, если будет он всегда на виду у учителя»²⁵². Чтобы исполнить последнее условие, пастырь обязательно должен жить жизнью своей паствы – монашеской общины или прихода.

В современной практике в больших городах и их пригородах часто случается, что священник проживает в одном населенном пункте, а храм находится в другом месте. Это очень мешает тесной связи паствы со своим пастырем и должно быть признано явлением отрицательным.

С первых дней своей деятельности на приходе священник должен всецело отдаваться пастырскому служению. Ему следует определить духовно-нравственный уровень своей паствы, улавливать все ее настроения, вовремя реагировать и правильно действовать в складывающейся обстановке.

В современных условиях, помимо проповеди, для просветительской работы священник вполне может организовать при храме богословские курсы, а если нет такой возможности, то хотя бы Воскресную школу для взрослых. При этом можно разделить постоянных прихожан и недавно пришедших в Церковь. Древние Святые Отцы рекомендуют пастырю преподавать именно по такой схеме. Ибо, по замечанию преподобного Нила Синайского, и Сам Господь Иисус Христос «не все творил, что мог, но совершал только те чудеса, какие угодно Ему было, так и не всему тому учил, что знал, но, слово учения соразмеряя с немощью природы нашей, преподавал одно то, чему могли мы научиться»²⁵³. В этом же ключе мыслит и авва Евагрий Понтийский, предупреждая, что «новоначальным нельзя ничего говорить о вещах умозрительных, а также нельзя позволять им касаться книг, толкующих умозрительное, поскольку они не могут

противостоять падениям, бывающим следствием подобного созерцания»²⁵⁴.

Пастырь призван разъяснять пастве Священное Писание, раскрывать его величие, таинственное значение, передавать содержание Святого Евангелия в доступном изложении, основанном на толковании Святых Отцов и учителей Церкви. Во время занятий он сам или уже обученные им преподаватели из прихожан должны раскрывать верующим смысл догматов, Таинств, обрядов. Авва Евагрий Понтийский указывает, что учителю «надлежит всегда иметь материал для объяснения того, что сказано в Священном Писании»²⁵⁵. Правильно преподанное учение позволит членам прихода расставить акценты в уже полученных ранее знаниях о вере и Церкви. Это уберет паству от суеверий, уклонения в лжеучения и ереси.

Другим предметом преподавания обязательно должно быть нравственное богословие, сопряженное с жизнью паствы. Авва Евагрий пишет наставнику иноков: «Увещай монахов, приходящих к тебе, вести речь о нравственности»²⁵⁶. Справедливо полагать, что учить правильным нравам следует не только иноков, но и мирян. Так, блаженный Феодорит Кирский, описывая в «Истории боголюбцев» труды одного из подвижников, замечает: «Приходящих к нему Роман кротким и сладкозвучным голосом наставлял: одних относительно братолюбия, других – о согласии и мире, а третьих самым видом своим делал возлюбившими Божественное»²⁵⁷. А авва Евагрий наставляет пастырей: «С монахами и мирскими подобает беседовать о правильном житии, частично объясняя им учения, относящиеся к области естественного, или богословского, любомудрия, без которых никто не увидит Господа (Евр.12:14)»²⁵⁸.

Систематические занятия в форме богословских курсов, богословских бесед или Воскресных школ для взрослых помогут: во-первых, обезопасить паству от посягательств сектантов, предохранить от уклонения в суеверия, чародейство; во-вторых, укрепить прихожан в вере – ибо события духовного мира станут для них более ясны и понятны, богопознание будет более полноценным и гармоничным; в-третьих, прихожане на

основании полученных знаний будут более внимательными к своей душе, станут разумными проповедниками Христовой веры в своих семьях, на работе, вообще в жизни. Они смогут не только свидетельствовать о вере своим благочестивым поведением, но и грамотным словом *требующему... отчета в... уповании дать ответ с кротостью и благоговением* (1Пет.3:15).

Опыт современных пастырей в организации богословских курсов для мирян показывает, что постоянные прихожане и те, кто просто заинтересовался православной верой, охотно посещают занятия и со вниманием воспринимают преподаваемый материал. Они оказываются далеко не бесполезными и для тех, кто не одно десятилетие посещал храм, являясь ревностным прихожанином, и считал, что уже знает всё или почти всё. В процессе посещения занятий их ранее приобретенные знания укладываются в систему, в которой все расставлено по своим местам.

На занятиях по догматическому богословию, Священному Писанию Ветхого и Нового Завета прекрасным пособием может послужить один из литературных источников периода «золотого века» – Сборник вопросов святого Сильвестра, папы Римского, и ответов ему отца монашествующих преподобного Антония Великого²⁵⁹.

Слово спасения должно звучать не только в стенах храмов или в учебных аудиториях, но и всюду, где есть добрая почва для его принятия и плодоношения. Для установления теплого и доверительного отношения между пастырем и его духовными чадами очень важны и необходимы также индивидуальные беседы. Чаще они происходят после Исповеди, то есть после того как обнаруживаются раны наболевшей души. В ходе таких бесед пастырю необходимо разобраться в причинах «болезни», правильно оценить духовное состояние своего чада и дать разумный совет.

В деле учительства пастыря непременно ожидают скорби и искушения. Древние монахи-подвижники на своем опыте убедились, что наставников весьма часто постигает такое испытание, как непослушание учеников. В связи с этим

преподобный Исаия Отшельник дает следующий совет: «Если кто желает научиться от тебя чему-нибудь, однако не исполняет того, что ты тщательно преподаешь ему, но часто возвращается, докучая о том же, то уклонись от него; потому что он вредит душе твоей»²⁶⁰.

В своей учительной деятельности пастырь не может ограничиваться пределами своего прихода, отдельного круга лиц. Как преемник апостольского служения, он должен проникнуться важностью дела проповеди Евангелия, *для всех сделаться всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1Кор.9:22). Преподобный Антоний Великий обращается в своих наставлениях к последующим поколениям христиан и пастырей с такими словами: «Если ты перестал работать греху, то говори во имя Господне и наставляй тех, коих ради хулится имя Господа; и как они мертвые и отсечены от живого Господа, постарайся, чтобы отстали от своих мертвых дел, оживотворились и сподобились получить славу»²⁶¹. Подобную мысль приводит и блаженный Феодорит в «Истории боголюбцев»: «Закон Божественный повелевает любить ближнего, как самого себя. А дело и долг любви – приобщить многих к своему богатству. И Господь... укоряя не делавших этого, через пророка вопиет: *Горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! Не стадо ли должны пасти пастыри?* (Иез.34:2). Поэтому он повелел и великому Илии, проводящему такую жизнь, обращаться среди нечестивых (см. 4Цар.18).

И «другого Илию», святого Иоанна, жившего в пустыне, Он послал на берега Иордана, повелев проповедовать и крестить там. Итак, поскольку ты горячо любишь Сотворившего и Спасшего тебя Бога, то приведи к этой любви и многих других. Это будет весьма приятно Господу всяческих»²⁶².

Подобные наставления древних христианских подвижников побуждают деятельного пастыря, принимая во внимание современное положение Православной Церкви, неутомимо и ревностно свидетельствовать слово истины окружающим, раздвигая границы учительной деятельности, уподобляясь в этом древним пастырям, которые «проповедовали и в жилищах,

и на площадях, и, говоря словами Апостола, *всенародно и по домам* (Деян.20:20)» и, «подобно опытным военачальникам, постоянно заботились о вооружении своих воинов и наносили поражения врагам»²⁶³.

Школы, училища, институты, воинские части, детские дома, библиотеки – вот те места, где современный пастырь обязан проводить просветительскую и миссионерскую работу, трудясь на этом поприще не ради похвалы церковного начальства, но самоотверженно, прилагая свое сердце. При этом дело проповеди в светской среде обязательно нужно доводить до логического завершения, направляя устремления своих слушателей к Церкви и ее Таинствам. Именно таковы были плоды миссионерства в светской среде древних подвижников, чему мы находим подтверждение в житии Мар Евгена: «И поставили для них седалища, и святой начал сеять для них семена жизни – учение Христа. И тотчас воссиял Свет Христов в мыслях всех тех, которые слушали учение его. И умоляли святого, и просили его, чтобы не уходил он от них, пока не преподаст им знамение Крещения»²⁶⁴. В наше же время, когда большинство населения крещено в православных храмах, пастырю предлежит приводить своих современников чаще всего уже не ко Крещению, а к Исповеди, Причастию, к церковному образу жизни, то есть катехизировать, воцерковлять уже крещеных.

Пастырь всегда должен иметь «чувство места и времени». Иногда священнику в светской среде приходится учить не словом, а молчанием, которое может иметь положительное действие на окружающих. Молчать следует там, где заведомо известно, что слово не будет принято или что над его добрым словом могут только посмеяться. Преподобный Антоний Великий советует в таких случаях: «Кто не принимает наставлений твоих, не говори их тому»²⁶⁵.

Главное же, о чем следует всегда помнить пастырю, все дела учительства: и проповедь, и учебные занятия, и миссионерские беседы, и даже молчаливое присутствие – всё должно совершаться с памятованием о Боге. Потому что «говорящий правильно должен и сам благодарить Бога, как от

Бога принявший то, что следует говорить. Ибо Истина есть дело не говорящего, но Действующего Бога»²⁶⁶. Священник всё делает во славу Божию, поэтому и каждое его слово должно служить к прославлению Господа.

Глава V Пастырские искушения

Священнику приходится исполнять свой долг в самых неблагоприятных условиях. Его окружает море человеческих страстей. На каждом шагу подстерегают соблазны и искушения от мира, плоти и диавола. А между тем пастырь Церкви – такой же человек, как и все, он, как и прочие, подвержен порокам и искушениям, исполнен немощей и болезней. Путь его собственной духовной жизни не всегда гладок и ровен, а, наоборот, полон различных неожиданных и непредвиденных преткновений. От него требуются крайняя осторожность и постоянная бдительность. Ведь если человеку, который заботится о спасении только своей души, бывает трудно избежать опасностей и искушений, то тем более сложным и опасным бывает духовный путь того, кому вверены души словесных овец.

Все трудности, встречающие пастыря Церкви в его внешней деятельности, несравнимы с теми, с которыми он сталкивается в борьбе с диаволом. Священнику предстоит брань с жестоким и опытным врагом, источником всякого зла и отцом лжи (см. [Ин.8:44](#)). Диавол с большой яростью нападает именно на учителей, зная, что, если они погибнут, то и все стадо рассеется. Убивая овец, он лишь уменьшает стадо, а поражая пастыря, наносит вред всей пастве, достигая таким образом «малым» трудом большого результата. Поэтому святой апостол Петр призывает к трезвению и бодрствованию в борьбе: *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* ([1Пет.5:8](#)). А апостол языков, богодухновенный Павел, увещает каждого христианина, и особенно пастыря: *Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* ([Еф.6:11–12](#)).

Имея такого коварного и жестокого врага и помня об ответственности не только за свою душу, но и за души вверенных ему Богом членов Церкви, пастырь должен быть неусыпным стражем, ни на минуту не выпускающим из рук оружия, чтобы враг не застал его врасплох и не расточил его пасомых.

Святые Отцы Церкви очень остро чувствовали ту страшную и великую ответственность, которая возложена на пастырей. Поставляя это на вид своим преемникам по пастырству, они не ставили себе целью повергнуть их в малодушие, уныние или печаль. Напротив, они были исполнены желания возгревать у принявших бремя пастырского служения ревность по Боге, благую обеспокоенность и посему побуждали к осторожности и неослабной бдительности.

Среди множества внутренних искушений, с которыми предстоит бороться пастырю, в первую очередь необходимо отметить страсть сребролюбия, справедливо названную Апостолом *корнем всех зол* (1Тим.6:10). Продолжая мысль Апостола, преподобный Нил Синайский призывает прежде всего исторгать «сей корень страстей», ибо «пока остается сребролюбие, не сделаешь себе пользы, отсекая ветви; потому что, если и будут отсечены, скоро опять вырастут»²⁶⁷. О том, как вести брань со страстью сребролюбия, преподобный говорит следующее: «Как сражаться с духами злобы любоименному, когда отовсюду удобно наносятся ему удары? Как бороться с духом сребролюбия осыпанному деньгами? Мерею приобретения должна служить потребность. Что же превышает эту меру, — есть излишество, затрудняющее, а не облегчающее»²⁶⁸. По мысли преподобного Нила, желающему шествовать по узкому пути в Царствие необходимо «острое и трезвенное внимание», чему очень препятствуют чрезмерные заботы о вещественном: «Поелику путь, ведущий в Царство, имеет столько затруднений, будучи узок и со всех сторон окружен стремнинами, то какой же смысл, обременив себя горами денег и других имуществ, покушаться идти сим путем так, как идти невозможно? Заботы о вещественном, рассеивая и

сильно влача долу, легким делают падение особенно там, где течение дел требует острого и трезвенного внимания.

И при таком внимании шествие редко проходит без падений по причине затруднений на узком пути по стремнинам, а для обременившего себя ненужной тяжестью стяжаний оно неизбежно. Да и само стяжание есть уже падение»²⁶⁹.

По мысли восточных отцов IV-V веков, пастыри словесных овец должны быть чужды страсти многостяжательства. Преподобный Исидор Пелусиот останавливает внимание священнослужителей на серьезности этой страсти, давая ей следующую краткую характеристику: «Всякая другая страсть имеет свою степень зрелости, знает и упадок сил, известно ей и пресыщение, сама собой приходит к концу; но страстная любовь к многостяжательности, будучи не врожденной, но принесенной откуда-то совне, не знает упадка сил, не признает возможности пресыщения, и веселье ей неизвестно, и конца она не терпит, но всегда сохраняя, лучше сказать, усиливая свою зрелость, старается стать юнее и самоуправнее себя самой»²⁷⁰.

Пагубным для пастыря является и стремление к роскоши, которое «является как бы матерью невоздержания»²⁷¹, а невоздержание, в свою очередь, порождает чревоугодие. Поэтому преподобный Исидор, обращаясь к пресвитеру Зосиме, а в его лице и к каждому пастырю, учит, что «умеренное воздержание и душе приносит пользу, и тело делает здоровым; а содержание роскошное вредит и душе, и телу»²⁷².

Особенно опасным для священника является порок винопития. *Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство* (Еф.5:18), – говорит богодухновенный Апостол, а вслед за ним и Святые Отцы единодушно увещевают священника строго следить за собой, ибо для пастыря Христова ни под каким предлогом не может быть терпима эта страсть. Проповедник и учитель покаяния преподобный Ефрем Сирин увещевает не соблазняться винопитием из угождения людям, потакая их страстям и тем самым навлекая на себя стыд: «Укоризна человеку – упиваться вином; видево многих, никого не нашел я подобным упивающемуся. Не пей вина до упоения, хотя упрашивают тебя находящиеся с тобою друзья; ибо если

одолеет тебя вино, то упрашивающие тебя прежде всех соблазняются тобой... Не пей вина до упоения в угождение людям; ибо тогда будет тебе великий стыд, когда найдут тебя упившимся. Упивающийся пастырь не упасет вверенных ему овец, а сонливый сам сделается добычей зверей. Ибо терния прозябают в руке пьяницы (см. Притч.26:9)»²⁷³.

Не менее строго порицает этот духовный недуг у пастыря преподобный Исидор Пелусиот, говоря: «Не оскорбляй Божественной литургии, не бесчести благословенных плодов, не простирай до пресыщения питания, не нарушай соразмерности несоблюдением меры. Пия вино, не пропивай ума, но помни, что Дух Божий (освятил) начаток его Кровию Христовою, пользуйся им, как больной, который имеет нужду в его пособии, а не как неприятель, который обращает вино в орудие против всех, а паче против самого себя, падая от него в прах»²⁷⁴.

Совершенно недопустима для всякого христианина, а тем более для священнослужителя, призванного предстать пред Престолом Божиим, плотская страсть. Пастырь Церкви, являясь ходатаем перед Богом за вверенных ему словесных овец, призван принимать Исповедь у людей самого разного возраста и духовного состояния. Не имея права отказать кому-либо в общении, он сталкивается с многообразными искушениями и соблазнами, происходящими как от злобы врага, так и от неразумной ревности или неопытности пасомых. Святые Отцы, столь много внимания уделявшие в своих наставлениях борьбе с блудной похотью, указывают средства противостоять таковым искушениям. «Если разговариваешь с цветущей красотой, – пишет преподобный Ефрем Сирин, – то блюди око, чтобы не возмутило ума твоего вожделение; и тогда начнешь длить речи, полные страстного движения; и окажется, что краями только уст беседуешь о целомудрии, душой же предаешься похотению и всецело им занят»²⁷⁵. В другом месте тот же святой говорит: «Женщины, если увидят, что обходишься с ними вольно и говоришь о пустом, то, побудив еще к худшему, доведут тебя до падения. Но смотри и за тем, чтобы другие под видом сокрушения и благоговения не расслабили ума твоего речами своими»²⁷⁶.

Говоря об искушениях пастыря Церкви, нельзя не вспомнить о страстях гнева, вспыльчивости и зависти. Едва ли можно встретить пастыря, который не испытывал бы в своем сердце жгучую боль от этих раскаленных стрел врага. В творениях древних Святых Отцов также имеются исчерпывающие разъяснения по поводу этих «подводных камней», являющихся преткновением для пастыря и соблазном для пасомых. Так, преподобный Ефрем Сирин говорит: «Кто уязвляется завистью и соперничеством, тот жалок; потому что он соучастник диавола, «завистью которого смерть вошла в мир» (см. Прем.2:24). Сердце его всегда изнемогает от печали, тело снедается бледностью, и силы его истощаются. Зависть и соперничество – страшная отравка; от них родятся оклеветание, ненависть и убийства»²⁷⁷. Тот же святой наставляет, как бороться с этим тяжелым недугом души: «Будь внимателен к себе, чтобы не возобладали тобой вспыльчивость, раздражительность, памятозлобие, – от чего будешь вести жизнь тревожную и неустроенную. Но приобрети себе великодушие, кротость, незлобие, и всё, что прилично христианам, чтобы вести жизнь покойную и безмятежную»²⁷⁸.

Любая страсть в жизни пастыря проявляется гораздо сильнее и напряженнее, чем в жизни мирянина. Кроме того, священнослужитель, наряду с общечеловеческими страстями, может оказаться подверженным и исключительно пастырским порокам и искушениям. Они выражаются в неблагоговении к святыне, «привыкании» к священнодействиям, которое приводит к холодному и небрежному их исполнению. Отсутствие молитвенного устройства, леность к богоугождению могут привести к пагубному раздвоению в душе пастыря, когда его жизнь не соответствует его красноречивым проповедям. К сугубо пастырским грехам относятся также чрезмерная требовательность к пасомым, ригоризм, граничащий с прелестью, мелочность и придирчивость, буквоедство и фанатизм. Нередким является и полное небрежение о пастве, боязнь «кого-то обидеть», «страх человеческий» (боязнь угроз от людей), малодушие и лицемерие.

Коварство и жестокость диавола, противоборствующего пастырю святой Церкви, выражается также в разнообразных проявлениях тщеславия – в любви человеческой похвалы, в погоне за дешевой популярностью, в жажде прослыть «чудотворцем и прозорливцем». О борьбе с этой страшной духовной «инфекцией» постоянно говорят преподобные и богоносные отцы, называя тщеславие «самым острым оружием у змея древнего, побивающим плоды всех трудов наших»²⁷⁹. В частности, преподобный Нил увещевает: «Не продавай трудов за славу человеческую и не отдавай будущей славы за похвалу ничего не стоящую; ибо слава человеческая обращается в прах и молва ее замирает на земле»²⁸⁰. Преподобный Марк Подвижник предостерегает пастыря, говоря: «Будучи по благоволению Божию хвалим многими, не примешивай ничего самохвального к Промыслу Господню о тебе, чтобы опять от перемены не подпасть противному»²⁸¹.

Господь призывает нас идти за Собой по узкому, тернистому и многоскорбному пути, по которому следовали все святые Апостолы, мученики, преподобные и праведные. Скорби, лишения, огорчения и болезни – это земной удел каждого христианина.

О неизбежности и необходимости искушений говорил наставник монашествующих преподобный Антоний Великий: «Не быв искушен, никто не возможет войти в Царствие Небесное. Отними искушения – не спасется ни единый»²⁸².

Враг человеческого рода прилагает все усилия, чтобы сделать особенно горькой чашу скорбей человека спасающегося, особенно же усердствует о пастырях Церкви Христовой. Поэтому столь важное место в святоотеческих творениях уделено терпению скорбей и болезней и борьбе с проистекающими от них печали и унынию. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин пишет: «Брань плоти и духа прогоняет нашу беспечность, обличает нерадение и, как внимательнейший какой пестун, не попускает уклоняться от черты строгости правил жизни»²⁸³.

Искушения и скорби пастыря Церкви могут происходить и от внешних причин. Это может быть поношение и оскорбление со

стороны собратьев или пасомых, нередко даже от самых близких людей. Преподобный Антоний Великий учит в подобных ситуациях пребывать в твердости и благодарении Богу: «Содержите в мысли, что вы будете испытываемы какими-нибудь братьями посредством поношения и неправд или подвергнетесь унижению от сотрудников своих. Почему, когда случится с вами что подобное, стойте твердо, не бойтесь, не унывайте; но благодарение воссылайте Господу за всё это, потому что без Него ничего подобного не случается, а Им попускается по той причине, что испытывать брани необходимо для рабов Божиих, ибо кто будет испытан от благодати Божией искушениями, трудами, скорбями и бедствиями, тот, пока не навикнет с терпением устаивать в добре во всех случаях, не получит от Него чести»²⁸⁴.

Преподобный Марк Подвижник дает важное для пастыря наставление, как вести себя, когда пасомые не слушают его слов: «Если ты получил от Господа жребий учить других, а тебя не слушают, то мысленно скорби об этом, явно же не возмущайся. Так ради твоей скорби ты не будешь осужден наряду с тем, кто не внимает тебе, а за свое возмущение не будешь искушен чувством вражды»²⁸⁵. Тот же святой отец указывает на связь исполнения заповеди и последующего за ним искушения: «Не радуйся, когда сделаешь кому-либо добро; но когда без злопамятства перенесешь последующее за тем сопротивление. Ибо как ночи следуют за днями, так и пороки за добродетелями»²⁸⁶. Авва Евагрий призывает к постоянной духовной бдительности, чтобы под действием обиды или огорчения не растратить собранных добродетелей: «Может случиться, что, оказав помощь какому-либо человеку, ты потерпишь ущерб от другого, а поэтому, обиженный, скажешь или сделаешь что-нибудь неприличное в отношении к ближнему. Тем самым ты дурно растратишь то, что хорошо собрал. А это и является целью лукавых бесов. Поэтому следует быть разумно бдительным»²⁸⁷.

Святые Отцы древней Церкви, опытно прошедшие через огненное горнило всевозможных искушений, указывают на терпение и усердную молитву к Богу, как на наиболее сильные

оружия против искушений. Так, преподобный Марк Подвижник пишет: «Избегай искушения терпением и молитвою. Если же без сих будешь сопротивляться ему, то оно сильнее станет нападать»²⁸⁸. О молитве как средстве преодоления искушения говорит и авва Евагрий: «Когда случится с тобой искушение, либо вступишь в спор, раздраженный противоречием, проронишь непочтительное слово, тогда вспомни о молитве и о суде, который влечет она, – и сразу успокоится в тебе беспорядочное движение»²⁸⁹. Авва Исаия предупреждает о коварстве врага при искушении тщеславием: «Если ты борешься с каким-либо искушением, которое тебя утомляет, то не унывай, но повергайся пред Богом, и говори: помоги мне, Господи; ибо я немогущ, не могу противиться сей брани; и Он поможет тебе, если только от искреннего сердца будет исходить твоя молитва. Если ты борешься и побеждаешь, – то не тщеславься и не надейся на себя, но будь осторожен: ибо враг готовит для тебя брань, гораздо опаснейшую первой»²⁹⁰.

Древние отцы Востока указывают на то, что Бог промышляет о каждом из нас, и если даже после долгой молитвы искушение не прекращается, надо продолжать молиться, уповая на Бога. Авва Исаия говорит об этом следующее: «Если будешь молить Бога, чтобы он освободил тебя от искушения, и не будешь услышан, не унывай душою, ибо Он знает более тебя, что тебе полезно. И потому не говори: даруй мне сие или отдали от меня оное, но молись так: Господи Иисусе Христе, помоги мне и не допусти меня согрешить пред Тобою»²⁹¹.

Считая молитву царицей добродетелей, а непрестанное в ней пребывание – вершиной совершенства, Святые Отцы подвижники указывают, что именно усердная молитва, возносимая как за себя, так и за ближних, наиболее ненавистна врагу. «Если ты усердно занимаешься молитвой, – пишет авва Евагрий, – то приготовься к нападкам бесов и терпеливо переноси удары бичей их. Ибо, как дикие звери, нападут они на тебя и изъязвят всё тело твое. Помолившись, как должно, ожидай недолжного, однако стой мужественно, охраняя плод свой. Ибо для этого ты и предназначен изначально: *возделывать*

и хранить (Быт.2:15). А поэтому, возделав, не оставляй без охраны добытое трудом, иначе не будет тебе никакой пользы от молитвы»²⁹².

Итак, по учению Святых Отцов, все страсти и пороки должны быть чужды пастырю Церкви, так как они, как замечает преподобный Исидор Пелусиот, «бесчестят Божие рукоположение и самое священство»²⁹³. Священнослужителю надлежит постоянно трудиться на поприще очищения своей души от страстей и пороков. Ему нужно быть праведным не только внешне; не производить впечатление добродетельного, но быть таковым на самом деле, чтобы через него не хулилось имя Христово (ср. Рим.2:24). Такое внутреннее очищение сопровождается долгим, кропотливым трудом и терпением многообразных искушений, скорбей и болезней. Жизнь пастыря – это непрестанная брань, сораспятие Христу и самопожертвование ради ближних – ибо священник даст ответ пред Богом не только за себя, но и за грехи вверенных ему словесных овец, если не наставлял их на путь спасения, проявляя слабость и малодушие. Пастырю Церкви нужна неослабная бдительность над своей душой и молитва к Пастыреначальнику, сказавшему: *В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин.16:33).

Глава VI Исповедничество

Обязанности пастыря, его ответственность перед Богом и Церковью требуют от него подвига добровольного мученичества. Для современного священника это слово – мученичество – не должно быть чуждым, не касающимся его лично и относящимся к далекому прошлому. Мученичество, в буквальном смысле этого слова, всё больше распространяется в современном мире. В Сербии проливается кровь православных; священники, монахи, миряне терпят со стороны албанцев изгнание из монастырей и населенных пунктов только за то, что они православные. На Украине, особенно в западной ее части, католики и раскольники разных мастей выгоняют из храмов православное духовенство и верующих. Известны единичные случаи мученичества священнослужителей в Чечне и на территории России от рук сатанистов.

Как вести себя пастырю в таких ситуациях, каков должен быть его внутренний настрой? На эти вопросы мы также можем найти ответы у восточных подвижников IV-V веков.

Преподобный Нил Синайский в «Повести об убиении монахов» довольно подробно описывает картины страданий иноков, передает тот высокий духовный настрой, с которым монахи принимали смерть. «Они схватили другого юношу, бледного, исхудавшего и несшего на лице приметы своего образа жизни, – его они также прикончили мечом, причем он издавал благодарственные восклицания и выражал им признательность за то, что они лишили его жизни, пока он держался добродетели. Ибо он говорил, что немало страшился неясности конца, как бы преткновение воли или какая-то внешняя причина не сломила твердость его намерения, убедив или заставив мыслить нечто иное помимо данных Богу обетов»²⁹⁴. В повести преподобный показывает примеры как безропотного, с благодарностью к Богу, принятия смерти, так и сопротивления мучителям, когда они пытались принудить свою жертву ко греху или поругаться достоинству человека как образа Божия: «Тогда мой дух пришел в себя, и я благословил Бога, не

пренебрегшего молитвой смиренного, и тут уже у меня появилась смелость и дерзновение, потому что это, конечно, Бог дал мне такую благодать. И когда они велели мне есть мерзость, я возражал и не слушался их приказаний позабавиться с женщинами»²⁹⁵.

Возможно, что в наше время не каждого священника ждут телесные мучения и смерть за веру, но скорби и искушения поджидают пастыря на каждом шагу. Подвиг пастыря, как и подвиг монашеский, есть бескровное мученичество. В условиях современного общества, прикрывающегося либерально-демократической личиной, исповедничество выражается в более тонкой форме. Однако настроение души современного пастыря должно быть таким же, как и у мучеников, страдавших за Христа телесно, как, например, у молодого инок из повести преподобного Нила Синайского, не согласившегося показать варварам скрытые келии и тем спастись, что ему было обещано. Он «не пожелал ни выйти из хижины, ни снять хитон, сказав, что выдать могущих укрыться есть предательство, а повиноваться вообще какому бы то ни было принуждению – трусость и низость». «Ведь упражняющимся в величии души, – сказал он, – непозволительно уступать страху, пусть и кажется, что угроза несет немалую опасность. Ибо привычка становится дорогой к большему, и трусость, раз научившись брать верх, велит пренебрегать и великими благами и учит предавать само благочестие, если страх перед несчастьями найдет волю уже павшей из-за трусости»²⁹⁶.

Любовь к истине и благочестию неразрывна с любовью ко Христу, Который Сам из любви к нам пожертвовал Собой. Пастырь – это звено, связывающее паству со Христом, и он должен пылать горячей любовью ко Господу. Он должен быть стойким и мужественным, чтобы ничто не могло поколебать его «твердости в истине и сопротивления врагам»²⁹⁷.

Нередко в современном обществе пастырю-проповеднику приходится и буквально идти на подвиг исповедничества. Его обращение в светской среде требует мужества и способности достойно понести тонкое оскорбление, наглую обиду, язвительное слово, насмешки. Чаще всего это может произойти

в среде молодежи (взрослые более сдержанны, а молодежь относительно откровенна). В этом случае пастырю нужно проявить терпение, стойкость, с одной стороны, и любовь к оскорбляющим – с другой. Этим он не только совершит, пусть и малый, подвиг исповедничества, но и исполнит заповедь преподобного Антония Великого учителям благочестия: «Ничего не стыдись делать, что согласно с волею Божиею, и в деле истины не таись; не бойся возвещать учение Господне или словеса премудрости»²⁹⁸.

Древние подвижники Востока проявляли деятельную любовь к ближним в проповеди Христа и часто были укрепляемы в этом подвиге чудесными явлениями от Господа. Так, святому Евгению явился в божественном видении Ангел. Он стал возле него и сказал: «Препояшьяся, как борец, и проповедуй здесь благовестие Царствия Божия, ибо услышана молитва твоя и принято прошение твое перед Богом. И ныне встань открыто, ты и братия твои, и покажитесь всякому человеку; и не бойся убивающих тело, души же не могущих убить (см. Мф.10:28; Лк.12:4); и со светлым оком веры проповедуйте о Царствии». И после этого отправился святой вместе с братией и наставлял, и учил по деревням²⁹⁹.

В проповедническом труде, в миссионерской работе пастырь является прямым преемником Апостолов, как просветителей Вселенной. «Кто за истину терпит оскорбление и бесчестие, тот идет путем апостольским, неся крест и облагаясь веригами», – пишет преподобный Марк Подвижник³⁰⁰. Жизнь ревностного пастыря – это ежедневное самопожертвование для блага других. Как преемник апостольского служения, он заботится о своей пастве, исполняясь самоотречением.

Этот труд и связанные с ним тяготы и страдания стяжевают проповеднику немалую награду, подобную той, о которой говорится в житии Мар Евгена. Так, старец говорит блаженному Мар Евгению: «Блажен ты, брат наш Мар Милос, ибо приблизилось время, в которое ты будешь пожрен в стране персов наподобие святого Павла, пострадавшего от Нерона; но обличишь нечестивого и засвидетельствуешь там о Господе Своем; и получишь венец победы»³⁰¹.

В творениях древних отцов-аскетов раскрывается известный закон духовной жизни, о котором упоминает преподобный Иоанн Карпафский: «Случается иной раз, что учитель подвергается бесчестию и искушениям за людей, получивших от него духовную пользу. Потому Апостол писал: *Мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии* (1Кор.4:10)"³⁰². Эта закономерность, известная подвижникам IV-V веков, действует и в наши дни.

Оскорбление, обиды, язвительность ревностный пастырь может понести не только со стороны светской среды, но и от своих пасомых. Ревностного пастыря и свои же сослуживцы-священники могут за спиной называть «святошей» или, как принято в последнее время, «ортодоксом». «Чему удивляешься, – пишет пресвитеру Феоклу преподобный Нил Синайский, – когда даже единоклубные с тобою и бывшие прежде твоими друзьями порицают и крайне укоряют тебя? Приведи себе на память непобедимого Иова. Приведи себе на память всех святых, переносивших всякую скорбь. И что говорю? Вспомни, что Сам Владыка всяческих Христос от Собственных рабов Своих претерпел столько обид, презрение, поругание, осмеяние, оплевания, унижения, бесчинства, заушения, тысячи оскорблений и, наконец, поносную смерть. Вспомни любомудрствующего сим неизреченным любомудрием и перестань скорбеть. Знай же, что, кого угодно Богу спасти, того будет Он устрашать, приводить в ужас, ввергать в различные печали, чтобы не было ему времени вдаться в гордыню. Как говорит о сем благодатный и многоопытный Сирах: *Кто любит своего сына, тот пусть чаще наказывает его* (Сир.30:1). Мы же, по искренней вере своей, без сомнения, сыны Всевышнего Бога. И Он наказует, но не умерщвляет, низлагает, но не губит нас»³⁰³.

Священнику, вступившему на путь пастырского попечения о прихожанах и просветительской работы среди людей, далеких от Церкви, необходимо знать о предстоящих скорбях и испытаниях. Должен он помнить и о том, что на всяком духовном поприще вступает в силу «закон меча обоюдоострого». «Кто из боязни страдания и поношения

борется с людьми, – замечает преподобный Нил, – тот или здесь сильно страдает от находящихся на него злоключений, или в будущем веке мучится без милости»³⁰⁴. Дабы не случилось последнего, священнику надлежит иметь решительную, сильную волю, сердце, горящее любовью к Богу и ближним, он должен вступать в борьбу за каждую вверенную ему душу, помнить и о тех, кто еще остался за церковной оградой. Души многих наших соотечественников: бедных и богатых, старых и молодых, школьников, студентов, военных, пенсионеров – страдают от греховной жизни. Порой им не хватает пастырского слова, чтобы вступить на путь спасения, перешагнуть порог храма. Для таковых очень важно встретить на своем жизненном пути одного из тех пастырей, которые, «имея прочно утвердившееся в добре расположение, общаются со злыми с целью спасти их; и хотя их презируют и высмеивают те, кто видит их общающимися со злыми и нерадивыми, они принимают эти поношения человеческие как похвалу и бесстрашно совершают дело Божие – спасение братии. О них и Господь говорит: *Радуйтесь и веселитесь, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня (Мф.5:11–12)*, и то, что они делают, есть дело Владыки Христа»³⁰⁵, Который показал в Евангелии образец *доброго пастыря*, полагающего жизнь свою за овец (см. *Ин.10:11*).

Итак, в исповедничестве пастыря мы видим два аспекта. Во-первых, свидетельство Истины перед внешним миром. Во-вторых, жертвенность в исполнении своих обязанностей по отношению к пасомым. Смысл этого исповедничества заключается в словах чинопоследования Таинства Священства, произносимых архиереем: «Прими сей залог и убереги его до Пришествия Господа нашего Иисуса Христа». Убереечь своих пасомых в вере и благочестии – вот задача пастыря. Все же, *желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы (2Тим.3:12)*. В особенности эти слова Апостола относятся к иереям, которые не только сами стремятся жить добродетельно, но и других ведут по пути спасения. Поэтому истинному пастырю предстоит *переносить страдания, как*

доброму воину Иисуса Христа (2Тим.2:3): стойко, терпеливо и мужественно.

Заключение

Восточное монашество периода «золотого века» восприняло от мучеников и исповедников эпохи гонений на христианство эстафету свидетельства о Христе в подвиге добровольного мученичества. Египетская пустыня, а в скором времени и Синайская гора, Палестина и Сирия даровали Церкви великих богатей духа – основоположников монашества. Путем личного опыта в условиях крайнего минимализма они изучили действие страстей на душу, их влияние на внешнего человека, выработали правила борьбы с духами злобы. Древние христианские подвижники не только сами достигли спасения, но и другим открыли пути преодоления пороков и страстей. Они оставили в наследие будущим поколениям неоценимое духовное богатство, пользу от которого может получать и живущий в уединении, и в общежитии, и в миру, и простой мирянин, и пастырь, служащий и на приходе или в монастыре. «Копи так называемых драгоценных камней и золотоносные жилы пусть отыскивают миролюбцы. А жития мужей святых, добродетели людей, устранившихся и старающихся утаиться от мира, и то, в каких преуспевают они доблестях, пусть, для подражания их жительству, исследуют боголюбцы», – пишет преподобный Нил Синайский³⁰⁶.

Творения древних христианских подвижников необходимы и актуальны для пастырей Церкви во все времена, особенно же в наши дни, когда дух либерализма искушает духовенство следовать за миром, идти на сближение с ним, жить по его правилам. Зачастую это прикрывается снисходительностью к немощам человеческой природы или считается миссионерством. Творения Святых Отцов указывают границы пастырского служения в обществе, переступать которые недопустимо. Обращаясь к святоотеческому наследию, пастырь сможет определить для себя правила поведения и образ действия в светской среде.

В своих творениях учителя Церкви представили нам образ православного пастыря, высоту, трудность и ответственность

его служения, указали требования, предъявляемые к пастырю, необходимость тщательной подготовки к пастырскому служению. Труды Святых Отцов, положенные в основание жизни пастыря, воспитывают в нем сознание высокого достоинства священства. «Великого сподобились вы блага, получив благодать, которая в вас есть, – напоминает пастырям преподобный Антоний Великий. – Должно, однако ж, вам неленостно подниматься о имени Того, Который есть Посетивший вас Восток с высоты (Лк.1:78)»³⁰⁷. «Услышав сие, воспрянем как бы от сна, – призывает преподобный Орсисий Тавенисиотский, – и представим себя достойными служителями Божиими»³⁰⁸.

Для совершения своего служения пастырь должен обладать определенными духовными качествами, главным из которых Святые Отцы считают любовь – искреннюю любовь к Богу и жертвенную любовь к своим пасомым. Евангельская любовь является движущей силой всей его многогранной деятельности: на приходе и в светской среде, во внутреннем молитвенном подвиге и во внешних добродетелях, в богослужении, учительстве и духовном окормлении. Ибо «левитами и иереями названы те, кои всех себя всецело посвятили Богу, и деятельностью и созерцанием»³⁰⁹, то есть и внешним деланием, и усердным молитвенным трудом. Преподобный Нил Синайский предупреждает, что «недеятельность – рубеж между добродетелью и пороком. Кто уклонился от последнего, тот не беспрекословно еще в добре. Достоин похвалы тот муж, который с деятельностью сочетал видение, чтобы из обоих источников орошалась душевная нива для произращения добродетели»³¹⁰. Древние подвижники учат нас не только бороться со страстями, но и утверждаться в доброделании и стремиться к богопознанию.

Святоотеческое учение о пастырском служении всегда дышит свежестью, всегда современно, многоплодно, назидательно и своевременно. Древние отцы были большими знатоками человеческой души, и поэтому их советы всегда приносят большую пользу пастырям всех времен, желающим неукоризненно и плодотворно исполнять свое служение.

Каждый раз, перечитывая их труды, искренний пастырь открывает для себя новые грани духовной жизни, неизведанные горизонты в своем служении и личном духовном совершенствовании.

Целью пастырского служения восточные подвижники IV-V веков считают обучение пасомых борьбе со страстями и пороками и утверждение их в добродетели. В душепопечительстве пастырь всегда стоит на страже вверенного ему словесного стада, охраняя его от всякого зла. Плоды пастырского духовного окормления в большой мере зависят от образа жизни самого пастыря, от его личного примера. В этом служении священник подражает Христу, является носителем Его образа. А «Божий образ, – замечает преподобный Нил Синайский, – повсюду внушает уважение к служителям Божиим и во всем делает их достойными внимания»³¹¹.

Древние подвижники, указывая на универсальность духовных законов, вместе с тем предупреждают об искушениях и скорбях, характерных именно для последних времен, в которые выпало нам жить. Так, авва Илиа на вопрос: «Чем мы спасемся в это время?» – ответил: «Мы спасемся неуважением к себе»³¹².

Все истинно подвизавшиеся пастыри свидетельствуют о том, что каждому христианину предстоит сораспяться Спасителю, пройти путь очищения, преодолеть искушения и исповедать Христа всей своей жизнью. «Решившись служить Богу, пребывай в страхе Божием и приготовь душу свою не к покою, бездействию и наслаждению, а к искушениям и огорчениям» (см. Сир.2:1); *ибо многими скорбями подобает войти в Царство Божие* (Деян.14:22). *Много званых и мало избранных* (Мф.22:14). Знай, что ты в числе немногих избранных; смотря на пример холодности многих, не охлаждавай, но живи так, как живут немногие, дабы с этими немногими удостоиться тебе Царствия Небесного», – наставляет преподобный Иоанн Кассиан Римлянин³¹³.

Идут века. Церковь Христова продолжает жить и совершать дело спасения людей для вечной жизни через духовных

пастырей. Одно поколение пастырей сменяется другим, на смену ушедшим приходят новые, готовятся к пастырскому служению следующие поколения. И так будет до скончания века. Не было и не будет такого времени, когда земная Церковь Христова была бы без духоносных пастырей.

Сквозь столетия ко всем поколениям пастырей обращены слова духоносного пастыря древней Церкви: «Да даст тебе Бог смысл и разуметь, и делать полезное. Ибо, думаю, что не отступил ты так далеко от учения отцов, а напротив того, и был, и будешь весьма трудолюбивым образцом к пользе других. Смотри, брат, да не похулится из-за тебя велелепное имя Божие. Не соделайся виновником соблазна для желающих спастись. Но будь лучше агнцем, а не волком, чтобы соделаться не губителем, а жизнью»³¹⁴.

В творениях подвижников древней Церкви современному служителю алтаря Господня предлагаются обобщенные уроки истинного пастырства и духовного совершенствования, благодаря которым он сможет стать для своих пасомых путеводной звездой в Царство Небесное.

Из опыта современного пастыря

Глава I Пастырь сегодня

Несколько слов о священстве

Современная жизнь такова, что уже никого не удивляет открытый храм, ничья душа не возмущается при виде священника на улице. Всё чаще обычные люди, внецерковные, вспоминают, что они христиане, что когда-то в детстве были крещены и в какие-то моменты своей жизни обращаются за помощью в Церковь. Призывают священника к себе домой для совершения различных треб. Это может быть освящение квартиры, Исповедание и Причащение болящего, Соборование. Появление священника в больнице сегодня уже тоже никого не смущает. А между тем редкие люди задумываются, кто по сути священник, в чем цель его жизни, каким путем он идет, насколько сложен его путь.

Священство – это не профессия и не ремесло. Священство – служение Богу и народу Божию, а профессия – работа. Что есть профессия? Человек приобретает навыки определенной деятельности. Так и священник проходит курс в Духовной академии: обучается богословским дисциплинам, совершению богослужения. Безусловно, учится на каких-то примерах. Профессия – это определенные знания и умение делать свое дело. Можно сказать, что это внешняя сторона. А по сути священство – служение, на которое призывает человека Сам Господь. Об этом говорит апостол Павел: *И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных, Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова (Еф.4:11–12).* Священник поставлен служить Господу на земле через исполнение своих обязанностей, круг которых довольно велик. Можно к этому относиться как к служению, а можно – как к работе, которая дает средства на жизнь. Последнее для пастыря смерти подобно, неприемлемо и недопустимо. Протоиерей Алексей Остапов, воспитанник Святейшего Патриарха Алексия I, называл таких священников требоисправителями, пастырями наполовину, а то и меньше.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский смотрел на пастырское служение как на высочайшее служение на земле. «*Ангелу Ефесския церкви напиши (Откр.2:1). Священники – ангелы. И верхняя священническая одежда их при богослужении имеет вид опущенных крыльев. Священники Господни! Как высоко ваше достоинство!*»³¹⁵

Есть акафист «Святому Ангелу, неусыпному хранителю человеческой жизни», строки которого раскрывают сущность ангельского служения. Любой земной пастырь по этому акафисту может научиться духу пастырского служения.

Каждый человек в то же время может быть священником Бога Вышнего. Апостол Петр говорит о священническом служении людей верующих: *И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом ... Но вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда непомилованные, а ныне помилованы (1Пет.2:5,9,10).* Речь идет о священстве мирянина не в смысле сакраментальном, он не имеет права совершать Таинства, богослужение. Разграничение тут особого порядка, неформального. Он становится священником Бога Вышнего по сути. Это зависит от внутреннего состояния человека. Священник поставлен быть посредником между Богом и людьми, проводником, путеводителем ко Христу. Так же и человек верующий, христианин, если Господь даст ему посредничество в миру, может быть посредником. Сколько бывает мирян высокой духовной жизни, которые, не принимая сана, становятся духовным отцом или духовной матерью, к ним обращаются за советом. Господь не всем дает такой дар, но каждый должен стремиться к священству такого порядка.

Священник среди людей

Пастырь в любом обществе должен быть как бы отрезвляющим напоминанием, что человек живет на земле временно. Это всегда призыв к реальности. Люди часто впадают в иллюзию, что они будут пребывать на земле вечно, а

если не вечно, то смерть, по крайней мере, не скоро. Священник своим появлением напоминает, что человек в любой момент может оказаться перед лицом суда Божия. Пастырь должен являть собой вот такое напоминание без слов, без устрашения. Священник в миру и как бы над миром. Служение его – служение надмирное. Священник не служит обогащению, приобретению материальных благ, какой-то собственности или производства для того, чтобы устроиться здесь как можно лучше. Он именно напоминает о том, как непрочно все здесь, призывает искать прежде всего Царствия Небесного. Само присутствие священника должно отрезвлять, заставляя людей задуматься, хоть немного, но задуматься над своей жизнью. Роль пастыря особая, не во всяком обществе он поэтому бывает приятен.

Пастырь общается с людьми современного мира и должен вникать в проблемы общества. Быть образованным в такой степени, чтобы свободно рассуждать об актуальных задачах, трудностях пасомых в связи с их мирскими занятиями. Пастырю необходимо во многих областях иметь собственное суждение, и, если требуется, дать ответ на любой вопрос, поставленный перед ним, ответить мудро и смиренно, причем без лицеприятия, без лести, без желания показать свое превосходство, в то же время считая себя полноценным членом современного общества, гражданином своей страны.

В сегодняшних условиях жизни пастырю необходимо быть человеком высокой культуры. Нередко священник совершает требы на дому, его могут пригласить к столу на чашку чая. Среди членов семьи, в которой он совершает требы, есть люди и неверующие, и агностики. Естественно, что к священнику обращаются с самыми разнообразными вопросами, тут от пастыря потребуются умение не только разумно ответить на те или иные вопросы, но и тому, кто по-настоящему хочет выяснить Истину, разъяснить ее. Спокойно разъяснить, на уровне современных требований культурного человека, не вступая ни в какие споры, ни в какие ненужные дискуссии.

Желательно, чтобы священник в наше время имел еще и светское образование: литературное, музыкальное,

медицинское или техническое, но обязательно светское. Хорошо, если священник разбирается в вопросах психологии, психиатрии, или когда пастырь причастен к искусству, поэзии, знает художественные произведения, кем и когда они написаны. Безусловно, священнику надо быть умным собеседником, в какой-то мере начитанным человеком, иметь широкий кругозор, быть в курсе новинок литературы, кинематографии, уметь высказать свое мнение о событиях, происходящих в стране и мире. Тогда он действительно будет членом общества, а так – «белая ворона», знает только богословие и больше ничего, не всем это интересно. В обществе он не сможет участвовать в разговоре, а среди людей, заинтересованных только в материальном благополучии, где царят склоки, присутствие священника – большое дело. Здесь энциклопедическая образованность очень пригодится. Священник в этом кругу людей сможет пробудить живой интерес к вопросам, им совершенно чуждым. Ведь область пастырских усилий и забот не может ограничиваться лишь прихожанами – людьми, которые уже нашли свою дорогу к Богу. Она должна распространяться и на всех тех, кто еще не познал радости богообщения.

Священнику нужно стараться быть внимательным к окружающим людям, никого не задевать, не унижать. Если перед ним человек невежественный, он не должен его укорять, а очень мягко, с пониманием отнестись и к такому человеку. На его нелепые и даже глупые вопросы уметь умно ответить, не обижая человека. В любом обществе пастырь должен быть на высоте своего положения, чтобы вызывать у людей почтительное отношение к нему как к священнику. Еще лучше, если он проявит чисто человеческие качества и просто как человек вызовет уважение окружающих.

Священник, попадая в мирскую среду, должен всегда оставаться священником, неправильно, когда пастырь сливается с этой средой, уподобляется светскому человеку, становится как все, думая таким образом создать себе популярность. Если он, допустим, попадает в общество выпивох, то выпивает вместе с ними; если оказывается в обществе, где рассказывают анекдоты, то анекдоты

рассказывает. Такой пастырь совершенно забывает, что он имеет сан, забывает, что он должен быть прежде всего священником в любом обществе, куда бы ни попал. Это не значит, что пастырю нужно чуждаться людей, но быть самим собой, то есть священником, он обязан везде, не обращая внимания на то, как его воспримут в этом плане. Ведь Апостолы, когда шли на проповедь, шли в мир чуждый, на крест, знали, что мир их встретит враждебно. Их и убивали, и побивали, и пыткам подвергали. Это крестный путь пастыря. Он всегда должен идти на крест. Он – образ Христа, а Христос шел на крест ради нашего спасения. И пастырь в миру должен как бы восходить на крест, восходить на Голгофу. Я не говорю о священниках-монахах, которые служат в монастыре, там тоже бывает много трудностей. Но обычные священники на приходе вращаются среди людей мира сего: эти люди идут к нему на Исповедь, на службу, слушают проповедь, задают вопросы, часто совсем не по сути. Надо терпеть приходящих, уметь терпеть всё. Как говорит Христос: *приходящего ко Мне не изгоню вон* (Ин.6:37). Пастырю нужно никого не отвергнуть, не раздражиться, не разгневаться, то есть не согрешить, а всегда с любовью увещевать. Сказано: *исправляйте в духе кротости* (Гал.6:1). Кроткий дух, но твердый и мужественный одновременно. *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* (Мф.10:16) – вот этот принцип должен соблюдать пастырь.

Необходимо обязательно сказать о чистоте жизни священника. Пастырь должен жить добродетельно, показывать пример высокой духовной жизни. Ему нужно всегда помнить, что влияние на паству напрямую зависит от высоты его собственной жизни. Чем более развиты в нем духовные качества, добродетели, тем сильнее его влияние на людей.

Молитва в жизни пастыря

В пастырском делании как воздух для дыхания необходима молитва. Священник должен быть непосредственно связан со своим Пастыреначальником, которым является Христос, должен жить во Христе, тогда его деятельность верно направлена. Если он не живет во Христе, то он, естественно, теряет связь со своим Пастыреначальником и может ложные, несправедливые

вещи творить. Надо всегда быть со Христом, ходить пред Богом. Библейский пример Енох, сын Адама. Написано: *И ходил Енох пред Богом (Быт.5:24)*. Это и есть пребывание в молитве. После грехопадения людей общение с Богом может быть только молитвенное.

До грехопадения человек был в единении с Богом, Бог был его другом, братом, родным. Когда же человек согрешил, он отпал от Бога, стал взывать, обращаться в молитве ко Господу.

Всенощное бдение начинается отверстием Царских врат и безмолвным каждением алтаря. Это изображается состоянием рая. Потом следует каждение храма с пением предначинательного псалма: *Благослови, душе моя, Господа*. После этого Царские врата закрываются и начинается уже история религии. Начинается молитва «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя». Человек согрешил, удалился от Бога и стал к Нему взывать: «Из глубины воззвах к Тебе, Господи», «Господи, услыши мя». Священник должен пребывать в непрестанной молитве, потому что он путеводитель ко Христу. Пастырь являет собой лик Христов на земле образом жизни, примером, всем своим поведением, тогда можно рассчитывать на то, что он будет кормчим. Пастырь должен быть подобен Апостолам, так чтобы все им назидались и спасались. Апостол Павел говорит: *...будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте. ...Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства (1Тим.4:12–14)*. Если он не являет Христа, то он уже не пастырь, не ученик, не Апостол. Каковы были Апостолы? Они были необразованные люди, занимались рыболовством, но пошли за Христом, слушали Его и бывали с Ним, причем Он называл их друзьями Своими, братьями, детьми, то есть родными. Отчуждение от Бога, которое совершилось после грехопадения, прекратилось с пришествием в мир Христа Спасителя. Через Иисуса Христа Бог стал родным и близким нам. Христос – Пастыреначальник, вот почему Церковь – Христова. Мы знаем Его, Он родной и близкий нам. «Авва Отче» – обращаемся мы к Нему. Отец – вот кто такой пастырь. Истинный пастырь прежде всего находится в

непрестанном единении со Христом, у него сердечное отношение ко Христу, значит, постоянное пребывание Господа в сердце. Сердце – это Престол Божий, храм. Священник соделал себя храмом Святого Духа.

Молитва пастыря должна быть сердечной, живой, с умилением, любовью и твердой верой, что всё множество человеческих грехов не может превысить Божиего милосердия. Особенно хорошо о молитве писал святой праведный Иоанн Кронштадтский. Он учил так: «Молиться непременно нужно сердцем, нужно сердце приближать к Богу, иначе трудно будет молиться; когда молишься от сердца, с любовью, всегда молишься легко и приятно. Да вообще всякое дело делается легко, если делается от сердца, с любовью к Нему»³¹⁶.

На значение молитвы для пастыря нужно смотреть и под другим углом, а именно: в связи с отношением к нему пасомых. Если священник обладает даром молитвы, то он, во-первых, способен научить молиться и других, а во-вторых, молитвенное устройство души пастыря повышает его авторитет у прихожан. По словам епископа Антония (Храповицкого), «наш русский народ особенно высоко ценит пастырей молитвенников. Он готов всё простить, даже закрыть глаза на все недостатки и пороки пастыря, будь только одно в нем качество – молитвенность»³¹⁷. Священников, которые имеют дух искренней молитвы, народ уважает, любит, относится с доверием, считает своими наставниками и в затруднительных случаях обращается за советом.

Глава II Пастырское учительство

Назидание в богослужении

Богослужение должно быть таким, чтобы оно назидало. Если пастырь совершает богослужение с благоговением, внутренним участием сердца, если он не отвлекается, внимательно произносит возгласы, это уже само по себе поучительно для предстоящих. Они учатся общению с Богом через посредника, каким является священник. Учительство пастыря обязательно распространяется на совершение богослужения, не только на Исповедь и проповедь. Священник не должен кое-как, небрежно произносить возгласы. Очень плохо, когда прихожане видят, что он отвлекается на разговоры.

Это часто бывает и учит обратному. А прихожане должны поучаться благоговению и общению с Богом.

Пастырь – помощник. Пришел человек в храм из мира. У него еще следы всех забот, попечений мирских в голове. Он пришел отдать время Господу. Надо, чтобы это время прошло не зря. Если он видит неблагоговейное, невнимательное отношение к службе, поспешно совершаемое богослужение, он учится. Но чему он учится? Такому же халатному, небрежному отношению к молитве, к общению с Богом. Однажды он почувствует, что пребывание в храме ему ничего не дает. И может начать реже ходить на богослужение, а потом вообще перестать посещать храм. Очень важно, как пастырь совершает богослужение. Это учительный момент: произнесение возгласов, тайной молитвы, каждение, предстояние вообще. Прихожане всегда ждут, когда священник выйдет из алтаря на отпуст или, если священник без диакона, на произнесение ектеньи. Прихожанам хочется увидеть священника, его лицо, манеры. Если они видят пастыря благоговейно сосредоточенного, не отвлекающегося – это поучительно для них. Они сами заражаются этим духом, стараются тоже сосредоточенно молиться.

Эстетическая сторона совершаемого священником богослужения на первый взгляд может показаться совершенно

незначимой, однако это совсем не так. Хорошо, когда все движения пастыря спокойны, красивы без театральности, я бы сказал, смиренны. Священник должен обладать вкусом, чувством меры и стиля: предельная опрятность в облачении, простота в манерах, никакой вычурности. Псалмодия должна быть проста и естественна, желательно в тон с певчими и хором, недопустимы экзальтация, выкрики, декламация, надрыв, эмоциональность. Священник должен выработать сдержанный и скромный стиль. О культуре пастыря очень хорошо пишет протоиерей Алексей Остапов в книге «Пастырская эстетика», в которой затрагивает все сферы жизни и деятельности священника³¹⁸.

Проповедь

Наиболее значимой составляющей частью богослужения является проповедь. Это слово, которое должно быть услышано. Здесь очень важен контакт с аудиторией. Священнику, выходящему на проповедь, не нужно закрывать глаза, иначе нарушается контакт, надо стараться всматриваться в лица, переводя взгляд с одного человека на другого. В проповеди важно, как священник обратился к верующим: «Братья и сестры» сказал или «Дорогие». Можно не обращаться, но почувствовать, что контакт есть уже с первого момента. Священнику не нужно никогда долго говорить, надо чувствовать форму проповеди. Что касается структуры, то проповедь должна быть логично выстроена. Начало – тема, допустим: притча. Следует сказать о Священном Писании, изложить основу, Евангелие. Затем разработать эту мысль, как священник считает нужным. Разработка идет до определенной кульминации, где золотое сечение, как бы на чем-то заострить внимание и сделать нравственное приложение, нравственные выводы из сказанного. Цель проповеди состоит в том, чтобы у слушающего в сердце осталось что-то. Бывает, священник говорит, но ничего не запоминается. Сердечный тон, контакт с аудиторией много сами по себе дают, общение с пастырем через слово имеет большое значение для прихожан. Человек мог даже запомнить, что священник говорил на проповеди, но запомнил внутренний контакт, созданный во время

произнесения слова. Этот эффект в душе человека остается надолго. И еще один важный штрих: бояться книжной проповеди, то есть книжного языка, который, как правило, не доходит. Священник начитается книг, потом начинает книжно выражать свои мысли, а нужно всегда говорить от опыта. Конечно, начитанность – вещь хорошая, но проявить свою эрудицию можно в другом месте. Говорит священник о великих каких-то истинах, до которых сам еще не дорос и находится под судом собственной же проповеди, знает, что этого не делает, не выполняет. Христос о фарисеях говорит: *Итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают: связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их* (Мф.23:3,4). Обычно опыт проявляется в нравственных выводах, которые священник делает из сказанного. Пастырь должен разъяснить, чтобы человек понял, как на практике применить евангельское слово. К примеру, как понять заповедь о любви к ближнему? Священник может спросить: «Вы бы хотели, чтобы с вами поступали так же, как вы поступаете с другими?» Постараться на это обратить внимание, как бы приноровиться к практике жизни современного человека. Совсем не нужно залезать в какие-то догматические дебри. Уйдет человек из храма в сумбурном состоянии, а у него должна быть ясность. Заключать проповедь всегда надо на положительной ноте, чтобы у людей была надежда на то, что они могут это исполнить.

Проповедь не должна озадачивать. «О! – скажут в отчаянии. – Что он там наговорил. Это вообще нельзя исполнить. Любить врагов невозможно». Человек начинает с недоверием относиться к Богу, к Священному Писанию. Пастырю надо стараться всегда надежду вселять, что всё то, что человек слышит на проповеди, исполнить можно. И указать, каким путем к этому прийти. Как, например, врага любить? Надо всегда думать о Христе. Помогает мысль, что эта заповедь основана на искупительном подвиге Христа, который сам на Голгофе умер за нас: *Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если*

кто положит душу свою за друзей своих (Ин.15:12,13). Священнику нужно утвердить в сознании прихожан то, что Христос Сам через страдания, через искупительный подвиг достиг этой любви. Это окрыляет человека. Сила же Таинств церковных, благодать, которая дается нам, не имеет границ. Только силой благодати Божией, благодати Таинств Церкви возможно сказать: любите врагов. Эту силу дает Христос. Как Христос к врагам относился? *Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают (Лк.23:34)*. Не было ненависти к врагам, которые распинали Его. Что больше? Эта мысль может сподвигнуть человека думать: да, наверное, можно любить врагов, благодетельствовать им. Это дает состояние внутреннего блаженства. Кто-то к кому-то неприязненно относится, последний ему делает добро, а тот отвечает злом, активно, неприязненно. Здесь надо указать на то, что у нас сохраняются ветхозаветные заповеди: любить ближнего, а ненавидеть врага, око за око, зуб за зуб. Эта ветхозаветная мысль не дает нам силы полюбить врагов.

А Христос поднялся выше: любить врагов, давать займы, не ожидая ничего. Какая свобода в этом! Мы еще не жили в этом блаженном состоянии, не испытали этой радости. И у людей появляется надежда: оказывается, можно испытать. Давайте попробуем, испытаем такое. И почувствуем, какая там красота неведомая: все будут иначе относиться к врагам, не будут мстить, отвечать злом на зло. Еще не было такого опыта, но в душе, в воображении он уже возникает. Начинают предвкушать радость этого блаженного состояния. Священнику обязательно надо вселять в людей надежду, что этого можно достигнуть. Надо людей окрылить. Вот такая задача у проповеди. Это в данном случае. В других нечто подобное бывает. Тема, разработка, кульминация и нравственные выводы. Не терять контакта, говорить от опыта и никогда не затягивать проповедь. О цели, которую должен ставить перед собой священник на проповеди, святой праведный Иоанн Кронштадтский говорит так: «Нам, проповедникам, надо только помогать действиям Божиим над сердцами человеческими, ловить их готовые расположения к покаянию и усиливать их»³¹⁹.

Как пример построения проповеди можно привести поучение протоиерея Александра Ветелева, сказанное им в 3-ю неделю по Пятидесятнице: *Взгляните на птиц небесных... и на полевые лилии...* (Мф.6:26, 28).

Чему нас учат птицы и цветы

В Евангелии, благочестивые слушатели, мало повествуется о внешней природе: о животных, птицах и растениях. И это не потому, что Христос не любил живую природу, не ценил ее, не воспринимал ее красоту. Проходя не раз из конца в конец Галилею, Иудею, Самарию, Он созерцал красоту палестинской природы и, конечно, чтит «книгу» природы и любовался ею как великим творением Божиим. В Своих беседах со слушателями Он часто брал сравнение и образы из живой природы и трудовой жизни палестинского жителя (образ сеятеля, поля, зерна, горчичного дерева, облака и пр.).

Однако у Спасителя внешняя природа всегда была лишь фоном и побочным средством при главном – внутреннем духовно-благодатном общении с человеком.

Он говорил, что пришел призвать к покаянию и спасти погибающего, грешного человека (см. Мф.9:12–13).

И этот грешный, погибающий человек в сотнях и тысячах лиц ежедневно окружал Его, взывал к Нему и молил о помощи. И Христос всегда и всем оказывал эту помощь (см. Мф.4:23–24).

Но вот в сегодняшнем евангельском чтении, братья и сестры, мы услышали дивные слова Господа о природе, полные глубокого смысла. Он сказал: *Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!* (Мф.6:26–30).

Какие чудные слова, полные глубокой жизненной правды, трогательной заботы Господа о Своих созданиях.

Все мы знаем, что птицы не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы и однако по-своему трудятся, добывая пищу для себя и своих птенцов. Как же и чем Господь питает их?

Питает их не только тем, что дает им разного рода пищу, но и тем, что заложил в их природу особую способность к существованию. Он даровал природе птицы неистребимый, незатухающий инстинкт – веру, что она будет жива при любых условиях, и всё, что нужно для ее питания, она найдет.

Птица может долго пребывать в воздухе, преодолевать огромные воздушные пространства, подолгу недоедать и голодать, но никогда не лишается уверенности, что всегда найдет то, что нужно ей, чтобы жить и летать. Богатство внутренней жизни птицы состоит преимущественно в абсолютной уверенности, что как она жива сегодня, так будет живой и завтра, и нечего заранее заботиться и волноваться о завтрашнем дне. И эта уверенность уже сама по себе питает, укрепляет птиц, являясь источником их жизненной силы.

Птица может жить и действительно живет в самых тяжелых условиях, например, на севере зимой при сильных морозах и заснеженной земле. Приходится удивляться, как выживают в такие продолжительные и суровые зимы воробьи, вороны и другие зимующие птицы. Подлинно сам неистощимый жизненный инстинкт, сама органическая вера, Сам Творец питает их.

Указывая на птиц, Христос побуждает нас к надежде, что Отец Небесный не оставит нас, не лишит Своей помощи, как не лишает птиц, лишь бы и у нас была глубокая, живая, органическая, действенная вера в Бога и в Его помощь.

По вере вашей да будет вам (Мф.9:29). Все возможно верующему (Мк.9:23), – часто говорил Христос окружающим Его.

Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это приложится вам (Мф.6:33), – сказано в евангельском чтении.

Как Святые Отцы объясняют текст евангельский о птицах? «Сказал Спаситель, – говорит св. И. Златоуст, – смотрите, птицы питаются без заботы. А это и нам легко исполнить. Наши

заботы не могут прибавить роста хотя бы “локоть один” или продлить нашу жизнь хотя бы на один час». Поэтому и неразумно излишне заботиться о жизни своей.

«Всю жизнь мою, – говорит прп. Ефрем Сирин, – жал, шил и плел я, но при всем том, если бы рука Божия не питала меня, не мог бы я прокормиться».

Братья и сестры! Если птицы учат нас вере в Бога и Его попечительный промысл о нас, то, может быть, вы спросите, чему же нас учат полевые цветы?!

О них Христос говорит, что они *не трудятся и не прядут*, но однако одеваются в такую красивую, изысканную одежду, в какую не одевался и сам царь Соломон, при всей мудрости в государственных делах его и вычурной красоте и блеске в царственной одежде его.

Соломона одевало искусство людей: ткачей, красителей и портных, но кто одевает так изощренно, так неподражаемо полевые цветы, кто их ткач и художник?

Христос отвечает: *Господь одевает их* (см. [Мф.6:30](#)), заложив в их природу дивную гармонию и нежную, лучезарную красоту. Ничего они сами для себя не создали, а всё получили от Творца и Промыслителя. Не потому ли так неприхотливы, так кротки и скромны, так благодарны создателю цветы, что произрастают всюду, даже в самых тяжелых условиях. Где их только не встретишь: в горах и в расщелинах скал, в долинах и лесах, в полях и лугах, в парках городов и на приусадебных участках в поселках. Отовсюду они приветливо кивают нам своими головками, ласкают взор нежными, чистыми красками, благоухают ароматами-фимиамами.

И кажется, не найдешь на земле человека, равнодушного к красоте этих Божиих кротких, лучистых и благоухающих созданий. Все, вероятно, согласны, что цветы – символ радости, счастья, красоты жизни. Мир и люди были бы сумрачнее, холоднее, бездушнее и скучнее, если бы не было цветов на земле. Украшая землю, они облагораживают ее. Чаруя взор человека, они смягчают, умиротворяют его. Вот почему так часто люди прибегают к цветам. Их преподносят гостям, дарят новобрачным, приветствуют в день рождения и именин. Ими

смягчают скорбь утраты и тяжесть разлуки с умершим, изобильно посыпая ими «домовину» (гроб) почивших.

Цветы, братья и сестры, кратковременны, скоротечны: быстро (на глазах) вырастают, отцветают и увядают. Но и тут особая мудрость в устройстве и развитии растительного мира помогает делу: не успеют поблекнуть цветы одной разновидности, как их уже сменяют цветы другой. Весенние цветы сменяются летними, летние – осенними и таким образом земля и человек весь весенне-летне-осенний (вегетационный) период не остаются без милых и нежных, кротких и чистых спутников жизни.

Цветы – вестники горнего мира. Своей целомудренной чистотой, красотой и скромностью своего наряда, фимиамом своих благоуханий они живо напоминают нам нездешнюю красоту и сияние небесного, высшего мира. Всякий цветок – девственно сияющая улыбка неба загрязненной и грешной земле³²⁰.

Чему же, братья и сестры, учат нас цветы земные и о чем напоминают нам?!

Прежде всего они, как и птицы небесные, напоминают нам о вере в Бога и надежде на Его всеблагую помощь.

На это и указывает Христос, когда приводит их (птиц и цветы) как пример попечительной заботы о них Отца Небесного и когда, с другой стороны, упрекает нас, людей, в маловерии. *Аще же сено сельное... Бог одевает, не много ли паче вас, маловеры (Мф.6:30)*, – говорит Он в Евангелии, то есть говорит и нам.

Будем же, братья и сестры, возгревать в себе веру в промыслительную о нас заботу Господа, в Его Любовь к нам и готовность по вере нашей дать нам всё потребное для жизни.

Скоропреходящие цветы напоминают нам о скоротечности, неустойчивости и нашей собственной жизни. Но, однако, при всей краткости жизни цветы успевают отдать всё, что имеют: и нежную красоту, и кротость, и благоухание своих кадила. Отдав всё это, выполнив свое назначение, они отцветают, увядают и засыхают.

Это ли не образец того, как надо жить и умирать человеку, как ему следует не зарывать в землю таланты, а полностью отдать Богу и людям весь запас своих духовных сил, все богатства сердца, все красоты своей человеческой души.

Цветы такие напоминают нам и об этом. Что лучший, достойнейший цветок на земле есть сам человек, как венец мироздания, как образ Божий, призванный украшать собою землю и благоустраивать ее (см. Быт.1:28–29).

Но во что мы превращаем этот образ? Украшаем ли мы собою землю? Выполняем ли волю Божию о своем высоком назначении на земле?!

Устыдимся, братья и сестры, своего жалкого и недостойного существования и восскорбим об этом. Мы попираем высокое достоинство человека, пренебрегаем попечительной заботой о нас Господа, а потому и не получаем от Него благодатной помощи.

Мы забываем, что, даровав нам высочайшее благо – свободу воли, – Господь не спасает нас без нас, без решимости и усилий нашего разума и воли, без живой и действенной веры в Бога и Его благое попечение. Кого винить, кого упрекать, когда мы сами же облекли себя бедам и напастям: недоверию Богу и людям, унынию и ропоту, злобе и вражде. Отсюда внутри нас и произрастают не цветы добра и красоты, а цветы зла и вражды, не цветы мира и единения, а цветы раздора и разъединения.

Боже, пощади и помилуй заблудшее создание Свое! Не наказывай нас, не вметай в огонь как сено, как сорняки, прежде нашего покаяния! Будь долготерпелив и милосерд к нам, Господи!

Священнику следует обратить внимание на то, чтобы во время поучения не потерять контакта с прихожанами, говорить от опыта и не затягивать проповедь.

Глава III Священнослужение

В Православной Церкви богослужение совершается только священниками. Такой порядок установил Сам Иисус Христос, который даровал все полномочия и благодать священнодействия Апостолам, а через них их преемникам, пастырям Церкви Христовой. По уставу Церкви богослужение на приходе должно совершаться ежедневно. Пастырю не нужно смущаться малым количеством прихожан и даже совершенным их отсутствием на богослужении, это не должно быть поводом для прекращения ежедневного богослужения. Опыт показывает, что неопустительное совершение общественного богослужения, как правило, возбуждает в прихожанах усердие к посещению храма Божиего.

Пастырь имеет право совершать богослужение общественное или частное только после того, как он облачится в священные одежды, главной из которых для него является епитрахиль. С того момента как иерей надел епитрахиль, он начинает священнодействовать. Когда на нем еще нет епитрахили, он может рассуждать на любые темы, хотя оставаясь священником всё равно, но он не произносит sacramентальных возгласов. Одно время мы были дружны с батюшкой литовцем, ксендзом. Очень милый человек отец Михаил Тарвидис.

Он говорил: «Вот я иду в храм, Мишенька кончается, начинается отец Михаил». Таким образом, он переступает порог храма и меняется, становится отцом Михаилом. А у меня другая мысль: священник должен быть в любом месте священником, независимо от того в храме он или не в храме, священник должен помнить о своем сане везде и всегда: и когда надевает епитрахиль, и до этого он тоже священник.

Епитрахиль – это самая главная принадлежность, без которой священник не может ничего совершить: ни Таинства, ни обряда, только помолиться как мирянин со всеми общей молитвой. Когда он надевает епитрахиль, то уже готовится к совершению службы, произнесению возгласов: «Благословен

Бог наш», «Благословенно Царство». Надел – значит, уже вступил в свои обязанности, именно священнические обязанности.

Священнодействует пастырь всегда по уставу Церкви. На вечернюю службу он облачается только в епитрахиль, поручи и фелонь. Полностью облачается обычно только на Божественную литургию, а также в редких случаях, например, когда выносятся Плащаница, на праздник Воздвижения Животворящего Креста.

Что касается уставного порядка, то Церковь идет навстречу нашим немощам и современным условиям жизни. Люди проводят на работе целый день, усталые приходят в храм, и если им дать всенощную на всю ночь, как раньше бывало, то кто сможет выдержать? Всенощная на всю ночь для мирян-прихожан не годится. Кто хочет, может пойти на Афонское подворье или в монастырь и там молиться всю ночь, но на приходе служба разумно сокращается. Конечно, нельзя доходить до абсурда, когда за 15 минут, поспешно, кое-как совершают Таинство Крещения. Однако отрезок времени для службы должен быть ограниченным, нужно пойти навстречу усталости человеческой. В монастырях монахи сидят и читают все кафизмы целиком. Если в храме читать всё, человек сядет и будет спать, толку никакого. Значит, надо сократить и сделать службу компактной, в порядке разумного построения, например, по субботам две *Славы* читаются, записки в двенадцатые праздники читаются в алтаре, чтобы прихожане почувствовали торжество дня. Иначе в великий праздник люди не получают радости. Пастырю не следует забывать, что из мира люди приходят усталые, надо дать им возможность помолиться, идти им навстречу, ведь это приход, а не монастырское подворье.

Самой важной частью общественного богослужения является Божественная литургия, на которой совершается Таинство Евхаристии. Пастырь должен стремиться к частому совершению Литургии, ведь она – источник благодати Божией как для самого священника, так и для пасомых. При частом служении Божественной литургии пастырь может всё более проникать и углубляться в службу, однако может возникнуть привыкание к святыне. Это вещь плохая и опасная. Привыкание

приходит от холодного, равнодушного отношения: «Я уже всё знаю». Необходимо, чтобы была новизна всегда, тем более по отношению к святыне. Тут надо не только над собой усилие делать, но и молитву творить, просить у Господа о том, чтобы обновил ум, обновил сердце. Привыкание – это потеря благоговения. Надо стараться всегда чувствовать что-то новое. Вот ты пришел в тот же алтарь, видишь те же предметы, вспомни, как в первый раз ты пришел: под впечатлением, с чувством благоговения. Ты испытал совершенный страх, трепет невероятный, а его надо бы сохранять всегда, в течение всей своей жизни. Нужно заставить себя поразмыслить: «Куда я иду? Я иду в самое святое место на земле. Место, которое по праву принадлежит Царю Славы Господу Иисусу Христу. Здесь Его Престол. Здесь Он восседает. Христос здесь. Его глазами не увидишь, но Он здесь». Размышления помогут преодолеть это привыкание. Когда человек перестает рассуждать, у него слабеет ум, тускнеет всё, впечатления смазываются и постепенно возникает равнодушие ко всему, привычка. Этого надо избегать и бояться. Это всё на внутренней жизни отражается. Если священник пребывает в непрестанной молитве, то она помогает ему избежать привыкания, поскольку это внутреннее общение с Богом, а Бог непривыкаем. С чем это можно сравнить в искусстве, например? Разве можно сказать, что музыкант привыкает к звукам инструмента, на котором творит что-то? Он тысячу раз слышал, как звучит инструмент, но в момент творчества эти звуки становятся совершенно другими. Это нечто новое для него, хотя тот же инструмент, те же звуки. Постоянное внутреннее обновление может дать Бог, поэтому пребывание в молитве помогает избавиться от привыкания, от будничного, серого чувства. Боже сохрани! Надо бояться привыкать к святыне, иначе можно потерять благоговение. Там, где нет благоговения к святыне, появляется небрежность.

О небрежении же сказано: *Проклят, кто дело Господне делает небрежно (Иер.48:10).*

В дневнике известного московского пастыря протоиерея Василия Серебренникова есть такая запись: «Если Бог откроет священнику (при его стремлении к этому) глубину

непостижимого до конца Искупления и Воскресения, тогда углубляется и служба, и молитва, и исправление жизни – смирение и любовь к Богу»³²¹.

Глава IV Духовное руководство

Сострадательная любовь пастыря

Пастырь – не карающий, строгий судья, один вид которого отпугивает грешника. Пастырь должен всегда сострадать человеку в его грехе, с особенной любовью подходить к нему, какой бы тяжкий грех он ни совершил. Человек исповедуется в тяжком грехе, ему бывает очень трудно произнести слова покаяния, но он говорит об этом грехе. Священник не должен его отпугивать ничем: ни сковородками, ни что в аду будет гореть. Пастырь должен быть всегда исполнен любви, сострадательной любви ко грешнику. Он должен ему всегда сочувствовать. Как будто священник сам вместе с ним. Надо быть солидарным с грешником. Пастырь должен с пониманием относиться к тому, что если бы человек знал, что с его душой происходит, то он бы, наверное, этого не сделал, однако он был слеп духовно, не видел греха, и пастырь его жалеет, сострадает ему. Случается, что священник осуждает, а это недопустимо. Святой Исаак Сирин указывает: «Люби грешников, но ненавидь дела их»³²². Грех – болезнь, поэтому священник относится к человеку очень бережно. Он даже допускает его до Причастия, зная, что Господь принимает всех с любовью. Надо сказать человеку: «Помни, что любовь Божия безмерна, и нет такого греха, который мог бы победить Божие милосердие». Самое главное, чтобы грешник не впал в отчаяние. Пастырь может такую строгость напустить, что человек подумает: «Меня не прощают, и Бог меня не простит. Теперь я погиб. Больше не буду ходить. Я безнадежен». Священник обязан вселить надежду на исправление, на то, что человек станет хорошим. Через сострадательную любовь пастыря человек может как-то освободиться от своих недостатков. Это главнейший момент в душепопечении. Не всякий пастырь, к сожалению, имеет этот дар. Довольно часто формальное или формально-строгое отношение к грешнику: «То, что ты сделал, – это ужас, это кошмар, ты погиб». Такая позиция пастыря отпугивает человека. Чего добился священник: ушел человек неутешенным. Должна

быть надежда всегда, что согрешивший человек обязательно исправится, обязательно изменится, потому что Господь сам имел дело с грешниками. Исцеляя болезни телесные, Господь всегда врачевал душу человека. *Вера твоя спасла тебя* (Лк.17:19), – говорил Он. Надо сказать человеку: «Вот, ты любишь Господа, и верь, что Он всегда простит тебя. Своей любовью покроет твои грехи. Так и ты относись: Господь любовью покрывает тебя». Сколько тепла в сердце можно дать человеку! Какой бы тяжелый грех он ни совершил, уходить он должен с надеждой. Такова задача пастыря. Пастырь девяносто девять овец оставляет, а идет искать одну заблудшую. В таких случаях что бывает обычно? Человек подходит к Исповеди, народу много. Как быть? «Подождите, – говоришь, – когда кончу, подойдете ко мне еще раз». Пастырю обязательно нужно найти время для него. Если после Исповеди люди уходят неутешенными – в этом виноват священник. Он не должен отмахиваться от грешника. Священнику всегда надо просить Бога, чтобы Он вразумил его, чтобы никогда ни от кого не отмахнуться. Иногда два-три слова можно сказать, чтобы утешить человека, окрылить его надеждой, а можно так сухо сказать, что человек уйдет в скорби. Какая ответственность! Какое покаяние должно быть у пастыря, если кто-то отшатнулся по его вине! Чтобы этого не случилось, пастырь должен обладать даром любви. Священнику надо обратить внимание кающегося на положительные качества его души, на то, что он хотел быть хорошим, но не справился с собой. Страсти, которые находятся в нем, победили его, и он стал им служить. Сделать так, чтобы человек понял, что он может исправиться, чтобы почувствовал поступательное движение вперед, а не уходил в отчаянии. Священник должен открыть ему путь к Богу, он должен стать путеводителем. Пастырь также свидетель. Он только свидетель, а не судья. В молитве перед Исповедью говорится: «Не усрамяся, ниже убойся и да не скроеши что от мене...Аз точию свидетель есмь, да свидетельствую вся, елико речеши мне». Священнику необходимо всегда помнить, как Господь, по словам праведного Иоанна Кронштадтского, «долготерпеливо исправлял его самого и продолжает

исправлять всю жизнь, чтобы без меры не раздражаться на согрешающих и не наказывать их беспощадно, а с кротостью и любовью»³²³.

Пастырь должен с любовью подходить ко всякому человеку. Так, епископ Антоний как отличительную черту пастыря отмечал сострадательную любовь к пастве, обуславливающую собой «способность переживать в себе скорбь борьбы и радость о нравственном совершенствовании своих пасомых, способность чревоболеть о них»³²⁴.

О различных подходах на Исповеди

На Исповедь приходят разные люди. Священник, как правило, постоянных прихожан знает, ему известен их духовный уровень. Это одна группа людей. Часто из мира приходят совершенно незнакомые люди. Сегодня одни, завтра другие. Этой группе людей полезна общая Исповедь, вступительное слово. Затем они будут подходить к священнику со своими грехами. Он их не знает, и что они будут говорить, тоже не знает. Это новые люди. Отец Николай Голубцов, известный и любимый многими пастырь, практиковал краткие и доходчивые беседы, предваряющие Исповедь. Еще одна группа – дети: от семи до девятнадцати лет. Они обычно приходят в воскресный день. Их можно как-то отделить, вперед пустить.

С ними не надо изъясняться общими фразами, которые мало что дадут, но им обязательно нужно сказать что-то лично: приятное, ласковое, – чтобы они почувствовали в священнике любящего отца. Мужчины и женщины на Исповеди ведут себя по-разному, поэтому и подход к ним различный. Мужчина на Исповеди более краток и сдержан, как правило, немногословен. Он больше сути касается. Говорит определенные вещи, например: «Я пью, плохими словами ругаюсь». Мужчина более жесток в отношении к себе. Он примерно знает, в чем каяться. Обычно двумя-тремя словами можно направить. Женщины больше вокруг да около, пространно рассказывают об обстоятельствах, до сути мало добираются. Их надо тоже уметь слушать. Если что-то лишнее, то можно остановить. Умело, разумно, не обижая, можно указать на то, что ты сейчас уже ушла в дебри, сейчас говоришь не о том, не по делу. Сказать:

«Давай каяться, давай себя осудим за что-то». Вот так, поправляя, достичь результата.

Бывают очень сложные люди, говорят всё не по существу. Их надо просто слушать, иногда приходится длинные-длинные вещи выслушивать. Это всегда тягостно, очень утомительно, потому что священник знает: от его слова толку мало, послушания здесь нет и в помине. Как же тогда помочь такому человеку? Только молитвой и ласковым словом, сочувствием. Не надо ругать и укорять. Бывает, что человек не имеет навыка элементарного смирения, видимо, природа у него такая, он хочет только говорить, говорить и говорить. Ну, и слава Богу. Приходит и то хорошо. Потом что же? Накладывать епитрахиль, потому что известно, всё равно не послушаются.

Священник, мне кажется, не должен отказывать в Причастии, за исключением случаев, когда явно несовместимые вещи в семейной жизни. Надо сказать: «Подождите, приходите в следующий раз. Подумайте». Случается, когда нужно задержать, но епитимью накладывать надо очень осторожно. Ведь это не наказание, как на горох поставить, а скорее духовное упражнение, послушание, труд духовный.

К священнику может обратиться известный государственный муж, высокая персона, пастырю в нем необходимо увидеть просто человека. Господь нелицеприятен, и священнику не надо выделять никого ради своей выгоды. Не следует лебезить перед ним, но и нарочито загонять его не надо. Можно предложить встать на левом клиросе, не говорить: «Иди, мол, в народ. Стой там в толпе». Но в то же время отнести к нему как к любому другому, без специальной лести. Если нужно, то побеседовать с ним так же, как с обыкновенным прихожанином.

Пастырская забота о новокрещеных

Люди по-разному приходят к вере: путем размышлений, благодаря встречам с людьми, или, например, после чтения Евангелия, когда вдруг встречаются со Христом непосредственно (это опыт митрополита Антония Сурожского).

Но обычно бывает так, что человек приходит к сознанию, что не может быть пустоты за гробом, возникает вера в будущую жизнь. Иногда на этом останавливаются. Есть так называемые

деисты; их много среди ученых; они признают существование высшего разума, но на этом всё кончается. Да, где-то есть Бог; Он создал мир, но теперь Он не имеет к нему совершенно никакого отношения. Если же человек задумывается дальше, то следующий шаг – желание вступить в какие-то отношения с Богом. Тут возникает вопрос о выборе веры, религии.

Человек думает, изучает, смотрит: есть ислам, иудаизм, буддизм, разные конфессии в христианстве; дальше наступает момент выбора. И если он, читая Библию, потом Евангелие, узнает о Христе и останавливается на христианстве – как князь Владимир из всех вер выбрал наиболее близкую его сердцу, наиболее отвечающую его мечтам, – то встает вопрос: раз я избрал христианство, и избрал его не абстрактно, а чтобы стать христианином, то хочу приобщиться ко Христу, стать Ему ближе. Человек может, прочитав Евангелие, душой потянуться ко Господу, захотеть стать членом единого богочеловеческого организма, которым является Церковь.

К вере приходят независимо от священника. Ведь неверующий не пойдет к священнику, чтобы спорить, доказывать свое неверие, а тот будет доказывать свою веру; это полная бессмыслица. Когда у человека нет веры, с ним нельзя говорить о духовном, это бесполезно, и уровень будет совсем низкий. Так, у отца Андрея Кураева есть сравнение – это все равно, что со слепым говорить об особенностях живописи Рембрандта. С уверовавшим человеком уже возможен диалог, возможно общение со священником.

На пути приобщения человека ко Христу священник может помочь. У владыки Антония (Блюма) есть очень хороший образ: как дикая ветвь прививается к стволу; садовник идет и видит росточек, отсекает его... он уже начинает умирать. Но садовник подходит к большому дереву, взрезает кору и прикладывает этот росточек к стволу; росточек прививается к дереву, вырастает, и жизнь загорается в нем во всей полноте. Росточек – это образ человека, он не просто ожил, а стал именно до конца живым, приобщившись к источнику жизни, к стволу, который есть образ Христа. Таинство Крещения – это как бы привитие дикой веточки к единому стволу, ко Христу. Вот почему, когда

человек хочет приобщиться ко Христу, священник ему говорит: если ты хочешь быть ближе ко Христу, единственный путь – принятие Крещения. А дальше, после Крещения, начинается уже жизнь во Христе, в Церкви. И новокрещеный спрашивает: что мне нужно дальше делать? Господь отвечает ему: соблюди Мою волю, мои заповеди; а заповеди – о любви.

Сейчас люди часто приходят к желанию креститься по каким-то, с нашей точки зрения, нелепым соображениям, нелепым даже путем, и тут принцип такой: в Крещении человеку никогда нельзя отказывать, потому что надо верить в силу Таинства, так как здесь уже вступает Господь.

Конечно, бывает так, что человек крестится, а потом всё это забывается, остается только форма, документ – крестился, и больше ничего. Случается, что никакой церковной жизни потом не возникает, люди крещеные разуверяются в религии, разочаровываются, но это уже дальнейший путь человека.

В древности людей ко Крещению готовили, испытывали их веру; сейчас, к сожалению, так далеко не везде, хотя на каких-то приходах допускают ко Крещению людей не сразу, а с минимальной подготовкой, но в основном не отказывают никому из приходящих. В наше время не надо отказывать человеку в Крещении, если у него есть хоть какое-то желание, хоть какое-то движение к Богу. Но всегда нужно предупреждать, что Крещение не сделает семейную жизнь счастливой, что это не панацея от зла и не гарантия того, что человек не будет болеть, это не магический способ избавиться от жизненных испытаний, от искушений.

Нужно предостеречь человека от такого взгляда на Таинство. Чисто магический подход к Церкви сейчас очень распространен, его признак – человек хочет получить какую-то выгоду от Таинства. Например, крестить ребенка, чтобы он не болел; венчаться, чтобы не развалилась семья; совершить паломничество, чтобы избавиться от пьянства и т. д. Это очень важный вопрос. Человеку нужно сказать правду: «Ты будешь терпеть всё, как любые другие люди». Может быть, некоторые разочаруются, скажут: я думал одно, а вышло другое. Надо обратить внимание на то, что Крещение – это начало жизни в

Боге, что, крестившись, он становится другом Божиим; если хочет подружиться с Богом, то путь к этому есть – только и всего. Но человек всегда свободен, и друзья всегда свободны, это отношения свободы. Человек остается свободным нравственно и духовно. Господь не деспот, который стремится подчинить его своей воле – нет! Человек свободен исполнять волю Божию и верить в Его любовь. Надо, чтобы человек знал, что Господь любит нас.

Человек сам вступает в отношения со Христом, и это самое главное. Священник видит, что человек идет ко Христу, он уверовал в Бога, познакомился с Евангелием, выбрал христианство, потому что почувствовал сердцем свою близость ко Христу и хочет сродниться с Ним. Через Таинство Крещения человек вступает в ту область, где хозяин Христос. Церковь есть мистический духовный организм, Тело Христово, то, что Христос оставил на земле, где Он пребывает.

Вот таким образом надо действовать священнику, если он встретился с желающим креститься. Отказывать не надо, но предупредить необходимо. Уж какотреагирует человек, это его дело, его свобода; он может повернуться и уйти, а может остаться и принять Крещение.

Начинается жизнь в Церкви. Новокрещеного надо на первых порах поддерживать. Обязательно сказать: приходи еще, начни читать Евангелие, молиться. Обращайся к Богу своими словами и испытай, что ты будешь чувствовать.

Священник должен сразу указать на то, что главное – любовь ко Христу, в этом суть. Всё, что человек видит в Церкви: богослужение, предписания о посте, о молитве, об участии в Таинствах – это ведь не основное. Это никак не цель, а только средство к тому, чтобы достигать Царства Божия. Всегда надо оставлять место свободе: если человек надеется на Бога, если он будет жить по заповедям и если Господь соблаговолит по милости своей, то Он поможет человеку.

Человек спасается милостью Божией, а не своими заслугами. Новокрещеный не должен думать, что если он будет делать что-то определенное, то он обязательно спасется – вот от этого избавиться надо. Так фарисей думал – что это его

право; а никакого права нет. Царство Божие – не Царство прав, а Царство милости и любви. Только по любви и милости Божией человек может спастись, веруя, что Господь нас любит и захочет нас спасти; этой верой мы и живем.

Основная мысль, которую священник должен привить новокрещеному, – это любовь ко Христу. Исходя из любви ко Христу, человек старается соблюдать заповеди, как Он сказал: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня (Ин.14:21)*; главная заповедь – о любви: *Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас (Ин.15:12)*. Человек учится любви к Богу, которая проявляется в первую очередь в любви к ближнему; чтобы через каждого человека и в каждом человеке видеть образ Божий. Священник ведет человека по этому пути, помогает ему взрастить эту любовь. Ведь священник – путеводитель ко Христу. Надо остерегаться того, чтобы сделать из пасомого такого вымуштрованного солдата, который исполняет все правила, а Христа оставляет где-то за бортом и считает, что эти правила – и есть всё христианство. Ничего подобного; главное в христианстве – это не свод правил и предписаний; христианство – это прежде всего любовь ко Христу.

Деятельность священника по отношению к пасомому должна быть построена именно на любви к Богу. Мало сказать: читай Евангелие, посещай службу; важно, ради чего это всё делается. Ведь всё это только для того, чтобы в сердце возгреть, взрастить любовь ко Христу. Священник должен не только привести ко Христу, но возвращать в человеке эту любовь Духом Святым. Так священник выполняет свое пастырское назначение. Он смотрит, как действует Святой Дух на человека, сам стараясь быть в стороне. От него требуется только помогать, расчищать путь – и всё. Никакого насилия, никакого принуждения, просто направить, вовремя подсказать. Может, даже что-то и со строгостью сказать: желательно, чтобы ты так делал, но имей в виду, что ты свободен. Христос сказал: *...если кто хочет идти за Мною... (Лк.9:23)*; так что, если ты хочешь, вот так ты должен поступать. Во всех случаях

священнику важно научиться не лишать пасомого свободы воли.

Вводить в Церковь надо потихонечку; питать жиденьким молочком, понемножечку, как ребеночка малого, а не твердой пищей сразу кормить. Надо, чтобы человек радовался о самом крещении, о том, что он стал другом Христа Спасителя, другом Божиим; вот что надо подчеркивать. «Ты начни с небольшого; вот, давай начнем молиться; попробуй, помолись; потом приходи, расскажи, чувствуешь ли ты что-нибудь... Почитай Евангелие; может быть, тебе еще захочется спросить; вот с чего начинай. Ходи понемножечку в храм, хотя бы раз в две недели или в неделю, когда сможешь. Немножко постой, послушай; как ты себя будешь чувствовать?»

Случается, что человек только приходит в Церковь и начинает читать Иоанна Лествичника или «Добротолубие», вместо того чтобы взять самые простые книги. А ведь чтение-то рекомендовать надо тоже не всё.

Не стоит принуждать его к соблюдению устава. Если священник сразу начинает: вот тебе правило – постись, то, другое, устав соблюдай – в этом кроется очень большая опасность. Осторожность должна быть, чуткость и внимание. Часто бывает так, что люди крестятся, а потом из-за необходимости соблюдать устав боятся войти в Церковь, между ними и Церковью стоит пост, долгие службы. Отбивать поклоны, вычитывать какие-то невероятно длинные правила – всё это совершенно чуждо их опыту. Сразу налегать на полное правило вовсе не нужно. Прежде всего надо выучить «Символ веры», это основа основ, чтобы знать, во что мы веруем. И еще хотя бы одну-две молитовки знать: «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся». Спросить: принимаешь ты это? – да, принимаю; вот и всё, и достаточно, и хватит с тебя. Своими словами обращай к Богу на первых порах, а потом постепенно будешь входить в Церковь и читать молитвы, написанные уже людьми святыми. Надо объяснять, что это их великий опыт, нами недостижимый; но кое-что мы можем принять; и задача наша – сделать их молитвы нашими молитвами, чтобы мы сами уже могли молиться их словами. Сделать эти слова своими – это

постепенный, очень долгий путь. Человека надо поддерживать сначала как младенца, который только начинает ходить.

Так же и с постом. Священник должен сказать: не надо, сейчас не постись, если ты пришел к вере недавно. Пост – это только средство, это поможет тебе в будущем овладеть собой, своими страстями, поможет бороться со грехом. Не надо заставлять поститься новокрещеного, а то он действительно может сорваться на этом; это ни к чему, это принесет ему большой вред и может отвлечь от Церкви. Надо подчеркивать, чтобы бесполезной диеты не было, пост имеет духовное значение. И предостерегать от крайностей: всякие крайности вредны, особенно на первых порах. Пост надо отложить до более позднего времени созревания в Церкви. Так что насчет поста – это неверно, когда начинают сразу. Я имею в виду новокрещеного, а не уже живущего в Церкви человека, тут другой разговор. Но если говорить о посте, то опять-таки у каждого свое: состояние здоровья и много других факторов. Священник может сделать большую ошибку: такое слишком суровое водительство или, наоборот, недосмотр.

Новокрещеному очень важно выбрать священника для духовного руководства. Здесь совет такой: хочешь иметь себе наставника – это доброе дело, доброе желание, но не сразу, не думай, что тебе нужно идти к первому попавшемуся священнику. Для этого нужно молиться, искать; к одному пойти, к другому, к третьему. Путь обретения духовника бывает очень долгим. Нужно найти такого священника, которому захочется душу открыть, который тебя примет приветливо, сердечно, с любовью, выслушает, и ты почувствуешь желание иметь общение с ним. Это не сразу бывает. Надо выбирать себе духовника по сердцу, а дальше, как будет складываться духовное водительство, зависит от пастыря, от его опыта и мудрости.

В руководстве духовника самое главное – направить ко Христу. Всё внимание человека устремить на любовь ко Господу. Духовнику нужно постараться убедить человека в том, чтобы он каждый день хоть главу слова Божия читал, и объяснить, чтобы он понял почему. Человек может сказать: «Я

знаю Евангелие на память». Ничего подобного. Евангелие – священная книга, благодатная, с ее страниц с нами говорит Сам Христос. Это как бы письмо Христово, адресованное каждому из нас. Читая Евангелие, мы встречаемся духовно с Самим Христом Спасителем.

Протоиерей Василий Серебренников говорил: «Святое Евангелие – это не просто рассказ, это книга, по которой нас будет судить Господь. Евангельское слово должно попадать в самое сердце»³²⁵.

Как человек может полюбить Христа, как с Ним встретиться? Вот тут духовник может посоветовать – не то, чтобы предписать, но сказать: попробуй молиться, таким-то образом молись; попробуй каждый день читать Евангелие... Это тебя направит ко Христу, зажжет в сердце огонек любви ко Господу. Вот так должен подходить духовник; не то что: «Я тебе приказываю – читай, делай, молись», нет! Но если ты пришел ко мне и хочешь получить что-то, вот, я тебе советую как добрый советчик; это не моя прихоть, это опыт многих людей, как можно полюбить Христа, встречаясь с Ним через чтение Евангелия, посещая богослужение, участвуя в Таинствах, в личной молитве – церковной, домашней; вот и все наши средства собственно, и вот на что направлено руководство духовника – на любовь ко Христу. Не надо мудрить, вдаваться в какие-то богословские истины, этого не требуется. Надо научиться в простоте сердца и непредвзятости любить Христа, *будьте как дети* (Мф.18:3). Священник не должен усложнять новонаначальному путь, чтобы он не подумал: «В какие дебри, Боже мой, надо входить, как это сложно всё, этому надо учиться специально, а я не могу того или другого». От духовника человек не должен уходить в таком состоянии. Пастырю необходимо внушить: нет в этом никаких сложностей. Если ты захочешь изучать философию, историю религий, это твое дело, изучай.

Но раз ты пришел сюда, в Церковь, то я как священник тебе говорю: «Учись любви ко Христу». Этому надо учиться; к этому надо стремиться и просить, выдавить это из себя нельзя, это можно испросить у Бога. «Господи, прости; дай мне любовь к Тебе, согрей мое сердце любовью к Тебе!» Вот, проси так у

Господа, проси неустанно, проси неотступно, и Он тебе даст, потому что Он Сам говорит: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят* (Мф.7:7, 8).

Если человек будет каждый день читать Евангелие (одну главу), медленно, не спеша, то почувствует в конце концов, что Христос говорит с ним. Встретившись с Ним, проникнешься любовью к Нему, а остальное всё уже приложится. Священнику не надо озадачивать, осложнять, запутывать новонаначальному путь к Богу, а, наоборот, расчищать, прояснять, чтобы человек видел цель – быть с Богом, жить во Христе. Никаких сверхзадач не ставить перед пасомым, никаких сверхподвигов. Сухари есть, хлебом и водой питаться – этого Господь не требует от нас. Ты живи, иди царским путем, «не мудрствуя лукаво». Вот на что должен направлять духовник, потому что он – путеводитель ко Христу. К такому духовнику пришедший человек будет тянуться сердцем.

Истинные духовники – всегда очень простые люди, доступные, любящие; преподобные Амвросий Оптинский, Серафим Саровский – вот духовники настоящие. В мое время были: протоиереи Николай Голубцов, Владимир Смирнов, Александр Ветелев, Василий Серебренников... к ним сердца людей тянулись.

Душепопечительство о людях с психологическими проблемами

К священнику часто приходят люди, которые всю жизнь были задавлены родителями, внешними обязанностями и обстоятельствами, они даже считают себя не вправе хотеть чего-то самостоятельно; это очень серьезная проблема. Такие люди приходят в Церковь и с трудом начинают освобождаться от этой зависимости, но к зрелым отношениям они еще должны прийти.

С подобным человеком необходим именно разговор; надо общаться с ним по-дружески. Он еще ничего не знает, только сердцем чувствует, что встретил Бога. Господь постучался в его сердце – это единственное, что совершилось. Перед ним только

открылось нечто новое. Это начало: «Господь зовет меня». Сейчас он еще ничего не знает: куда идти – направо, налево, сюда, туда; он еще не знает даже, чего захотеть. Ему можно порекомендовать определенные книги прочесть, но лучше направить к другому человеку, знающему путь. Это может быть просто верующий человек. Друг, который мог бы взять его под свое крыло, чтобы через беседы с ним направить на верный путь.

Беседа должна быть очень сердечная; чтобы новоначальный захотел открыть свою душу, рассказать, что с ним произошло, как Господь постучался. Друг его может поддержать: «Да, у меня так же бывало; или немножко по-другому; или было совсем иначе; ведь и я тоже не знал когда-то...» Может быть, с детства воспитывался в вере; но, может, было только внешнее, родители в храм водили; но почувствовал себя с Богом только в какой-то определенный момент. Обязательно должен быть человек, который поделится своим собственным опытом, обязательно должны быть содружество, помощь и поддержка.

Беседу можно вести в таком ключе: «Ведь Бог постучался в твое сердце, значит, у тебя уже есть вера какая-то, сознание, что наша земная жизнь временна, что мы готовимся к чему-то...» Надо развивать это отношение: «Помни, что это большое событие в твоей жизни, ты уверовал... что ты ощущаешь?» – и человек будет постепенно делиться; возникнет дружеский диалог без принуждения. Личная беседа, встреча очень важна; через встречу с другим человеком помочь адресоваться и к Богу: «Хочешь приближаться к Богу; хочешь вращаться в это, развиваться в этом направлении; хочешь становиться нам сестрой или братом?» Надо подвести человека к тому, чтобы у него возникло такое желание. Подобные беседы – одна, другая, третья – помогут человеку раскрыться навстречу Богу. Собеседником может быть хороший знакомый, которому он доверяет, которого любит чисто по-человечески и чувствует, что тот пришел к чему-то более серьезному. Он тянется к нему, потому что может от него получить какое-то указание, объяснение того, как действовать.

Новоначальный должен пройти какой-то путь, испытать себя, прочно ли он уверовал. Именно сам себя человек должен познать: «Господь постучался, но отзовусь ли я, открою ли Ему дверь своего сердца?» Вот для этого испытания нужно какое-то время, должны быть беседы с другом. Человек постепенно поймет, чего он хочет, к чему должен стремиться и как. Само решение надо предоставить его внутренней свободе. Он может еще больше раскрыться, внезапно и самым неожиданным образом – но это всё длительный творческий процесс.

Старший товарищ, более опытный и знающий, может подсказать что-то, дать литературу. Новоначальный постепенно придет к осознанию того, что он согласен с другом, и всё, что тот говорит, – это хорошо, правильно, но уже хочется чего-то большего, хочется приобщиться к Богу.

Тогда друг наконец может сказать: «Да, я тебе могу подсказать, как делать, но я ведь не священник, я просто говорю от своего опыта. Рекомендую тебе пойти к священнику, он может тебе сказать от Бога нечто, что я тебе не могу сказать, потому что он от Бога обладает особой благодатью апостольской власти». Обязательно надо объяснить, что такое Таинство Покаяния, Исповедь. Вот так, шаг за шагом ищущий человек поймет, что роль священника несколько другая, чем ему представлялась раньше. Священник – это человек, который полномочен от Бога, имеет апостольскую благодать, апостольскую власть от Бога вязать и решить грехи. В этом смысле священник стоит несколько выше обычного человека, он имеет духовное право путевождения к Богу.

Если он пойдет к священнику и будет такое путевождение, то задача пастыря уже смотреть, в каком он состоянии. Человек может быть на очень ранней стадии. Но главное, чтобы было доверие к священнику. Это первое условие. Иногда человек ищет какой-то команды, какого-то приказа: делай так-то или эдак. Но чаще – бережного, дружеского и очень внимательного отношения к своей душе. Он ищет именно такого священника, который может с сочувствием выслушать всё, до мельчайших подробностей, проследить вместе с ним весь его жизненный путь. И мягко может подсказать: «С этой дорожки не

сворачивай, но возьми немножко вправо». Священнику нужно уметь подсказать так чутко, чтобы человек мог увидеть любовь Божию к нему.

Человек может ходить к одному, потом к другому, третьему, четвертому священнику; и выберет себе такого, который действительно будет относиться с любовью и вниманием. Священник обязательно будет расспрашивать: «Как ты себя чувствуешь, что у тебя на душе, в каком состоянии сейчас, веруешь ли до конца? Или еще полу-веришь?»

И может сказать: «Я тебя не осуждаю за это, я тебе дам почитать такую-то книгу; а если хочешь – можешь опытно приобщиться к нашей молитве. Ты еще не молишься – ну хорошо, пока нет; но ты побудь в храме хотя немножко, посмотри, почувствуй благодатную атмосферу храма... Не стой всю службу, а хотя бы часть побудь». Если священник чуткий, то он всегда подскажет какие-то минимальные вещи; и человеку это будет приятно и радостно. Священник должен наблюдать за развитием души человека, который еще только встал на путь к Богу.

Однако бывает и так, что не находят духовника, хотя ищут долго. В каком-то состоянии человека это может быть еще рано; человек не осознал до конца и только находится во внутреннем поиске.

Но главное, чтобы человек именно хотел хотеть, потому что без хотения нет спасения; спасение зависит от нашего желания. А желание рождает решимость. Ведь когда он придет к духовнику, это уже серьезный шаг, значит, он уже захотел получить наставление, руководство к действию. Пусть какое-то начальное, примитивное, как в первом классе или нулевом, но он хочет начать какие-то действия, направленные к собственному возрастанию.

Путь к Богу очень непрост. Нужно только не оттолкнуть, не заградить, не заслонить. Случается, что человек идет к Богу, а потом видит, допустим, что христианин, а как-то не по вере живет. Чувствуется, что говорит одно, а живет по-другому, как фарисеи, которые говорили правильно, а действовали совершенно наоборот. Задача состоит в том, чтобы не было

заслона на пути, чтобы такому человеку никто не заграждал путь, а расчищал ему дорожку, помогал идти. Священнику нужно указать: сейчас спокойно иди туда сам, а здесь мы тебя поддержим. Должна быть проявлена любовь к человеку, и это то, чего не хватает у всех нас.

Вообще часто на духовном пути в наше время мало бывает проявлено любви к новонаначальному.

К сожалению, и формальность бывает, и сухость, всё то, из-за чего именно *хулится имя Божие у язычников* (см. Рим.2:24), как сказано у Апостола. Это страшно, когда люди отвращаются от веры из-за знакомства с христианами, которые ведут себя иначе, чем провозглашают. Но верить надо в Божий Промысл и молиться друг за друга. Священник всегда в молитвах поминает того, кто приходит к нему, потому что знает, что человеческие силы слабы. Пастырь должен очень ответственно относиться к тому, что скажет своему подопечному, чтобы не оттолкнуть его. Нужно исключительно бережное отношение, особое. Трудно бывает определить, действительно ли человек искренно что-то хочет, а не так, по настроению: нахлынуло, и он идет; а потом охлаждение. Священник должен обладать особой чуткостью, к тому же в каждом отдельном случае всё по-разному бывает. Это очень трудный путь.

Человек только что приходит к вере, он еще далек от Церкви, часто его интересуют более внешние вещи, какие-то, обрядовые моменты, и это совсем не порок. У меня лично так было. В детстве меня волновали предметы: кадило, облачения; нравился запах ладана, даже Причастие, к которому меня начали водить рано, сам цвет Причастия меня привлекал – то есть все атрибуты внешней церковной, обрядовой стороны. Мне было радостно видеть и воспринимать эту внешнюю сторону церковной жизни. В этом нет ничего страшного; от внешнего идут к внутреннему, это естественно и прекрасно. Человек как будто уверовал, пришел в храм, и его привлекают иконы, мерцание лампадок, красивые облачения, открытие Царских врат, торжественные моменты богослужения. Если он музыкален, он воспринимает хоровое пение – во всяком случае, внешняя сторона может его захватить. Потом он еще раз

захочет прийти в храм; и через внешнее постепенно обратиться к внутреннему; так что это вполне можно приветствовать. Но чтобы человек не застрял на внешнем, надо постепенно раскрывать смысл совершаемого, объяснять – если человек потянулся душой и интересуется, что это значит, как и почему это происходит – надо ему в простой форме отвечать на какие-то вопросы.

Случается и наоборот: человека отталкивает обрядовая сторона, и он спрашивает: «И что же, я всё это должен?» Но он абсолютно ничего не «должен». Это убийство – смерть любви, когда человек говорит: я должен любить, я по долгу делаю добро. Если любое доброе дело делать «по долгу», принуждая себя, то это не имеет никакой цены – ни для кого. Самое главное, чтобы всё было исключительно по любви. Люди молятся, кладут поклоны, но ты не «должен» это делать. Ты просто присматривайся, прислушивайся; попробуй – и сам испытаешь. Священнику нужно подвести человека к тому, чтобы он сам чувствовал, сам испытывал. Вот такое самоиспытание, а не то, что тебя принудили к чему-то, и ты должен поклоны отбивать, и так далее – нет! Ты сам смотри, куда тебя повлечет твоя душа. Как складываются отношения между людьми? Если любишь кого-то, обязательно захочешь к нему пойти, увидеть его, пожать ему руку, обнять, поцеловать. Это все внешние проявления внутреннего чувства. Мы здороваемся за руку, обнимаем человека – это внешнее действие и обряд. Если у человека сейчас нет желания встречаться, общаться – он ничего не «должен». Так же и по отношению к Богу: если появится желание, то человек захочет прийти в храм, почувствовать, что он к Богу идет. Надо рассказать человеку, что такое храм, объяснить, что это место присутствия Божия, место благодатное, вот почему люди идут туда, почему они посещают храм.

Окормление физически нездоровых и немощных прихожан

Священнику приходится иметь дело и с людьми нездоровыми, которые всё делают с натугой. Но если у них есть желание прийти в храм, надо объяснить, Господь и хотение принимает. Пусть они помолятся: «Господи, я хотел к Тебе

прийти, но я болен, к сожалению; у меня нет физических или душевных сил сейчас; прости меня... я скорблю, что я не могу...» Господь смотрит на сердце, Он примет в любом положении: *Сыне, дай Мне сердце твое* (Притч.23:26). Если у человека сердце исполнено любви к Богу, если он чувствует трепетное состояние любви, то вот это и хорошо, это и нужно. Оно само приходит; это не то, что человек должен выдавливать из себя какую-то любовь. Сам Господь дает: *просите, и дано будет вам* (Мф.7:7; Лк.11:9). Если человек почувствовал хоть одну секунду в жизни прикосновение благодати Божией в душе – это уже хорошо, и на всю жизнь запомнится. Вот это и надо держать в сердце. Жить тем, что это было. Сейчас, пока не можем приходить в храм, важно воспоминание, если оно есть. Господь не осудит такого человека, и обескураживать его не надо из-за этого.

Для немощных людей, особенно для тех, кто пришел к вере уже немолодым, обрядовая сторона бывает тяжела. В храме трудно стоять; много народа, душно, тяжело дышать; непонятно, что поет хор; не слышно возгласов священника. Надо всегда внушать ему: если в храм пришел – постой хоть несколько минут. Попробуй, посиди немножко, и ты почувствуешь: если тебе хорошо – и хорошо; если нет – уйди, не надо. Не думай, что в этом всё дело, что в этом вся сущность христианства. Твое сердце дай Господу, вот самое главное; а чтобы сердце дать Господу, попробуй молиться, молиться тебе нетрудно, просто обратись ко Господу своими словами, в уединении, и посмотри, что будет.

Здесь должна быть полная свобода волеизъявления по отношению к Богу. Если человек к этому уже внутренне направлен, тогда он скорее откроется Господу, а не оттолкнется. Это очень важно, не оттолкнуть своими какими-то указаниями. В таких случаях надо посоветовать: просто побудь немножко, посиди или постой в сторонке – и достаточно бывает человеку, поначалу особенно. Потом, если он захочет уже по своей воле, он может втянуться постепенно; захотелось ему приобщиться больше – он уже и подольше постоит. Какие-то слова священника до него дойдут, возгласы. Тогда нужно

объяснить ему, что к чему, напомнить это. Счастлив человек, который имеет рядом с собой друга, путеводителя, который может помочь. Самое главное – проявить любовь к человеку; тогда он скорее откроется и Богу, и людям. Всё основывается на любви; и только в этом суть.

Глава V Пастырь-духовник

Поиски духовника

Человек крестился, прошло немного времени, и он начинает искать себе духовного отца. Духовников сейчас ищут многие. В наше время едва ли не считается «приличным» иметь духовного отца. Это одна из проблем современной церковной жизни. В церковной практике случается, когда люди, недавно крестившиеся, просят священника быть им духовным отцом, но чаще просто ждут, не сложатся ли такие отношения постепенно, сами собой. Сам я говорю: если хотите – пожалуйста, приходите на Исповедь, тогда-то, по таким-то дням – больше ничего. Бывает, что человек какое-то время ходит, а потом может перестать, ему не нравится и всё, и ушел; или остался – это его воля. Если человек, который ходит на Исповедь к священнику, чувствует себя так, что может спрашивать совета; если священник к нему расположен сердцем, возникает какое-то чисто человеческое отношение, то он остается. Называет ли он себя духовным чадом или не называет – это уже другой вопрос, но он уже относится более серьезно к тому, что говорит ему пастырь.

Бывает, священник по головке не погладит, и человек от него отходит. А когда человек принимает какие-то более строгие или не совсем приятные вещи и всё равно остается – вот это уже о чем-то говорит. Значит, он в самом деле может расти на этом. Значит, он действительно может назвать священника, допустим... ну, хоть отцом... тут уж, как говорится, хоть горшком назови, только в печку не ставь.

Тогда могут сложиться духовные отношения; только без названия, без этикеток, без вывески, а не то, что священник говорит: «Я соглашаюсь быть вашим отцом». Ведь если священник соглашается, значит, закрепляет отношения на всю жизнь, во что бы то ни было. А нет, надо еще присмотреться – может быть, человеку не понравится; может быть, и священнику не понравится что-то. Вот так могут рождаться отношения духовничества. Совсем не просто, как вывеска на врачебном

кабинете: «Дантист такой-то. Рвет зубы без боли». Надо, чтобы была постепенность, а вопрос этот исключительно деликатный.

Духовнику хорошо общаться с тем, у кого есть навык послушания. Скажем, услышали от священника и отсеки свою волю. Надо делать так-то, хотя и трудно, нужно себя переломить. Такие случаи бывают, когда человек действительно учится переламамывать себя и делать по послушанию. Есть люди, которые стараются слушаться. Это ценно всегда. Человек должен иметь свою волю и всегда слушаться с рассуждением. Что значит слушаться? Послушание это не есть просто исполнение приказа, а мера доверия. Стараться вслушиваться в то, что говорит священник. Это не значит сразу исполнять. Может быть, и не сразу, но, во всяком случае, проявить доверие к духовнику. Если человек приходит на Исповедь регулярно, то пастырь чувствует, что этот человек его в каком-то смысле. Что священник скажет, то это будет ему ценно, небесплодно. Он может это воспринять. В таких случаях Господь говорит через священника.

Часто духовник приводит к себе, а не ко Христу, это ошибка. Люди идут к священнику как к личности, потому что он обаятельный человек. Священник должен очень четко, даже строго отсекал такие стремления, когда привязываются, «прилипают» к нему душевно. Женщины могут искать в духовнике того, чего у них нет, – допустим, нет семьи, мужа, и они ищут в духовнике такого человека, отношения с которым восполняют этот пробел. Именно из-за таких отношений потом обижаются на духовника, что он прошел мимо, заводят всякие нездоровые разговоры, начинают истерики закатывать: «Вы не обратили на меня внимания... вы мной пренебрегаете». Священник – это путеводитель только к Богу, ко Христу. Если этого не будет, то это, в общем, ложный путь, который может на прелесть навести, и душу завести не в ту сторону. Это очень тонкий вопрос, особенно в общении с женским полом. Бывает, что возникают нездоровые отношения, но это необязательно случается, это просто надо иметь в виду. Так что здесь нужны тонкость и деликатность, роль священника очень ответственна. Пастырю надо уметь чувствовать ту грань, когда его авторитет и

уважение прихожан к нему начинают перерастать в нечто другое, более похожее на поклонение, культ. Протоиерей Алексей Остапов писал: «Живой образ Христа должен быть для православного христианина всегда на первом месте, но священники, любящие свой культ, греховно затмевают собой этот спасительный образ. “Кликуши”, “мироносицы”, почитательницы “батюшки” бегают за ним, ходят в храм для него, видят только его, умиляются на него и т. д. Получается не богослужение и молитва, а своеобразный “спорт”.

И священник должен сам прекратить подобные увлечения части своих прихожан»³²⁶.

Пастырю необходимо строго следить за тем, чтобы сохранить здоровые отношения с прихожанами и не подавать повода к собственному возвеличиванию.

Взаимоотношения с духовным чадом

Духовник имеет дело с уверовавшим человеком, даже если он верит еще в малой степени, но это уже значит, что с ним можно говорить: «Я тебе могу указать, куда мы идем, куда мы стремимся, где счастье, где радость жизни. Я такой же человек, как ты, такой же грешник, хотя облечен саном, но я могу тебе помочь, потому что у меня есть какой-то опыт, знания; если ты хочешь, можешь этим воспользоваться». Нельзя ни малейшего намека дать на то, что человек пигмей какой-то, что духовник возвышается над ним: «Я вот выше тебя, а ты где-то еще там...» Должны быть отношения дружбы и равенства. Это очень значимый момент.

Если пасомый почувствовал, что духовник сострадательно относится к нему, знает про себя, что он сам такой же грешник и не осудит, не отвергнет, то человек скорее раскроется такому духовнику. Священник просто к чему-то уже пришел сейчас, хотя, может быть, каким-то другим путем, и он может поддержать, помочь; наконец, просто выслушать.

Человек исповедуется и долго рассказывает; а духовник, может быть, одно слово скажет и всё, и сразу даст разрешительную молитву. Просто молча выслушать, этого бывает достаточно. Человек выговорился; и в какой-то момент он почувствовал, что здесь присутствует Кто-то третий.

Люди, которые приходят сейчас в церковь на Исповедь, часто бывают душевно изломаны, иногда даже душевнобольны, например в депрессии. Для них особенно вначале важно, чтобы духовник был братом и другом, а не командиром. Задача священника: быть солидарным с таким человеком; показывать ему, что и у пастыря трудности есть, может быть, и большие душевные трудности, но священник старается делать так и так. Надо, чтобы духовник показал, что и он вместе с пасомым, чтобы тот почувствовал, что он такой же человек, как и он, просто облечен саном.

Не надо настраивать человека на «подвиги», ведь не в этом дело, не в подвигах. Господь нас спасает по Своей милости и любви, вот на это надо надеяться, а не на какие-то свои подвиги: «Я не буду есть чего-то...» Ничего подобного; это совершенно в данном случае не нужно; необходимо укрепляться в сознании, что Бог нас любит.

Окрыляться надо тем, что любовь Божия беспредельна. Человека это поддерживает. Пусть он старается так жить, чтобы не оскорбить Бога, Его любви. Это так же, как ты любишь человека и не хочешь его обидеть, сделать ему неприятное, оскорбить своим небрежным, грубым, неблагодарным отношением. Всегда надо воспитывать на благодарности ко Господу за жизнь, за то, что у тебя есть. Вот так духовник беседует, а не просто сухо перечисляет что-то. Всячески, особенно новопришедшего, нужно побуждать к любви, потому что главное – это поверить в Божию любовь и стараться отвечать на эту любовь тоже любовью, а не каким-то чисто формальным исполнением чего-то. Надо объяснять, что все заповеди строятся на любви к Богу и к человеку; что ближнего нельзя убивать, ближнего нельзя обкрадывать, ближнему нельзя говорить ложь, клеветать на него и так далее. Надо внушать: *возлюби Бога и ближнего, как самого себя* (см. Втор.6:4–5; Лев.19:18; Мк.12:30–31; Иак.2:8; Рим.13:9); *не желай другому того, что себе не желаешь* (Деян.15:20, 29); это так просто, казалось бы. Вот, на этом строить все отношения духовника с новоначальным. Не отпугивать его какими-то жесткими предписаниями, а то ведь можно отвратить человека от церкви

на долгое время. Или, наоборот: он сразу решится, сразу двинется; начнется такой спортивный интерес: вот, я буду делать то-то и то-то; буду голодать. Это очень плохая вещь; сорвется человек обязательно, ничего хорошего не выйдет. Сейчас ты не постись, ты просто по мере сил и возможностей молись, читай слово Божие, проникайся любовью ко Христу. На этом строй целеустремленность своей воли, на любви ко Христу; ты пришел не ко мне, а ко Господу пришел, ему говоришь, Он главный, я только помощник твой.

Духовнику нужно всегда вести по такой линии: каждый человек драгоценен бесконечно. Пастырь должен с большой любовью отнестись к тому, кто пришел. Если даже он еще не справляется, если много делает того, что не нужно – тем более; больше проявить любви и внимания, чтобы человек почувствовал душевное, человеческое расположение к пастырю. На человеческом уровне и говорить, именно на человеческом, не на каком-то очень возвышенном, духовном, вначале этого не требуется.

Каждый человек единственная, неповторимая личность, и духовник должен смотреть, как Святой Дух воздействует на данного человека. Не мешать этому воздействию, а, наоборот, стараться быть в стороне, быть как бы *другом Жениха* (см. Ин.3:29), как сказано об Иоанне Крестителе, то есть тем, кто всё делает, чтобы состоялась встреча Жениха и невесты. Он хранит их союз, встречу, он, когда приводит их в брачную комнату, остается за дверью. Он не вторгается, он свою роль выполнил. Вот таким должен быть и священник по отношению к тем, кто приходит к нему на Исповедь. Он должен помочь донести Исповедь до Христа и смотреть, как действует благодать Божия, наблюдая это, стараться помочь человеку. Это главная задача. И больше ничего, – никаких вторжений, никаких насилий. Это очень важная, очень тонкая и трудная вещь.

Человеческое достоинство пасомого надо всячески поддерживать и никогда не унижать, не подавлять. Во Христе какое же может быть унижение? Ты не червь, а сын Господу, брат и друг! Да, ты грешник, конечно; и я грешник, но всё равно я знаю, что я могу исправить свою жизнь. Я стараюсь

исправляться, потому что я люблю Христа и не хочу Его оскорблять, я хочу жить с Ним в мире. Вот в чем дело; из этого надо исходить.

Духовник не может принуждать ни к чему, он просто друг, брат. Сам Христос говорил ученикам: *братья мои, друзья Мои* (см. Ин.15:14–15; Ин.20:17); Он, будучи Богочеловеком, так относился к ним. В молитве Господней мы произносим: *Отче наш*, то есть Бог – Отец, Отец Небесный, Источник и Начальник всего – наш Отец.

И мы являемся Его детьми вместе со Христом; мы Христу братья, мы Его сестры, и поэтому-то мы обращаемся именно *Отче наш*. Вот это надо внушать людям, чтобы люди полюбили Христа, такой должен быть путь руководства – путеводительство ко Христу.

Апостол Павел говорит: *для меня жизнь Хрис-тос* (Флп.1:21); *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал.2); *живу во плоти только верю в Сына Божия, пострадавшего за меня* (Гал.2:20). Это его личная святость; нам только можно учиться у него этой пламенной любви ко Христу. Это пример, а вообще на этом надо строить свои отношения с духовником. Так что духовник уже не должен быть недостижимым. Священник должен сознавать про себя, что он такой же грешник, но просто хочет пасомому помочь, поддержать, потому что он этим путем тоже шел и идет сейчас. Вот когда так поставят вопрос, то совсем другое отношение будет с духовником, человек потянется к нему, потому что знает, что это друг, не кто-то недоступный, к кому он боится подойти. Духовник поможет ему быть в дружбе со Спасителем; духовник укажет, что истинный друг – Сам Господь Иисус Христос.

Он нас всех называет братьями и сестрами. Как Марии Магдалине сказал Господь: *иди к братьям Моим и скажи им* (Ин.20:17), что Я воскрес³²⁷.

А к братьям – это к ученикам; Он называет их братьями и друзьями Своими; отношение Христа к нам и наше ко Христу вот такое; на это должен настраивать духовник. А если ко Христу такое отношение, то к духовнику тем более. Наше стремление – ко Христу, мы должны идти к Нему всю жизнь,

полюбить Его и быть во Христе, со Христом всю жизнь. Вот тогда совершается наше личное спасение; а спасение – это жизнь в Боге и с Богом, больше ничего. Грех и погибель – отделение от Бога, духовная смерть. Жизнь – это Христос: и в Нем, и с Ним. Вот к этому надо стараться вести пасомого. Тогда и выполнена задача духовника.

Личность пасомого

Главная задача пастыря на Исповеди – докопаться до личности человека, до самой его сути. А это не такая простая задача. Если человек не осознает себя личностью, с ним встретиться весьма трудно. Кто перед тобой – робот, ходячий набор каких-то правил, знаний, сведений? Где же сам человек? Хочется встретиться с личностью, ведь каждый человек, каков бы он ни был, остается личностью единственной, неповторимой. В нем она может быть задавлена внешними предписаниями, светскими обычаями, средой, которая его окружает. Такой человек всегда играет какую-то роль среди людей: с одними он один, с другими другой. Его можно даже не узнать: и по рассуждениям, и по взглядам он вдруг оказывается иным человеком; к своим близким и родным он тоже подходит совершенно по-другому.

Человек, который не знает себя, играет и со священником определенную роль, хочет под него поддаться, чтобы не ударить лицом в грязь, чтобы выставить себя в лучшем свете. По отношению к Богу он тоже неестествен, непрост; но Бог видит человека насквозь, таким, какой он есть, а не его внешние оболочки. Священнику нужно докопаться до личности человека, до его сути – в этом задача.

Как это сделать? Это зависит от искусства духовника в какой-то мере, от его психологичности, умения войти в душу человека, а всю шелуху как бы сбросить с него. Человек, пришедший на Исповедь, будет говорить одно, допустим, рассказывать о себе; а священник чувствует, что за этим кроется известное лицемерие, какая-то фальшь, неестественность, что это не главное, это то, что скрывает самую его сущность. Духовник должен задать вопросы, лично адресованные человеку, например, касающиеся его супружеских

отношений, отношений с родителями, с окружающими. Эти вопросы помогут человеку войти в себя, то есть узнать, кто он есть на самом деле, что из себя представляет. Из его ответов духовник поймет, кто перед ним стоит.

Священник должен выявить внутреннего *сокровенного сердца человека* (1Пет.3:4), который есть у каждого, но часто запрятан под всевозможными внешними впечатлениями, как бы нагроможденными на нем. Вот к этой сущности и нужно обращаться, до нее нужно докопаться. Ее расчистить как икону, которая потемнела от времени и утратила свою красоту и блеск. Надо дойти до сути человека, и окажется, что там столько необыкновенного света и красоты! Какие вопросы задать – Господь подскажет, но это обязательно нужно сделать, потому что духовник должен разговаривать именно с этим внутренним человеком. Только тогда будет толк, и встреча, и общение, и какое-то, может быть, и правильное влияние. Ведь нельзя повлиять на ту роль, которую человек играет передо мной, а только на то, что есть на самом деле.

Личность человека – это икона, образ Бога Живого, который в каждом есть. Духовник должен заботиться о выявлении, возвращении и воспитании этого духовного внутреннего человека со своими чувствами, своим духовным зрением, своим видением мира. Именно поэтому всякая Исповедь – это веха воспитания внутреннего человека. Духовник работает над тем, чтобы человек познал свою сущность и любил быть с самим собой. Часто люди не любят быть наедине с собой, предпочитают разного рода развлечения: смотрят телевизор целый день или бесконечно слушают радио, идут в гости, в театр и т. п. Это бывает у большинства людей, они прикованы к чему-то внешнему, ищут способы отвлечься от себя. С самим собой человеку бывает тяжело, особенно, если греховная пелена страстей, мрак, тьма очень густые. Человек про себя думал, что он хороший, а вон какой в душе мрак оказывается. Это бывает страшно познать, и поэтому человек старается уйти, убежать куда-нибудь вовне. А надо, наоборот, чтобы человек полюбил быть с самим собой, потому что тогда бывает встреча с Богом.

Познать себя – большая духовная задача. Без самопознания не может быть ни настоящей Исповеди, ни покаяния. Познавая себя, человек будто снимает слой за слоем, все наносное и наконец добирается до сокровища. С одной стороны, задача духовника добраться до самой сердцевины человека и радоваться этой находке. Это как клад какой-то найти, выявить золото из всей внешней руды, с другой стороны, – это задача и самого пасомого, но опять-таки для того, кто хочет и сам к этому стремится.

Путь к самопознанию – это упражнение в полном молчании. Постараться освободиться от мыслей и чувств, не допускать в душу никакого внешнего воздействия. Уделить этому несколько минут в день и почувствовать единение с самим собой. Это первый этап. Этому помогает молитва, потому что Господь в нас пребывает. Молитва содействует тому, чтобы раскрыть самого себя. Но тут нужна твоя искренность к Богу; не славословие бесконечное, повторение каких-то заученных слов, а именно живая молитва, то есть встреча с Богом. Если человек не встретится с собой, то ему трудно встретиться и с Богом. Молчание, внутренний покой, тишина, сосредоточенность в себе самом – вот что надо полюбить. Современные люди часто не считают нужным заниматься этим; а это надо культивировать; ежедневно надо упражняться в этом. Тогда можно почувствовать Бога, ощутить Его присутствие. Мы забываем о присутствии Бога, живем поверхностно, так вся жизнь может быть скольжением по поверхности, а жизнь имеет глубину, особое измерение вглубь.

В этом смысле страшна профессия актера, человек перевоплощается и какое-то время живет жизнью другого. В течение спектакля уже не он движет, любит, страдает и т. д., а его герой. После представления актеры обычно чувствуют себя опустошенными, потому что они уходили от себя, становились другими, жили совершенно чужой судьбой. Это могла быть роль праведника или роль преступника. Войти в плоть и кровь существа грешного, то есть жить его грехом, его падениями в течение целого спектакля, – это переживать не так просто.

Святые Отцы в основном отрицательно относились к профессии актера. Конечно, во времена святителя Димитрия Ростовского был особый театр, где представлялись евангельские события, например Вход Господень во Иерусалим на осли, но это нечто другое. Глубоко входить в чужую роль страшно и очень опасно в духовном смысле, потому что человек должен потом, когда-то становиться самим собой; а ему это трудно, он выхолощен весь, опустошен, он весь в другом живет. Но у каждого из нас это бывает, хотя и в меньшей степени, но все мы играем роли в отношениях с другими людьми. Пробиться сквозь паутину лицемерия есть задача духовника. Она непростая. Молитва, мудрость и опыт подскажут ему, где внутренняя сущность человека, – вот это очень важно.

Глава VI Беседа в пастырской деятельности

Значение разъяснительной беседы

В обязанности пастыря Церкви входит: учить своих пасомых, совершать для них священнодействия, духовно управлять словесным стадом. Разъяснительная беседа в пастырском служении занимает особое место, она относится сразу к двум сферам священнической деятельности: учительству и душепопечению. Проведение бесед не вменяется в обязанность священнику, но несомненная польза, которую такая беседа может принести, заставляет пастыря задуматься об организации регулярных встреч с прихожанами.

Прихожане, не имея другой возможности пообщаться со священником, довольно часто задают волнующие их вопросы на Исповеди, из-за чего теряется молитвенное состояние, сосредоточенность, да и время, как правило, ограничено, ведь к священнику на Исповедь приходит не один человек, поэтому нужна беседа, отделенная от Таинства.

Общая беседа на различные вопросы религиозной и духовной жизни под руководством священника устанавливает живой контакт пастыря с пасомыми, помогает их духовному возрастанию, укрепляет и развивает дружеские отношения между прихожанами, способствует созданию крепкой общины, активно участвующей в церковной жизни на приходе.

Такие беседы желательно проводить еженедельно, поскольку с понедельника многие люди, погружаясь в мирскую суету, в заботу о повседневной жизни, в житейские дела, забывают, что еще вчера они были в храме, присутствовали на Божественной литургии и сердца их были направлены к Единому на потребу. Беседа помогает удержать благодатный строй души до следующего богослужения.

Разъяснительные беседы, проводимые священником на приходе, становятся своего рода духовным училищем. На них обычно приходят наиболее активные прихожане, однако они могут привести с собой людей, только начинающих свой путь к Богу. В таком случае беседа имеет катехизаторское значение.

Основной темой для бесед должен стать Символ веры – концентрация всего богословия, вероучения Православной Церкви. Пастырь может проводить беседы на евангельскую тему воскресного дня или праздника, может выбирать темы, которые раскрывают проблемы, наиболее часто затрагиваемые прихожанами на Исповеди. Чаще всего эти вопросы касаются практической стороны религиозной жизни. Постепенно пастырь из бесед, проводимых регулярно, устанавливает самые трудные места и пробелы в понимании каких-то тем и выносит их на обсуждение. Всегда завязывается живая дискуссия по таким вопросам, как свобода, ответственность христианина. Некоторые темы не вызывают особого интереса, так как требуют работы над собой, однако они обязательно должны быть освещены и усвоены прихожанами – это тема о смирении, терпении ближнего. Пастырь непременно должен ввести в беседы этот пласт духовного совершенствования и здесь от священника требуется, можно сказать, особое искусство, чтобы не оттолкнуть прихожан от бесед, но сохранить в них желание обсуждать и духовно расти. Священнику на беседе надо учить людей исповедоваться, поскольку часто вместо исповеди своих грехов можно услышать житейский разговор.

Вопрос о том, как найти время для бесед и когда их проводить, каждый пастырь решает по-разному, но обязательно, чтобы это было удобно прихожанам. Беседы могут начинаться после всенощного бдения или после вечернего богослужения в воскресный день.

В связи с организацией и проведением бесед необходимо обратить внимание пастыря на один очень важный момент: у самого священника в семье из-за частого его отсутствия могут возникнуть проблемы, которые нельзя пустить на самотек, их обязательно надо решить. Опыт показывает, что довольно часто матушка и подростки дети священника становятся активными участниками бесед.

О покаянии

Священник верит в то, что всякая сердечная молитва доходит до Бога, всякое усилие пастыря созидает Царствие Божие. Усилие – это молитвенное предстательство перед Богом

за согрешившего человека, собственное покаянное делание и воплощенная в реальность любовь к Богу и человеку. Священник должен постоянно помнить о том, что своей жизнью он являет пример созидания красоты.

Человек был сотворен по образу и подобию Божию, в раю у него было полное единение с Богом. Как человек потерял эту связь? Дьявол внес прежде всего недоверие – а что если Бог неправ? Что плохого, если люди будут есть с дерева познания добра и зла и станут, как боги? Появилось колебание в душе Евы, поселилось недоверие. А недоверие – это уже отчуждение от Бога, и вследствие этого отчуждения она взяла и ела, поверив клевете. И когда дала своему мужу, он тоже ел, в результате они спрятались от Бога в кустах. Возникло разделение. Бог воззвал: Адам, где ты? Люди, вместо того чтобы покаяться, стали отпираться: Ева сказала, что змей меня соблазнил; Адам сказал, что жена, которую Ты дал мне. В конце концов они обвинили Бога в своем же грехе, в итоге получилась трагедия.

Фактически грех – это разобщение с Богом: именно разобщение с Богом ведет к греховным поступкам. Человек, потерявший связь с Богом, с Творцом, с Источником жизни, – это духовный труп. Надо помнить: грех не есть только то, что мы называем поступком, грех – это следствие разобщенности с Богом.

Человек жив и красив прежде всего связью с Богом. Общение с Ним – это то, что необходимо человеку как высшему творению Божию. Восстанавливает связь человека с Богом покаяние, то есть возвращение к Богу, как блудный сын вернулся к отцу. Надо начинать с покаяния, тогда всё встанет на свои места.

Когда человек с Богом, то он уже и смотрит на всё иначе, у него совесть чуткая. Голос Божий в душе – со-вест, то есть совместное знание, но можно сказать и так, что это как бы совещание: человек совещается с этим голосом, что хорошо делать, а что нет. В Евангелии: *Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути... А если ты не примиришься, он тебя отдаст судье, судья – слуге, и посадит тебя в тюрьму,*

и ты не уйдешь оттуда, пока не заплатишься (см. Мф.5:25–26). Соперник в данном случае совесть, а дорога – путь жизни.

Необходимо мириться со своей совестью и с Богом, пока мы на пути, что мы и делаем через Исповедь, через покаяние. Часто человек намеренно старается заглушить совесть, чтобы делать по-своему. Результат этого – омертвление духа. Ведь когда человек без Бога, он бесплоден духовно. Надо понять, что не поступок важен, а то, что человек отделен от Бога, находится вне Бога, и заботиться нужно о примирении с Ним, поэтому мы примиряемся, мы просим прощения, Господь нас снова принимает, и мы возвращаемся к Богу. Таким образом, покаяние – это процесс, созидающий красоту.

О любви к ближнему

Пастырь – человек, который помогает. Священник не должен вторгаться в какие-то области, в которые ему не позволено вторгаться. Он может посоветовать, объяснить, направить на то, что Бог хочет от нас любви. А к любви принудить никого нельзя, любовь – это вещь добровольная. Можно ребенка бить палкой до тех пор, пока он не послушается или пока не скажет: «Я тебя люблю, я тебя слушаюсь». Но ни любви там не будет, ни послушания. Бог хочет от нас любви не из-под палки, а свободной. Так и в семейных отношениях: всё зиждется на свободе, и свободное проявление любви – это драгоценный дар в созидании каждодневной жизни.

Жизнь можно творить. Сама жизнь, каждый её день – это созидание. Когда человек живет с кем-то в семье, это созидание Царства Божия, ведь семья – малая ячейка Царства Божия. Устройство её, формирование взаимных отношений – это каждодневный процесс, это мирное разрешение сложных моментов, каких-то противоречий и споров, возникающих внутри семьи. Умение рассудительностью и советом всё ставить на свои места – не каким-то приказным раздражением, не гневом, не окриком, а именно советом, внутренне творческим, чтобы не разрушить отношения любви, тепла, доброжелательности между родными.

Творение жизни – это всегда созидание красоты, целостности. Что нужно делать? Взаимно прощать, покрывать

любовью недостатки друг друга, шероховатости характера, не корить, не осуждать, не гасить любви раздражением или унижением, подчеркивать положительные стороны, чтобы ближний захотел исправиться. Бывает, что семья состоит только из мужа и жены, но всё равно, даже между двумя людьми вершится процесс созидания взаимной любви. Этот процесс доставляет человеку радость и удовлетворение. Возникает некая внутренняя полнота, которая способствует духовному росту каждого человека, и при этом он как человек свободен и уважаем. Он знает, что он ответственен за свои поступки – сам ответственен, никто за него жить не будет. Вот такое ощущение свободы проистекает из взаимного внутреннего доверия друг ко другу, из веры в человека.

О терпении

Пастырю обязательно необходимо заострить внимание пасомых на том, что в человека нужно верить – в любого, принимать каждого человека, какой он есть, терпеть его. Терпение – это Божественное свойство, и оно присуще святым. Апостол Петр в своем Послании говорит, что: *Не медлит Господь Своим судом... но долготерпит* (см. 2Пет.3:9), ждет, потому что Он любит. А любовь *всему верит, всего надеется... никогда не перестает* (1Кор.13:7–8). Вот эта терпеливая, выжидающая любовь Христова свойственна святым: терпение не только в выносливости подвига, а в умении терпеть все безобразия и ужасы земли, пока не исполнится воля Божия. Умение терпеть человека, грешника, не отвергать, не отворачиваться от него, а каждого человека принимать как крест, на своих плечах нести каждого человека до конца. Святые были очень терпеливы и терпимы – это качество божественной любви. Ведь, по слову святого Исаака Сирина: «Когда приобретает кто любовь, облекается в самого Бога»³²⁸. Нам всем надо учиться у святых.

Трудно бывает христианину находиться рядом, в одной семье или на работе с человеком, который грешит постоянно, грех вошел в его натуру. Он воспринимает этот грех уже как часть самого себя, хотя совесть ему и подсказывает, как надо бы поступать. Священник в этом случае акцентирует внимание

на том, что это тоже проявление свободы человека. Хорошо уже и то, что он знает за собой грех, – это начало покаяния. Человек в своем грехе отделен от Бога, но вот сделать шаг навстречу Богу – тут уже требуется решимость. Преподобный Серафим Саровский сетовал, что в русском человеке ослабла решимость ко спасению и к стяжанию Святого Духа, – сетовал и горевал об этом. Всё дело в свободной решимости, здесь нельзя заставить, приказать – делай так-то; значит, надо стараться терпеть, проявлять выжидающую любовь. Есть ближние, которые умеют выжидать, – именно они часто достигают хоть какого-то результата. Их любовь, терпение, чуткость к человеку слабому, немощному, вера в него способствуют тому, чтобы он пробудился. Надо не отвергать человека, а надеяться, всегда верить до конца в то, что он все-таки когда-то придет к Богу и изменится. Вера – это очень большая сила. Ведь каждый человек свободен, и каждый из нас слаб и немощен, и вполне понятно, что человеку безумно трудно искоренять грех, тем более если он вошел в привычку, и надо сострадать ему, жалеть его: грех всё равно что болезнь, которая может быть застарелой, долгой. Тут всё зависит от чуткости, от степени любви, которую мы имеем к человеку: всё покрывать любовью. Умение принять человека, какой он есть, – великая вещь. Очень трудно бывает принять человека в его грехе, в таком его состоянии, которое, так сказать, нечеловеческое уже. Принять его, сострадать ему, жалеть его и поддерживать по мере сил своей любовью. Только любовь – и больше ничего, ни осуждения, ни отвержения, только любовь, которая действует в словах, в поведении, в отношении, – вот задача и так можно чему-то помочь. Главное же – верить, что в конце концов – не сразу, но всё-таки – всё изменится. Вот как Бог в нас верит, так надо верить и в человека.

Бог в нас верит, поэтому Он нас и не уничтожает. Ведь что могло быть, если бы Бог не любил человека, человеческий род, Ему ничего не стоило бы его уничтожить. Сдвинуть земной шар на какой-то маленький угол по отношению к Солнцу и – всё сгорит или заледенеет, человеческий род перестанет существовать, миллиарды людей сразу погибнут. Бог этого не

делает, а мог бы сделать и начать заново творить человека. Но Он человека любит.

Как Господь вразумляет нас? Разными способами: Он стучится в сердце через болезни, через кончину близких или через людей, у которых что-то случилось. *Вот, Я стою у двери и стучу*, приду только к тому, кто откроет (см. Откр.3:20). Надо помнить, что Господь старается содействовать всякому добру, но Он никогда не насилует волю, никогда не заставляет делать что называется из-под палки. Он ценит только свободу, которую даровал человеку. Животные живут инстинктом, вложенным в них (бобры плотины строят не потому, что они творцы, а потому, что это заложено в них от Бога как инстинкт), человек, в отличие от животного, обладает свободой, которую Бог уважает, и это надо помнить. Он никогда ее не нарушает, ничего не заставляет делать насильно. Он может наказать – но что значит наказать? – вразумить через какие-то обстоятельства жизни. Но какое бы испытание Бог ни послал, всё равно решение-то за человеком, воспрянет он или не воспрянет; у него всегда есть выбор вправо или влево. Надо помнить, что любое испытание, которое Бог посылает, – это Божий Промысл о человеке, попечение.

Но это и признак долготерпения Божия, которое, может быть, в какой-то момент и кончится, как во времена потопа, когда Господь терпел, терпел, а потом уничтожил большую часть людей, потому что видел, что они безнадежно развратились, это как бы ядовитый корень, тут ничего уже не сделаешь... или как Содом и Гоморра: дошло до того, что пришлось уничтожить их серным дождем, огнем сжечь людей и города. Значит, Бог знает меру Своего долготерпения, но всё равно Он не уничтожает человеческий род и до конца не уничтожит, – надо думать, до Второго пришествия. Терпение Божие действительно велико.

Об уважении и солидарности

Довольно часто, особенно в последнее время, к священнику на приходе с недоуменными вопросами обращаются люди, рядом с которыми находится человек духовно зрелый, стремящийся к подвигу не ради самоугождения и возвеличивания себя, то есть тщеславия, а ради правды

Божией. Он живет в послушании у духовника, идет царским путем, самоотречение его умеренное. В чем должна проявляться наша любовь к нему? Прежде всего не мешать, не слишком жалеть его, иначе любовь превратится в антилюбовь. Речь не идет о случаях, когда человек занимается самоистязанием ради самости и гордыни и может переусердствовать, тут ближние должны направить его на верный путь.

Когда апостол Петр сказал Христу: *...будь милостив к Себе, Господи! (Мф.16:22)*, что ответил ему Господь: *...отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое (Мф.16:23)*. Пожалей себя, *...да не будет этого с Тобою (Мф.16:22)* – вот такого не должно быть. Это естественное, чисто человеческое притязание: пожалей себя, зачем ты себя истязает? Так обычно говорят родственники, особенно матери детям. Это неправильно, нужно стараться быть вместе, подражать Божией Матери в этом смысле. Ведь Она, несмотря на то, что на Ее глазах Сын был убит людьми, всё пережила в полном молчании и без ропота. Она была в скорби, но без слов отдавала Сына на смерть и была с Ним едина в Его самоотречении; она сораспиналась Ему. Родственникам тоже надо стараться стать соподвижниками своему ближнему, и если он идет по пути подвига – поста, молитвы, – не осуждать его и не упрекать, а быть солидарными с ним, хотя бы своим сочувствием. Не надо жалеть такого человека или пытаться его разжалобить по отношению к себе, возбудить эгоистическое саможаление. Истинные друзья никогда не позволят себе сказать: «Ну зачем ты это...» Они оставят его в покое, и если он живет с ними, дадут ему возможность подвизаться. Вот такое отношение должно быть: уважение к человеку, солидарность с ним внутренняя, мысленная; если ты не можешь так, то хоть уважай другого, поддерживай его на этом пути. И это большое дело.

Вот пример преподобного Сергия: он ушел в пустыню от благополучия, которое у него было в семье, ушел в полную неизвестность. Или как Авраам, которому Бог сказал в свое время: иди в землю, которую я тебе укажу; от богатства, от

устроенности. Для него было достаточно только слов Божиих ... *и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря...* (Быт.22:17), чтобы оставить всё, поэтому Авраам называется отцом верующих. Господь ему дал только обещание, обетование, больше ничего. И еще Господь сказал Аврааму: принести в жертву своего сына, на заклание. Ведь это подумать только, представить себе: единственного сына иди заколи, принеси Мне в жертву, – говорит Господь. – Как это возможно? Но Авраам согласился. Что он переживал, даже трудно предположить, но он настолько верил Господу, что пошел на это, дрова принес, положил мальчика и был готов заклать. Но тут Ангел сказал ему: всё; не делай этого, заколи ягнечка. Вот как Господь испытал его веру.

Преподобный Сергей в юном возрасте вместе с братом ушел в дремучий лес. Брат, как известно, не выдержал этого подвига, и Сергей остался один. Он построил там хижину, потом храм, и к нему стали приходить. У него была только одна надежда на Бога, на слово Божие, вот такая вера была в человеке. Какие великие плоды принесло его самоотречение, его послушание Богу: Лавра, центр Православия, будет во все века притягивать к себе людей благодатью. Так преподобный Сергей употребил свою свободу, данную ему Господом. Такое сопоставление: Авраам и Сергей. Вот это и есть примеры предельного доверия к Богу. Когда человек знает, что Господь сказал, – значит, всё, и конечно, всецелое послушание, полное самоотречение, уже моей воли нет: Господь сказал – я иду.

Что такое истинная свобода

Проблема свободы во все времена, в любом обществе волнует сердца людей, особенно молодежи. Задача пастыря объяснить, что такое истинная свобода, научить не злоупотреблять великим даром Божиим человеку – свободой воли. Помочь направить эту свободу на созидание спасения собственной души, на исполнение основной заповеди о любви к Богу и ближнему.

В совете Святой Троицы было сказано: *сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему* (Быт.1:26). Образ Божий в человеке – это Божии качества: разум, свобода, дар

творчества, способность к любви; а богоподобие дано только зачаточно, и это то, что надо взрастить; человек должен уподобляться Богу.

Задача и подвиг нашей жизни – совершенствоваться, как заповедал Христос: *Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф.5:48). Вся христианская нравственность построена на том, чтобы человек уподоблялся Богу: в творчестве, в созидании, в самоотдаче, в полной, всецелой любви.

Господь говорит: *Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди* (Ин.14:15); и: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас и вы да любите друг друга* (Ин.13:34).

Любовь Божия беспредельна. Христос Свою человеческую жизнь принес в жертву за людей, Он отдал Свою душу. В Нем мы видим пример всецелой любви, как сказано: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин.15:13).

Мы должны уподобляться Богу в такой любви, с такой же жертвенной самоотдачей относиться к ближнему. Это не значит, что мы физически должны умирать, но каждый день мы должны истощать свою жизнь для своего ближнего. Каждый из нас – слуга ближнего; забывая себя, мы служим друг другу, и через ближних – Богу; всё наше внимание должно быть направлено на то, чтобы сделать для ближнего то, что ему хорошо, что ему нужно именно во спасение; это и есть любовь, самоотдача, забвение себя по слову Христа: *...если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Лк.9:23); а *идти за Мной* – это значит уподобляться Христу, Богу.

Идти свободно, без ропота, туда, куда Господь нас ведет, мы сможем только тогда, когда отвергнемся себя, своего эгоизма, самости, самолюбия, сосредоточенности на себе. Это первый шаг. После этого мы и крест свой сможем принять безропотно из рук Божиих, как дар Божий. И только приняв свой крест, мы способны будем идти за Христом: на страдания ли, на радость, куда бы Он ни повел нас.

Суть нашего уподобления Богу ясно выражена в заповеди: *любите друг друга; как Я возлюбил вас (Ин.13:34)*; а Христос возлюбил нас *до смерти, и смерти крестной (Флп.2:8)*, принял страдания, отдал ради нас Свою человеческую жизнь, а ведь больше, чем жизнь, отдать невозможно.

Святые мученики первых веков христианства исполняли именно эту заповедь. Они любили Христа так, что перед враждебным миром не приводили доказательств истинности веры, они просто отдавали жизнь и потому удостоились такого прославления, что всё отдали за Христа, принесли самое дорогое, самый драгоценный дар – свою жизнь; вот уподобление Богу, Христу в Его любви.

Дар любви дан нам потенциально; мы должны развивать его, как талант в притче о талантах, возвращать его подвигом, проявляя любовь к людям до полной отдачи себя, до самой большой жертвы – отдачи жизни, и, таким образом умножая данный нам дар, уподобляться Богу в Его любви.

Именно над этим трудились великие подвижники: забыть себя и быть всецело отданным ближнему и Богу; к этому они готовили себя суровым подвигом. Перед тем как выйти к людям, нужен подвиг полного самоотречения, через пост, через молитву.

Когда одержана победа над плотью и плоть не мешает уже ни в чем, когда дух поставлен во главу, восторжествовал полностью, человек уже свободен от самого себя, от эгоизма, самости, самоутверждения и всего того, что с ним связано, тогда он по благословению выходит и отдает себя людям, помогает им. Это подвиг старчества, подвиг настоящего подвижничества, подвиг пустынночества, и это – уподобление Богу в Его любви к людям, когда человек полностью предает себя на служение людям. В этом должно быть наше богоподобие.

Образ Божий в нас – разум, свободная воля, творчество, но как мы употребляем эту данность, зависит от нас. Самим Богом в нас как потенция, как зачаток заложены дары любви, общения с Богом в молитве, милосердие, чувство сострадания, нам вменено в обязанность эти дары развивать и умножать. Именно

к этому должна быть направлена человеческая свобода. Ведь человек может обратить свою свободу на себя, стать эгоистом: мне дана свобода, и я буду угождать себе, – это путь отрицательный. Положительный путь – употреблять свободу по образу Христа Спасителя: самоотречение, отвержение себя в подражание Христу.

Часто люди не совсем понимают, в чем же собственно состоит свобода и когда человек бывает действительно свободным. Христос нам сказал: *...истина сделает вас свободными* (Ин.8:32), именно Истина – то, что есть, реальность; и в другом месте Он сказал: *...Я есмь путь, и истина, и жизнь* (Ин.14:6). Когда Христос стоял перед Пилатом, Он говорил: *...кто от истины, слушает гласа Моего* (Ин.18:37). Но на вопрос Пилата: *...что есть истина?* (Ин.18:38), Христос ничего не ответил, потому что вопрос «что?» нельзя ставить. Истина – не «что», а только – Кто. Истина была перед ним.

Так вот, *истина сделает вас свободными*. Соблазн первых людей построен на лжи. Всё это повторяется и случается с каждым человеком. Это не то, что когда-то было, это и в нашей жизни повторяется. Дьявол заставил людей поверить в то, чего на самом деле нет.

На этом же, как говорил кто-то из древних отцов, споткнулся сначала и сам дьявол. Один из первых ангелов, денница, настолько был пронизан божественным светом, что почувствовал, что Бог ему как будто бы и не нужен. Он, как бы засмотревшись на себя, сказал: «Я поставлю свой Престол». Он подумал, что может существовать без Бога, то есть возникла ложь, и на этой лжи он споткнулся, наступила гибель. Он забыл, что свет, которым он пронизан, – Божественный, Божий свет, не его, не ему присущий.

Таким же путем он соблазнил и человека. Человек отвернулся от Бога, поверил в ложь, которая несет в себе смерть. Надо вдуматься в то, где кроется несвобода. Только в Боге, только если мы верны Богу, если мы живем в Боге, Который есть Истина, только тогда мы действительно свободны. Грех – это когда мы отворачиваемся от Бога, верим иллюзии,

мареvu, лжи и начинаем этим жить, подменять реальность ложью. В этом заключается природа всякого греха, отсюда смерть. Бог есть жизнь, и если человек отвернулся от Истины и Источника жизни, то ему остается только умереть.

Человек, который есть образ Божий, изначально имел дар свободы, свобода укоренена только в Боге, человек может быть свободен только в единении с Богом. Но обычно с нами случается то, что случилось с первыми людьми: сначала недоверие к Богу, потом самооправдание; мы начинаем думать, что мы ни в чем не будем себе отказывать, будем делать всё, что хотим, дадим свободу своим желаниям, стремлениям, не оглядываясь на Бога, будем сами себе богом, и тогда мы будем свободны.

Об этом говорится в притче о блудном сыне: блудный сын захотел свободы, он не то, чтобы совсем не доверял Отцу, но утратил представление о свободе, эту радость единения с Отцом, ему захотелось свободы от родительской опеки. Он перестал чувствовать, что только в доме Отца у него была подлинная свобода. Он не оценил этого и пожелал отделиться от Отца: зачем ему Отец? Так недоверие к Богу возникло и у первых людей: им обещано, что они будут, как боги, поэтому Бог им теперь не будет нужен. Блудному сыну стал не нужен Отец, а образ Отца – это Сам Господь, и сын сказал, что хочет быть свободным.

Чем это кончилось? Он стал голодать и дошел до полной нищеты. Только тогда он пришел в себя и вспомнил, что Отец, несмотря на то, что сын так поступил с ним, любит его. Это его и спасло. Сын решился, встал и пошел. Самое главное, что сын не просто осознал свое состояние и пришел в отчаяние: это была бы гибель. Сын раскаялся, то есть он почувствовал, что он неправ, что он плохо поступил. Но если бы он на этом остановился, то это никакой пользы ему не принесло; наоборот, ввело его в отчаяние, в полную погибель. Но он вспомнил об Отце, о его любви к нему. Вот тут проявляется разница между раскаянием и покаянием: покаяние начинается с поворота к Отцу. Он не отчаялся – наоборот, повернулся лицом к своему Отцу, поверив, что Отец его любит до сих пор, и есть надежда

на эту любовь: если Он любит меня, то, конечно, и простит, и примет. Он повернулся лицом к Богу, принял решение, встал и пошел; вот в этом состоит покаяние.

Любовь Отца – это та правда, истина, которая его окрылила, как бы заставила принять решение. И он, раскаявшись в том, что сделал, пошел с верой в любовь Отца и готовил свою Исповедь, исповедь покаянную: *я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих* (Лк.15:18–19). Отец ведь ждал его; он вышел к нему навстречу. Увидел, что идет сын, оборванный, нищий, в лохмотьях, но его сын. Отец сжалился, пал к нему на шею, целовал его; вот это любовь Божия, вот радость покаяния, радость возвращения. Отец в своей любви не лишил его сыновства; недостойный сын – да!; но не чужой, не раб, не работник.

Отец его принял; всё было забыто, всё прошлое зачеркнуто, абсолютно всё. Вот прощение; вот где правда. Отец не потребовал каких-то специальных извинений или обещаний; ничего не потребовал. Просто принял. Сын вернулся, был мертв – и ожил, пропадал – и нашелся. Того прошлого больше нет – наступила общая радость. Радость не в том, что сын обещал что-то такое в будущем, он ничего не обещал, а именно вернулся сам, сын возвратился. Вот в этом всё дело: раз ты вернулся, значит, будет уже всё совершенно по-другому, новая жизнь начинается.

Пастырь должен всегда помнить и внушать пасомым, что вот так будет с любым грешником, который кается. Каждого кающегося грешника священнику надо именно поддерживать, радоваться о нем, что он пришел. Не требовать от него никаких специальных обещаний, а вот человек пришел – и пастырь верит, что он пришел прочно. Как в притче о блудном сыне: отцовская любовь всё покрыла. Так и Божия любовь: она всё покрывает; в ней истина. Вот так Господь принимает кающегося грешника. Покаяние – это возвращение к правде, к истине, от лжи, от иллюзии, от всего того, в чем он пребывал там, в дальней стране.

Епископ Антоний (Храповицкий) отмечал: «...притча о блудном сыне служит наглядным изображением того, что человек должен пережить сложный решительный нравственный переворот прежде, чем он будет в состоянии сказать в своей душе (самому себе) подобно блудному сыну: *встану, пойду к отцу моему* (Лк.15:18). Когда такой переворот уже совершится, задача пастыря по отношению к тому человеку исполнена наполовину, он его уже родил (см. 1Кор.4:15; Флм.1) и теперь должен относиться к нему, как пестун. Само собой разумеется, что одна внутренняя решимость человека не может быть увлекающим полетом к небу; человек должен бороться, искоренять и разорять дурное, созидать и насаждать доброе (см. Иер.1:10). Священник, своими уроками благодатной жизни помогающий человеку на пути нравственного совершенствования, тем довершает вторую половину своего пастырского долга»³²⁹. Так емко, в нескольких фразах, епископ Антоний указывает на то, в чем именно заключается пастырское воздействие на пасомых.

Свобода может быть только в Боге, когда человек живет вне Бога, он во лжи, в том, что несет в себе смерть, тление, гибель. Вот эта разница, которую надо почувствовать. Человек становится рабом греха, собственных страстей, этого «что хочу, то и делаю». Это совершенно другое состояние, он на крючке находится, он не может выбраться из этого своего лабиринта, хотя думает, что свободен. Любой алкоголик, наркоман, блудник или, скажем, чревоугодник находится в зависимости от своей страсти. Эта зависимость может доходить до клинических состояний, и вот это уже подлинно рабство: рабство греху.

Интеллигентный, вполне порядочный человек, атеист, который не имеет сильных страстей, хорошо работает, всеми уважаем, живет в иллюзии, поскольку не считает себя рабом греху. Можно уважать свободу такого человека, но у христианина совершенно другая платформа: вера в будущую жизнь и в то, что он несет ответственность перед Богом.

Неверующий человек находится в плену иллюзии. Он чувствует себя благополучным, он обычно хочет взять от жизни всё и сейчас, якобы в свободе. Для себя он как будто прав, для

своего полностью неверующего сознания. Если он чувствует сейчас желание насладиться жизнью – то почему же ему не насладиться? А дальше его не будет вообще. Это особое сознание у человека. Но ведь у него в практике смерти не было, не было уничтожения, поэтому он не знает, что будет дальше, за гробом, если он действительно искренно верит в то, что после смерти – пустота. Он верит опять-таки в иллюзию, что за гробом ничего вообще нет. Это ведь тоже своего рода вера. Значит, если он так верит – пока его что-то не сдвинуло – он этой иллюзией и живет. И он как будто прав в том, что он свободен насладиться своими страстями, грехами, а дальше – он превращается в ничто. Он действительно может быть порядочным, потому что в нем жива совесть, которую он не сознает как голос Божий, а просто думает, что так надо сделать, иначе не могу, мои родители так делали, мои бабушки и дедушки, и я порядочный человек. Ему это как бы естественно – в бытовом смысле, в смысле чисто практическом. Он не может воровать, не может совершать какие-то пакостные поступки, потому что в душе у него есть сознание того, как надо делать. Но это опять-таки без веры в Бога – внешний момент, который не может принести пользы духовной, поскольку со смертью всё кончается; для него больше ничего нет, он умрет и превратится в ничто. У него совсем другие критерии: он не хочет ударить лицом в грязь перед другими людьми. Это тщеславие, чисто человеческое: «Я порядочный человек, как и многие порядочные люди, не позволю себе хамить, ругаться, поступать отвратительно». Но это его естественное состояние, основанное на происхождении, воспитании, он живет в интеллигентной, культурной среде. Неверующий отвечает перед судом человеческим, исходя из этого сообразует свое поведение, чтобы избежать проблем, обеспечить себе благополучную, даже, может быть, и роскошную жизнь, здесь, на земле.

Довольно часто извне христианская жизнь представляется в жестких рамках внешних послушаний и предписаний. Люди думают, что в христианстве нет свободы, что нельзя развернуться широко, и ищут свободу в другом. Это в каком-то смысле естественно, потому что в человеке есть стремление к

свободе, и неважно верующий или неверующий, он свободен, это изначально заложено в нем. Только реализация человеческой свободы бывает разная. Неверующий стремится создать земной рай без Бога, таким образом употребить свою свободу. В сущности, идеология революции была построена на этом: свобода, равенство и братство – это же все христианские термины, но ложно понимаемые. Человек стремился освободиться, якобы уничтожить несвободу, только свободы никакой не получилось; известно, каков результат этой свободы, её плоды; она приводит только к большему порабощению.

Это такая свобода, которую искал блудный сын: он хотел свободы и думал, что свободен. Он почувствовал свободу в том, чтобы удовлетворять всем своим страстям и желаниям; его душа была раскрыта – широкая жизнь, широкие врата. Однако средства окончились, истощились и оказалось, что он пребывал полностью во лжи, вне Отца, Источника жизни, от Которого он отвернулся. Он почувствовал наконец духовный голод. Вот это его пробудило, он понял, что он нищ, у него ничего нет, но осталась память об Отце, о любви Отца, поэтому он и вернулся.

Так и всякий из нас, если он осознает, что Господь нас любит, он понимает, что подлинная христианская свобода заключается только в Боге, во Христе, Который сказал: *Я есмь Истина* (Ин.14:6). В Боге человек свободен, подлинно свободен, потому что он в Истине.

Ответственность христианина

Христианская ответственность – это ответственность в первую очередь за свои отношения с Богом. Она основана на любви к Богу и к себе самому в Боге. Речь не идет о любви эгоистической, но о любви к своему внутреннему, *сокровенному сердцу человеку* (1Пет.3:4), образу Божию, тому замыслу Божию, который есть у Бога о каждом человеке.

Осуществлять этот замысел так, как Бог о нас задумал, и не отклоняться – это задача, которая требует от нас определенной ответственности за свои поступки, слова и дела.

Бог – Творец каждого из нас, Он каждого воспринимает как единственную, неповторимую, уникальную личность. Каждый

человек драгоценен для Него, и душа человеческая дороже всего мира. Господь любит нас так, как никто. Но Господь не просто односторонне любит человека, любовь Божия ждет ответа от нас. На Свою любовь Бог возбуждает у нас ответственность за всё, что мы делаем, как относимся к жизни и друг ко другу. Ответственность христианская – желание не огорчить Бога, как бы не обидеть Его, это и есть страх Божий; страх оскорбить Господа грехом, сделать какие-то поступки или произнести слова, которые, мы знаем, Господу не понравятся. Сверять всё с Самим Спасителем, с Евангелием, сверять с волей Божией: что подумает обо мне, о моем поведении Христос? Вот это и есть чувство ответственности за свое поведение из любви ко Господу, таким образом, ответственность рождается из любви ко Господу и к себе в Боге.

Эгоистическая любовь к себе – это когда человек, имея какую-то страсть, старается всячески удовлетворить её и считает, что он себя любит; скажем, мне нравится курить или я люблю выпить и стараюсь так и делать. Подлинная любовь к себе – это любовь к лучшему, что есть в нас, то есть к нашему внутреннему, сокровенному человеку, нашей внутренней сущности, которую мы часто не видим, потому что живем только внешней жизнью и не заглядываем внутрь себя.

Заглянуть вглубь, остаться с самим собой нам бывает трудно и страшно; поэтому мы как бы проходим мимо себя и живем полностью внешним. А ведь если мы хотим жить духовной жизнью, то должны воспитывать себя в определенном направлении, воспитывать в действиях, словах, мыслях. Как часто мы живем сплеча: ну выругался, сказал неправду, осудил – подумаешь, ну и что, вот это и есть безответственность.

Когда мы внимательны к себе, то воспитываем себя не только по отношению к себе, но и по отношению к замыслу Божию о нас. Надо ставить вопрос: что Господь хочет от нас каждый день, каждый час, что бы Его радовало? Вот это – чувство ответственности по отношению к Богу именно из любви к Нему; мы хотим радовать Его, хотим сделать приятное Богу. Христианская ответственность: когда мы действительно живем в Боге и для Бога, когда мы спрашиваем Божиего благословения

на предстоящий день, а в конце дня благодарим Господа. Надо помнить, что мы созданы не для себя, не для личного счастья, а для Бога и для ближних, которые даны нам в лице родных, друзей, знакомых. Вот это должно быть главным в нашем сознании. Отсюда и рождается чувство ответственности.

Ответственность перед Богом проявляется в молитве, посещении храма, постоянной памяти о Боге, в желании быть с Богом; не нарушать по возможности церковного устава, то есть того, что, как мы веруем, установлено Богом; регулярно исповедоваться, причащаться. Так, епископ Петр в своем труде «Указание пути к спасению» дает глубокое объяснение обязанностей по отношению к Богу: «Надобно с благоговением пользоваться Святыми Таинствами, установленными Иисусом Христом, особенно Таинством Покаяния и Евхаристии. На все вещи надобно смотреть, как на творение Божие, уразумевать назначение их, чтобы не злоупотреблять ими; на все происшествия в мире физическом и нравственном надобно смотреть, как на действия Промысла Божиего, уразумевать цели их, чтобы во всех тварях и во всех действиях Божиих усматривать и прославлять премудрость, благодать, всемогущество, святость, величие Божие, и благоговеть пред Богом»³³⁰.

Наша ответственность по отношению к Богу проявляется также и в том, что мы любим Бога через человека и в человеке. Это уже ответственность по отношению к ближнему. Заповедь о любви к Богу и к человеку двуедина. Христос говорит: *наибольшая заповедь ... возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя (Мф.22:37–39)*; и это взаимосвязано. *Любить ближнего как самого себя* – очень непросто. Когда речь шла о любви к себе, имелась в виду любовь к своему внутреннему человеку, таким же образом необходимо и в ближнем видеть не его ничтожество, а образ Божий в нем. Любить его икону, часто затемненную, изуродованную грехом, но всё равно стараться видеть эту икону и поддерживать человека в его добром устройении, в его

стремлении к добру. Нужно содействовать его росту, а не топить человека осуждением, отвержением, ругательством – вот основа ответственности по отношению к человеку.

Отношение к ближнему проявляется в словах, в общении. Если верующий христианин при ближнем позволяет себе выругаться, вести себя непристойно, то это уже безответственное отношение к ближнему. Этим он вводит его в грех осуждения, а это большой грех, или в грех соблазна: а почему я не могу так попробовать? В этом вина перед ближним. Ввести человека в грех можно неосторожным словом, недостойным поведением, небрежностью: если человек раздражился, то он согрешил, обидел ближнего, можно было без этого обойтись, можно было не раздражаться, не оскорблять человека. Иногда приходится пожертвовать даже каким-то делом, кажущимся важным, и предпочесть отношение к человеку. Важнее соблюсти мир, не повысит голос, не обратиться фамильярно, небрежно. Ответственность перед ближним заключается в первую очередь в том, чтобы своим поведением давать пример христианской любви, соответствовать своему мировоззрению, жить по своей вере. Значит, ответственность перед ближним должна быть за каждое слово, за каждый жест.

Случается, что мы проявляем наплевательское отношение к человеку, неуважение, необязательность, не выполняем обещаний. Плохо и непорядочно, когда человек обещал – и не выполнил по собственной лени, по нерадению. Святой праведный Иоанн Кронштадтский в своем дневнике пишет: «Обещавши, исполни. Это правило священо для всякого христианина, но особенно для тебя, священника. Ты служитель Бога истины, Который всё обещанное или исполнил, или непременно исполнит»³³¹. В отношениях с ближним требуются пунктуальность и педантичность. То же самое с опозданием – сообщи, если ты не можешь, просто позвони по телефону. Ведь как священник служит? Уж он обязательно должен прийти на службу; если у него случился инсульт, даже и тогда кто-то сообщает, что он заболел; но непременно сообщает; а если не сообщил – вот это безответственность, наплевательство. Всегда

требуются элементарная ответственность и порядочность. По патриарху Алексию (Симанскому) можно было проверять часы, а опоздать к нему было немыслимо, это скандал, это недопустимо.

Существует еще ответственность перед материальным миром, вверенным нам Богом: перед вещами и природой. Мы ответственны перед домашними животными: покормить кота или собачку, дать корм канарейкам – всё это надо делать аккуратно. К вещам неодушевленным, естественно, есть ответственность, требуется держать их в порядке, потому что они служат нам. У патриарха Алексия I порядок был идеальный; все вещи, облачения, даже самые старые, выглядели совершенно как новые.

Я не встречал такой аккуратности больше ни у кого, не видел, чтобы так относились к вещам; к митрам, облачениям, ко всем своим аксессуарам; к своей одежде, к своему телу, чистоплотность во всем. Его ответственность даже перед вещами была потрясающей.

В душевную добропорядочность входит и чистота помещения, и аккуратность в отношении к вещам, которые есть у человека, к письменным принадлежностям, словом, ко всему, с чем он работает. Что касается священника, то прихожане всегда оценивают пастыря по убранству его жилья. Архимандрит Киприан (Керн) в своих очерках по пастырскому служению писал: «Скромность, серьезность и чистота должны украшать дом иерея. Бедность никогда не будет поставлена в укор, но беспорядок и чрезмерная светскость могут соблазнить многих».

Соблюдение телесной чистоты, забота о своем здоровье – это ведь тоже ответственность. Другое дело, когда человек заболевает; но тут уж воля Божия. Чистоплотность тела необходима: тело – храм живущего в нас Духа Божия. К нему нельзя относиться кое-как, небрежно – не мыться, например; это как раз безответственное отношение к себе – к телу, душе, духу, то есть ко всему своему составу, к своим внутренним силам. Так что к телу должно быть ответственное отношение; и потом уже, конечно, к предметам, ко всему внешнему.

Отношение к своему здоровью тоже входит сюда. Но речь не идет о мнительности. Некоторые люди чуть что сейчас же готовы лечиться, лечиться и лечиться. Нужно здоровое отношение: если заболел – прими меры, зная, что лекарства от Бога, но и результат – выздоровеешь ты или не выздоровеешь – всё равно от Бога. Однако специально во вред своему здоровью, своему телу, человек не должен ничего делать: курение, алкоголь, тем более наркотики; и всякие непомерные вещи, когда человек, скажем, знает, что ему нельзя поднимать тяжести, а он поднимает, игнорируя свое здоровье. Это неправильно: здоровье – дар Божий; если оно тебе дано, ты должен его беречь, относиться к нему ответственно. Но не больше того: если нужно пожертвовать своим здоровьем ради ближнего, ты, конечно, жертвуешь; это вполне естественно, например, спасти замерзающего, забывая себя. Совершить самоотверженный акт ради другого, но не для себя, не для того, чтобы бравировать своим здоровьем. Господь знает меру: когда, что и как; поэтому надо довериться Богу в отношении своего здоровья и не вредить себе. Когда человек поздно ложится – это он явно делает во вред себе. Это как медленное самоубийство: человек делает что-то во вред себе, и, зная это, всё равно продолжает делать.

Чревоугодие тоже нарушение ответственности по отношению к своему телу, а через это, естественно, и к душе, потому что это страсть. Желание удовлетворить свои вкусовые пристрастия, жить этим и мечтой об этом в аскетике называется гортанобесием; словом, всякое удовлетворение своим страстям, которое противоестественно, чрезмерно, не нужно, излишне – всё это безответственное отношение к своему телу. Отсюда и душе вред наносишь, потому что это грех, нарушение внутренней гармонии.

Для христианина существует еще один род ответственности: ответственность перед обществом, перед законом, перед своей страной, перед сотрудниками учреждений, с которыми мы связаны. Обширен круг тех вещей, перед которыми мы ответственны. Мы отвечаем перед государством, перед теми порядками, в которых находимся, перед законом и перед

людьми, которые связаны выполнением всех этих правил. Нельзя ими пренебрегать; а то и сам поплаতিшься, а главное, через тебя могут пострадать другие.

Однако, если мы делаем по своей вере, но вопреки каким-то законам государственным, то тут мы имеем право нарушить их. Как сказано у Апостола: *слушайте больше Бога, а не человеков* (Деян.4:19), не людей; если закон, вопреки нашим убеждениям и совести, мы не можем грешить перед своей совестью и перед Богом. Но к закону надо относиться серьезно. Так, мученикам первых веков говорили: вот статуя императора, что тебе стоит, положи ладана, возложи венок, поклонись ей, и ты будешь совершенно свободен; а верь хоть во Христа, хоть в кого хочешь верь. Они говорили: нет, император только человек, если будем поклоняться ему, мы отречемся от Христа, мы предадим Его. И они не делали, шли на мучения, жизнь отдавали – это не просто так. В этом-то и есть ответственность.

В неверующей светской среде, или просто малоцерковной, представление об ответственности имеет часто другое основание: оно чисто внешнее. Человек старается держаться в рамках приличия, светских обычаев, соблюдать этикет ради своей какой-то выгоды, чтобы его не изгнали из сообщества уважаемые им люди. Представьте: прийти, допустим, на правительственный банкет, и... высморкаться в салфетку; как на вас посмотрят, пригласят ли вас в следующий раз? Вряд ли; вот и всё, и кончена ваша карьера – светская, конечно. И это совсем другая ответственность; здесь нет духовной цели.

Ответственность перед Богом требует иногда того, чтобы мы поступились и светскими обычаями, и какими-то принятыми в обществе отношениями ради чего-то более существенного; поэтому человек, отвечающий перед Богом, не всегда приемлется миром, светским обществом; духом мира сего не приемлется. Внешние интересы: тщеславие, карьера, стяжание денег – ему чужды; и общество, которое живет этими целями, не принимает такого человека, потому что у них разные интересы; его могут уважать за верность своим убеждениям, но он не свой в таком обществе. Дух мира сего от *князя мира сего* (Ин.12:31) -это надо помнить.

А князь мира сего – это диавол, который руководит всей антидуховностью, антилюбовью; и дух мира сего – это дух эгоизма, себялюбия, короче говоря, служения своим страстям. Так вот, когда человек живет не по Богу, идет в ногу со всем антидуховным обществом, именно когда он служит всем страстям и угождает себе, его часто начинают уважать, и он приемлется миром: *Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир (Ин.15:19)*, – говорит Христос. Тому, кто хочет жить духовной жизнью, бывает в мире нелегко. Он должен готовиться быть изгнанным, отверженным, вообще забытым; вот это надо помнить. Дух Христов чужд духу мира сего, и слово Божие говорит нам о том, что *они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня (Мф.10:17–18)*; Сам Христос сказал, что мир Меня прежде вас возненавидел (Ин.15:18).

Человек, живущий духовной жизнью, не может быть в единстве с миром, его путь совершенно особый. Есть монастырь и есть монастырь в миру, то есть в любом случае должен быть настоящий подвиг. Это и есть идеал, в том смысле, что человек может жить в кругу своей семьи духовной жизнью. Есть блаженные семьи, где существует единство мировоззрения, взглядов на жизнь, и надо дорожить таким вот единством.

Но бывает, когда близкие люди начинают жалеть человека, это то, про что сказано: *И враги человеку домашние его (Мф.10:36)*; они стараются отвратить его от духовной жизни из саможаления, возбудить у него жалость к себе. Вот, ты не с нами, ты не развлекаешься, не делаешь того, что мы делаем, не ходишь в гости и так далее; начинают преувеличивать, что ты изнуряешь себя, постишься. Вот так ближние, даже самые близкие люди, могут быть врагами; потому что в семье одни придерживаются одного мировоззрения, другие – другого. Это бывает даже внутри христианской, казалось бы, семьи; один человек стремится к активной духовной жизни, а другой, наоборот, плывет по течению, живет как придется: я, мол, верю

в душе, мне достаточно. И часто в семье возникают непонимание и разногласия; это очень тяжело, особенно между близкими людьми – между мужем и женой, родителями и детьми. Один стоит на почве мира сего, а другой – на почве духовной; один Богу хочет служить, а другой хочет служить себе и вкусам и обычаям мира сего, быть достойным в глазах людей. Надо знать, что всегда возможно отрицательное и враждебное отношение к духовной жизни, потому что дух мира сего всегда враждебен духу Христову; знать, но не бояться ничего. Даже у священников со своей семьей бывают разногласия такого рода; совершенное отчуждение может быть. Но бояться этого не надо, потому что нам это предсказано Господом. Это в порядке вещей: люди разные, и у них разные духовные дарования или отсутствие этих дарований в какой-то мере, и разная степень их духовной приобщенности. Так что здесь и осуждать нельзя, и вместе с тем нельзя идти на поводу у духа мира сего. Поэтому христианину – настоящему христианину, конечно, не по названию, а по сущности – бывает трудно жить; трудно, но можно. Только всегда надо помнить, что христианская ответственность – это ответственность особая: непосредственно перед Богом.

Но и верующие, воцерковленные люди, которые живут как будто церковно, часто отвлекаются, то есть стараются обращать внимание на всё внешнее: нужно то-то, поклонов столько-то, молитв столько-то, или боятся оскоромиться в чем-то, или еще что-нибудь, забывая о том, что всё это только средство. Ответственность в этих вещах нужна, и нужна строгость к себе, но это не должно быть на первом месте в нашем сознании. Главное – любовь к Богу. Задача христианина – быть человеком среди людей, быть человеческим; а мы до этого часто не поднимаемся. Совсем не редкость, что бываем бесчеловечны, равнодушно проходим мимо и страдания человеческого, и нужды человеческой.

Человечность – это умение в каждом видеть человека. Вот на что надо обратить внимание, вот этого хочет Господь: нашего сердца; дать сердце другому человеку: *Сын мой! отдай сердце твое мне* (Притч.23:26). Вот на что Господь обратит внимание

на Страшном суде; а суд-то – это не только в конце, суд – по смерти каждого из нас, частный суд; и ведь всё это наступает, это приближается.

Глава VII О некоторых ошибочных суждениях

В современной православной литературе можно встретить мысль о том, что духовник – скульптор человеческой души. Мысль эта очень сомнительна, как и всё, что порождает отношение несвободы. Есть такое понятие аскетики – младостарчество, когда священник думает, что, приняв сан, он уже старец, имеет право руководить и вести человека на небо. Это полный абсурд: у него ни опыта нет, ни соответствующих знаний. Он не имеет такого права. Вот и получается младостарчество. Вполне возможно, что при этом и пастырь, и пасомый попадают в яму. Такое мнение священника о себе ведет в погибель, а не на небо. Сейчас, к сожалению, подобное бывает с молодыми, недавно рукоположенными пастырями: они мнят себя старцами. Это страшная вещь.

Старец – явление харизматическое, можно сказать, духовный гений, и не каждому это дается, а единицам. Отец Иоанн (Крестьянкин) правильно говорил: «Сейчас нет старцев, но есть опытные старички». Так что сегодня нельзя подходить к священникам как к старцам. Руководствуйтесь святоотеческой литературой, своим духовником и смиренно идите этим путем, спокойно, без каких-либо взрывов, без каких-то особых сверхмощных подвигов, Боже сохрани. Сейчас время скромное, люди святые должны быть в тени, не должны сообщать никаких внешних чудес, а скромно исполнять волю Божию на своей должности, смиренно жить по Промыслу Божию и никаких сверхзадач себе не ставить, – вот таков путь сейчас, в наше время. И это очень важное указание старцев.

Но духовник вправе дать оценку самого греха, потому что грех есть грех. Духовник, естественно, помогает человеку его осознать, если тот сам не осознает; называет надлежащим именем грех, который тот совершил. Он должен помочь, для этого он и существует, – но без насилия, а только чтобы человек осознал, разобрался в себе. А уже вторгаться в свободу человека, в его отношения с Богом духовник не должен; ему нужно присматриваться, как Господь воздействует, – и помогать

человеку раскрываться навстречу этому воздействию. Духовник должен устранять препятствия на пути, расчищать дорожку, – в этом задача духовника.

Абсолютно неверно мнение о том, будто бы духовник должен оказывать давление. Среди молодых священников встречаются такие, которые применяют императивное руководство: делай так и так, не делай так. Этого не должно быть. Духовник – это старший друг; он такой же грешник, но просто он по некоей опытности и по своему сану может помогать, присматриваясь к тому пути, которым идет данный человек, – именно к его индивидуальному пути. Задача духовника – выполнять замысел Божий о человеке, а не свой собственный замысел, и притом о данном человеке, выявить то, что Господь задумал о каждом человеке. Никак нельзя ничего нарушать, вторгаться своей волей, а «это делай», «это не делай» и так далее – такого не должно быть. Тут необходима именно большая чуткость и, конечно, любовь. Если есть любовь, она всё определяет и подсказывает. Любовь в сердце подскажет и нужные слова, и выражения. Тогда и у человека появится ответственность за свои поступки, и даже какой-то страх, – добрый страх оскорбить, огорчить, но не духовника, а прежде всего Бога, потому что духовник ведет к Богу, а не к себе. Бывает, духовники ведут к себе, то есть привязывают к себе именно как к личности, этого не должно быть. К Богу нужно привести, ко Христу, всё внимание направить на это. Тому, кто исповедуется, надо помнить, что духовник – это путеводитель ко Христу; Христос здесь главный – и никто другой. Он умер за нас, Он имеет право совершать Литургию и другие Таинства, – именно только Христос. Священник – это только видимый посредник. Так что это очень большая задача – чуткость и деликатность по отношению к пасомому, к приходящему. Всякое давление и какие бы то ни было приказы, естественно, исключены.

Ощущение свободы пасомым невредно, наоборот, оно должно быть всегда. Выбор пути обязательно остается за человеком; даже ребенок должен чувствовать себя свободным, уважаемым. Он личность, и родителям необходимо

формировать сознание личности; всё воспитание – на этой основе. Не давить, а говорить с ним, убеждать, объяснять, чтобы он чувствовал, что свободен. Вот так и духовнику всегда следует поступать: никогда не давить, не насиловать, чтобы пасомый был свободен. Пастырь только помощник; он может скорбеть вместе с ним, плакать вместе с ним о его грехопадениях, именно сострадать ему. Духовник должен иметь дар сострадательной любви к пасомому грешнику, которому трудно, который не справляется. Такая любовь – это великое дело, трудное, но задача настоящего пастыря – именно быть сострадательным.

К слову сказать, у людей, «привыкших» к несвободе, проявляется сугубое желание быть руководимым, обязательно кроме «рядового» духовника иметь еще и «старца». Это желание очень нездоровое, это уход от всякой ответственности за свою жизнь, за свои поступки, перекладывание своей ответственности на духовника. В случае неудачи обвиняют духовника.

Если человек приходит к священнику, исповедуется у него, но далеко не всегда слушается и только с течением лет постепенно начинает прислушиваться – это вполне нормально. Человек должен понимать целесообразность слов духовника, их соответствие Божиим заповедям. Начинает понимать – тогда начинает и больше прислушиваться, и больше старается исполнить, – но по своей воле, по своему доверию к Богу, а не то что сразу, по приказу, но именно исходя из внутреннего духовного доверия, из убежденности, что в этом есть правда Божия, что его духовник – это проводник Божией, а не своей воли. Священника только так можно рассматривать: чем он смиреннее, тем лучше. Если у него нет смирения, это воздействует отрицательно, а если у него есть хоть какое-то смирение перед Господом, – он передает это и своему пасомому, тот чувствует это смирение.

Отец Александр Ветелев имел какое-то такое смирение, которое ощущалось даже если просто на него посмотреть; у него был дар сострадательной любви, «дыхание любви». Удивительный был человек.

Иногда задают вопрос: когда люди «обязаны» слушаться священников, а когда «не обязаны»? Насколько «обязаны» слушаться? Возможно ли непослушание священнику? Послушание священнику – это не слепое подчинение приказу, а всегда осознанное, свободное решение пасомого следовать совету священника, основанное на доверии к опыту, мудрости и знаниям пастыря. Люди не «обязаны» никого слушаться; слушаться можно только по любви и только в свободе. Если есть свой духовник, который знает недостатки человека, он может прислушаться к голосу священника как к голосу старшего, опытного друга – просто прислушаться, но свободный выбор всё равно только за человеком. Никаких «обязанностей» здесь нет, есть свобода; всегда остается свобода подчиниться или не подчиниться, в том числе даже и своему духовнику. Каждый человек свободен. Христос говорит: *кто хочет идти за Мною* (Мк.8:34), – *кто хочет* – это Христос говорит, и эти слова надо помнить, потому что Он не говорит просто *идите за Мною* (Мф.4:19), – это Он говорил Апостолам, которых Он знал, – а другим людям говорил: *если кто хочет*, то есть только по свободе. Никакого давления, приказа, ничего волевого, ни в коей мере. «Обязанность» здесь – очень плохая вещь и приводит к нежелательным результатам, а нужно только свободное решение самого человека: вот, предлагают тебе, пожалуйста, выбирай. Тебе предлагают с любовью, а когда есть любовь, она может дать очень много. Если духовник любит свое чадо и есть взаимное доверие, тогда можно и прислушаться, но не по обязанности, а уже по любви, и это совсем другое дело. Вот, скажем, есть сыновство, есть наемничество, а есть рабство. Рабский страх – это «обязанность»; раб обязан, потому что иначе его накажет хозяин. Наемник повинует за награду.

А сыновство – это по свободе, не по обязательству, а по любви к отцу. Всё, что делает сын, он делает только по любви к отцу.

Сейчас активно развивается система психологической помощи. Как к этому относиться?

Не всегда она полезна. Если психолог неверующий – подчас приходится говорить об отрицательном воздействии. Я

думаю, что всякое подавление свободы человека недопустимо никаким способом – через слово, через гипноз воздействовать на волю человека. Бог дает человеку полную свободу; Бог уважает свободу человека. Какое же право имеет человек подавлять свободу другого? Если человек воспитывает малого ребенка, он может формировать его до определенного возраста, тогда, когда это делается просто с целью помочь ему встать на какие-то рельсы, подняться на нравственную высоту. Но вообще подавление воли – вещь очень опасная. Могут быть разъяснительные беседы, может быть ссылка на заповеди Божии, на Священное Писание. А главное в Церкви есть определенное средство: Исповедь, покаяние и Причащение Святых Таин; вот к чему надо привести человека. Если психолог помогает человеку разобраться в собственной душе, увидеть свои недостатки, познать себя, настраивает его на покаяние, на Исповедь, то это нормально, это хорошо. Если он не настраивает на покаяние – это вредно и не нужно, и мне думается, может быть, вредно абсолютно. Такое воздействие не приведет к хорошим результатам. Православный психолог должен беседовать так, чтобы настроить человека на пробуждение совести. Вот что реально и правильно, вот что воздействует положительно. Но не иное! Человек должен прибегнуть к лечебным средствам Церкви, прийти к покаянию, к осознанию своей греховности. Вот когда он осознает, поймет, что он разлучился с Богом, осознает глубоко, он будет сокрушаться об этом. Когда человек разлучен с Богом – это большая беда. Можно давать ему соответственные примеры, пробудить понимание, что он бесплоден духовно. И, главное, настраивать на покаяние, на Исповедь и примирение с Богом, на восстановление союза с Богом.

Привести человека к Богу – вот какова должна быть задача психолога. Пробудить его. Пусть он никаких других задач себе не ставит. Если он достиг того, что его пациент осознал, что на нем большой груз грехов, что он отделен от Бога, почувствовал духовный голод, ощутил, что он изгнанник из рая, как Адам, почувствовал неодолимое желание восстановить свой союз с Богом, – тогда психолог на верном пути, правильно на него

воздействует. И пусть тогда психолог предоставит его священнику и Таинству покаяния, Исповеди. Этого вполне достаточно.

В «православной психологии» часто встречается смешение душевного и духовного планов; психолог, грубо говоря, начинает «лезть» в аскетику, замещать собой священника. Вот этого делать нельзя. Это, знаете ли, отсутствие всякого смирения, а где нет смирения, там нет ни-че-го; смирение – это самая главная добродетель. Психологу, как и любому другому человеку, надо смиряться, а погружаться в такие высокие вещи, как аскетика, как школа воздержания, в систему специальных упражнений – это опасная вещь. Здесь можно в такую прелесть впасть – не приведи Бог. Может возникнуть гордыня, подмена настоящего иллюзией, бесовщиной. Если человек не имеет смирения, никакие другие добродетели в очах Божиих цены не имеют. *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим (Мф.11:29).*

К священнику приходят люди с таким состоянием души, которое может быть интересно психиатру, в частности с различными навязчивыми идеями, фобиями, истерией, неврастенией. Пастырь, конечно, не ставит диагноз душевных болезней, но знания в области психиатрии необходимы ему, для того чтобы избежать неверных рекомендаций, а также заметить первые признаки заболевания пасомого. Священник Александр Ельчанинов советовал молодым пастырям: «Всякий священник должен быть хорошо осведомлен в области нервных и психических болезней – это совершенно необходимо в практике духовничества.

Обычный случай, когда исповедующийся, а с ним и духовник принимают явление чисто нервного порядка за переживания религиозные, или когда священник не умеет определить истерическую подкладку многих явлений и тем только ухудшает положение. А часто и обратное – за нервную болезнь принимается тяжелое состояние души, отягощенной грехом, запутанной и омраченной неразрешенными конфликтами. Известны случаи, когда одна Исповедь бесследно излечивала застарелые и тяжелые, будто бы нервные

заболевания, против которых бессильны были все медицинские средства»³³².

Развивающееся сегодня сотрудничество науки и Церкви нужно приветствовать. В последнее время появляются книги, написанные как духовными лицами, так и православными врачами, в которых священник может найти руководства по пастырской психиатрии.

Список литературы

- Антоний Великий, преп.* Духовные наставления. М., 1998.
- Афанасий Александрийский, свт.* Творения. М., 1994. Т. 3.
- Афанасий Великий, свт.* Жизнь и наставления преподобной Синклитики Александрийской. М., 2000.
- Вопросы св. Сильвестра и ответы преп. Антония. М., 2001.
- Григорий Богослов, свт.* Творения. М., 1889. Ч. I.
- Григорий Богослов, свт.* Творения. М., 1889. Ч. IV.
- Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. Т. 1.
- Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 2.
- Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 3.
- Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
- Древний патерик. М., 1997.
- Евагрий, авва.* Аскетические и богословские трактаты. М., 1994.
- Ефрем Сирин, преп.* Творения. М., 1993. Т. 1.
- Ефрем Сирин, преп.* Творения. М., 1993. Т. 2.
- Ефрем Сирин, преп.* Творения. М., 1994. Т. 3.
- Ефрем Сирин, преп.* Творения. М., 1995. Т. 4.
- Ефрем Сирин, преп.* Творения. М., 1995. Т. 5.
- Житие святого Порфирия, епископа Газийского. Нила монашествующего повесть об убиении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына его. М., 2002.
- Избранные места из творений святого Исаака Сириянина. Собраны Е. И. В. Великой Княгиней Милицей Николаевной. СПб., 1908. С.117.
- Изречения египетских отцов: Памятники литературы на коптском языке / Введ., пер. с коптского, коммент. А. И. Еланской. СПб., 2001.
- Иоанн Златоуст, свт.* О священстве. СПб., 1872.
- Иоанн Златоуст, свт.* Творения. СПб., 1905. Т. 11.
- Иоанн Кассиан Римлянин, преп.* Весьма полезное слово к игумену Леонтину (о рассуждении). Шамордино, 1918.

Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.

Иоанн Кронштадтский, св. прав. Священнику: Извлечения из дневниковых тетрадей. М., 2005. С. 48.

Иоанн Мосх, блж. Луг духовный. Сергиев Посад, 1915.

Исидор Пелусиот, преп. Творения. М., 1859. Ч. 1.

Исидор Пелусиот, преп. Творения. М., 1860. Ч. 2.

Исидор Пелусиот, преп. Творения. М., 1860. Ч. 3.

Книга Правил святых Апостолов, святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отцов. Бровары, 2002.

Макарий Египетский, преп. Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.

Макарий Египетский, преп. Творения. М., 2002.

Многоценная жемчужина: Лит. творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии / Пер. с сир. и греч., сост., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. Киев, 2003.

Наставления святых отцов. Библиотека форума «Православная беседа»: <http://beseda.lgg.ru/library>.

Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000.

Орсисий Тавенисиотский, преп. Учение об устройении монашеского жительства. М., 1859.

Палладий Еленопольский, еп. Лавсаик. М., 1992.

Подвижники благочестия, процветавшие на Синайской горе и в ее окрестностях. К источнику воды живой: Письма паломницы IV века. М., 1994.

Руфин, пресв. Жизнь пустынных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898.

Скитский патерик. М., 2001.

Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995.

Творения древних отцов-подвижников. М., 1997.

У истоков культуры святости: Памятники древнецерковной аскетической и монашеской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. проф. А. И. Сидорова. М., 2002.

Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996.

Антоний, еп. Статьи по пастырскому богословию. Полн. собр. соч. Казань. 1900. Т. II. С. 241.

Алексий Остапов, прот. Пастырская эстетика. М.: Издательство Московской Патриархии, 2000.

Александр Ельчанинов, свящ. Записи. Изд. 2-е, доп. Париж. С. 131.

Горунович Я. Учение о пастырском служении древних отцов и учителей Церкви. Смоленск, 1899.

Журавский И., прот. Истинный путь богопознания. Киев, 1919.

Заварин Н. Пастырское служение по учению св. Исидора Пелусиота // Православный собеседник, 1899. Июнь.

Свеча Богу: Московский старец протоиерей Василий Серебренников (1907–1996). Свято-Троице-Сергиева Лавра, 2006. С. 303.

Указание пути к спасению (опыт аскетике). Труд епископа Петра. М.: Типография М. Г. Волчанинова (бывшая М. Н. Лаврова и К°), 1885. С. 415.

Примечания

- ¹ - Журавский И., прот. Истинный путь Богопознания. Киев, 1919. С. 12.
- ² - Горунович Я. Учение о пастырском служении древних отцов и учителей Церкви. Смоленск, 1899. С. 4.
- ³ - Макарий Египетский, преп . Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 463.
- ⁴ - Добротолубие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. Т. 1. С. 15–16.
- ⁵ - Феодор (Поздеевский), архиеп. Смысл христианского подвига. Троице-Сергиева Лавра, 1911. С. 53–54.
- ⁶ - Григорий Богослов, свт. Творения. М., 1889. Ч. IV. С. 67.
- ⁷ - Исидор Пелусиот, преп . Письма. М., 1859. Ч. 1. С. 200.
- ⁸ - Там же. С. 284.
- ⁹ - Григорий Богослов, свт . Творения. М., 1889. Ч. 1. С. 250.
- ¹⁰ - Нил Синайский, преп . Подвижнические письма. М., 2000. С. 475.
- ¹¹ - Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 224.
- ¹² - Макарий Египетский, преп . Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 433–434.
- ¹³ - Ефрем Сирин, преп . Творения. М., 1995. Т. 5. С. 264.
- ¹⁴ - Ефрем Сирин, преп . Творения. М., 1993. Т. 2. С. 398.
- ¹⁵ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 275.
- ¹⁶ - Макарий Египетский, преп. Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 284.
- ¹⁷ - Евагрий, авва . Аскетические и богословские трактаты. М., 1994. С. 79.
- ¹⁸ - Исидор Пелусиот, преп. Творения. М., 1859. Ч. 1. С. 316, 625.
- ¹⁹ - Феодорит Кирский, блж . История боголюбцев. М., 1996. С. 225.

²⁰ - Макарий Египетский, преп. Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 133.

²¹ - Руфин, пресвитер. Жизнь пустынных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 12.

²² - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 275.

²³ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 426.

²⁴ - Иоанн Златоуст, свт. О священстве. СПб., 1872. С. 107.

²⁵ - Евагрий Понтийский, авва. О помыслах // У истоков культуры святости: Памятники древнецерковной аскетической и монашеской письменности « Вступ. ст., пер. и коммент. проф. А. И. Сидорова. М., 2002. С. 450–451.

²⁶ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 26.

²⁷ - Макарий Египетский, преп. Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 30–31.

²⁸ - Там же.

²⁹ - Макарий Египетский, преп. Духовные беседы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 245.

³⁰ - Афанасий Великий, свт. Жизнь и наставления преподобной Синклитики Александрийской. М., 2000. С. 45.

³¹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 463.

³² - Там же. С. 25–26.

³³ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 256.

³⁴ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 279.

³⁵ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 381.

³⁶ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 234.

³⁷ - Макарий Египетский, преп. Духовные беседы // Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 96.

- ³⁸ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 195.
- ³⁹ - Орсисий Тавенисиотский, преп. Учение об устройении монашеского жительства. М., 1859. С. 94.
- ⁴⁰ - Скитский патерик. М., 2001. С. 117–118.
- ⁴¹ - Макарий Египетский, преп. Духовные беседы // Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 96.
- ⁴² - Аммон, св. Наставления // Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 47.
- ⁴³ - Макарий Египетский, преп. Творения. М., 2002. С. 573.
- ⁴⁴ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 260.
- ⁴⁵ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 195.
- ⁴⁶ - Там же. С. 278.
- ⁴⁷ - Иоанн Карпафский, преп. К монахам, находившимся в Индии, писавшим к нему, сто увещательных глав // Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 3. С. 80.
- ⁴⁸ - Афанасий Великий, свт. Жизнь и наставления преподобной Синклитики Александрийской. М., 2000. С. 46.
- ⁴⁹ - Евагрий, авва. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994. С. 136.
- ⁵⁰ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 205–206.
- ⁵¹ - Евагрий, авва. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994. С. 138.
- ⁵² - Марк Подвижник, преп. Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 32.
- ⁵³ - Книга Правил святых Апостолов, святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отцов. Прав. свв. апп. 19, 61, 66, св. Григория Нисского 8. Бровары, 2002.
- ⁵⁴ - Там же. Прав. свв. апп. 44, Карфагенского Собора 5.

- ⁵⁵ - Орсисий Тавенисиотский, преп. Учение об устройении монашеского жительства. М., 1859. С. 43–44.
- ⁵⁶ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 165.
- ⁵⁷ - Подвижники благочестия, процветавшие на Синайской горе и в ее окрестностях. К источнику воды живой: Письма паломницы IV века. М., 1994. С. 175.
- ⁵⁸ - Макарий Египетский, преп. Великое послание // Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 114–115.
- ⁵⁹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 371–372.
- ⁶⁰ - Изречения египетских отцов: Памятники литературы на коптском языке / Введ., пер. с коптского, коммент. А. И. Еланской. СПб., 2001. С. 40.
- ⁶¹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 309.
- ⁶² - Зосима Палестинский, авва, блж. Собеседования // Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993. Т. 3. С. 114.
- ⁶³ - Макарий Египетский, преп. Великое послание // Творение древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 115.
- ⁶⁴ - Исаия, отшельник Египетский, преп. Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 255.
- ⁶⁵ - Древний патерик. М., 1997. С. 18.
- ⁶⁶ - Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 370–371.
- ⁶⁷ - Там же. С. 371.
- ⁶⁸ - Там же. С. 372.
- ⁶⁹ - Там же. С. 371.
- ⁷⁰ - Там же. С. 371.
- ⁷¹ - Нил Синайский, преп. Творения. М., 1858. С. 236.
- ⁷² - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 275.

- ⁷³ - Там же. С. 225.
- ⁷⁴ - Руфин, пресв. Жизнь пустынных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 59.
- ⁷⁵ - Аммон, св. Наставления // Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 49.
- ⁷⁶ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 216–217.
- ⁷⁷ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 348.
- ⁷⁸ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 98.
- ⁷⁹ - Макарий Египетский, преп. Великое послание // Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 115.
- ⁸⁰ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 181–182.
- ⁸¹ - Там же. С. 259–260.
- ⁸² - Руфин, пресвитер. Жизнь пустынных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 59.
- ⁸³ - Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 190.
- ⁸⁴ - Афанасий Александрийский, свт. Житие преподобного отца нашего Антония // Творения. Т. 3. М., 1994. С. 245–246.
- ⁸⁵ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 227.
- ⁸⁶ - Древний патерик. М., 1997. С. 27.
- ⁸⁷ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 318.
- ⁸⁸ - Афанасий Александрийский, свт. Жизнь и наставления преподобной Синклитики Александрийской. М., 2000. С. 41–42.
- ⁸⁹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 12.
- ⁹⁰ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 66.
- ⁹¹ - Изречения египетских отцов: Памятники литературы на коптском языке / Введ., пер. с коптского, коммент. А. И.

Еланской. СПб., 2001. С. 72.

⁹² - Исаия, отшельник Египетский, преп. Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 401.

⁹³ - Руфин, пресв. Жизнь пустынных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 9.

⁹⁴ - Исаия, отшельник Египетский, преп. Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 212.

⁹⁵ - Антоний Великий, преп. Духовные наставления. М., 1998. С. 230.

⁹⁶ - Исаия авва. Цит. соч. С. 223.

⁹⁷ - Евагрий, авва. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994. С. 139.

⁹⁸ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 309–310.

⁹⁹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 22.

¹⁰⁰ - Изречения египетских отцов: Памятники литературы на коптском языке / Введ., пер. с коптского, коммент. А. И. Еланской. СПб., 2001. С. 108.

¹⁰¹ - Исаия, отшельник Египетский, преп. Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 289.

¹⁰² - См.: Антоний Великий, преп. Духовные наставления. М., 1998. С. 154.

¹⁰³ - Древний патерик. М., 1997. С. 20.

¹⁰⁴ - Там же. С. 25.

¹⁰⁵ - Исаия, отшельник Египетский, преп. Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 214.

¹⁰⁶ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 24.

¹⁰⁷ - Исаия, отшельник Египетский, преп. Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 401.

¹⁰⁸ - Древний патерик. М., 1997. С. 128.

¹⁰⁹ - Марк Подвижник, преп. Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 40.

¹¹⁰ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 55.

¹¹¹ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 156.

¹¹² - Марк Подвижник, преп. Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 40.

¹¹³ - Марк Подвижник, преп. Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 39.

¹¹⁴ - Там же. С. 22.

¹¹⁵ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма, М., 2000. С. 429

¹¹⁶ - Антоний Великий, св. Духовные наставления, М., 1998. С. 174.

¹¹⁷ - Марк Подвижник, преп. Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 33.

¹¹⁸ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 449.

- ¹¹⁹ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 221.
- ¹²⁰ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 446.
- ¹²¹ - Ефрем Сирин, св. Творения. М., 1995. Т. 4. С. 271.
- ¹²² - Книга Правил святых Апостолов, святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отцов. Прав. свв. апп. 17. Бровары, 2002.
- ¹²³ - Афанасий Александрийский, свт. Жизнь и наставления преподобной Синклитики Александрийской. М., 2000. С. 44.
- ¹²⁴ - Житие святого Порфирия, епископа Газийского. Нила монашествующего повесть об убиении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына его. М., 2002. С. 119.
- ¹²⁵ - Иоанн Златоуст, свт. Творения. СПб., 1905. Т. 11. С. 185–186.
- ¹²⁶ - Исидор Пелусиот, преп. Творения. М., 1860. Ч. 3. С. 14.
- ¹²⁷ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 74.
- ¹²⁸ - Там же, С. 87–88.
- ¹²⁹ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 73.
- ¹³⁰ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 70–71.
- ¹³¹ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 161.
- ¹³² - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 204.
- ¹³³ - Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Весьма полезное слово к игумену Леонтину (о рассуждении). Шамордино, 1918. С. 12.
- ¹³⁴ - Исаия, отшельник Египетский, преп. Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 294.
- ¹³⁵ - Там же, С. 398.

¹³⁶ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С.161.

¹³⁷ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 57.

¹³⁸ - Изречения египетских отцов: Памятники литературы на коптском языке / Введ., пер. с коптского, коммент. А. И. Еланской. СПб., 2001. С. 58.

¹³⁹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 145.

¹⁴⁰ - Древний патерик. М., 1997. С. 68.

¹⁴¹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 88.

¹⁴² - Исаия, отшельник Египетский, преп . Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 403.

¹⁴³ - Исаия, отшельник Египетский, преп . Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 400, 403, 406.

¹⁴⁴ - Макарий Египетский, преп . Духовные беседы // Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 83.

¹⁴⁵ - Макарий Египетский, преп . Духовные беседы // Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 84

¹⁴⁶ - Исихий, пресв. Иерусалимский, преп . К Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве // Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 2. С. 164.

¹⁴⁷ - Евагрий, авва. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994. С. 134.

¹⁴⁸ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 43.

¹⁴⁹ - Аммон, св. Наставления // Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 52.

- ¹⁵⁰ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 75.
- ¹⁵¹ - Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 37–38.
- ¹⁵² - Орсисий Тавенисиотский, преп. Учение об устройении монашеского жительства. М., 1859. С. 98–99.
- ¹⁵³ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 448.
- ¹⁵⁴ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 259.
- ¹⁵⁵ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 50.
- ¹⁵⁶ - Аммон, св. Послания // Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 29.
- ¹⁵⁷ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 231–232.
- ¹⁵⁸ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 425.
- ¹⁵⁹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 91.
- ¹⁶⁰ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 289–290.
- ¹⁶¹ - Аммон, св. Наставления // Творение древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 53.
- ¹⁶² - Руфин, пресв. Жизнь пустынных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 105.
- ¹⁶³ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 290.
- ¹⁶⁴ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 90.
- ¹⁶⁵ - Иоанн Карпафский, преп. К монахам, находившимся в Индии, писавшим к нему, сто увещательных глав // Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 3. С. 81.

- ¹⁶⁶ - Аммон, св. Послания // Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 32.
- ¹⁶⁷ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 197.
- ¹⁶⁸ - Изречения египетских отцов: Памятники литературы на коптском языке / Введ., пер. с коптского, коммент. А. И. Еланской. СПб., 2001. С. 80–81.
- ¹⁶⁹ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 197.
- ¹⁷⁰ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 31.
- ¹⁷¹ - Исаия, отшельник Египетский, преп. Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 223.
- ¹⁷² - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 223–224.
- ¹⁷³ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 54, 165.
- ¹⁷⁴ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 425.
- ¹⁷⁵ - Руфин, пресв. Жизнь пустынных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 55.
- ¹⁷⁶ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 302–303.
- ¹⁷⁷ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 31–32.
- ¹⁷⁸ - Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 155.
- ¹⁷⁹ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 233.
- ¹⁸⁰ - Иоанн Мосх, блж. Луг духовный. Сергиев Посад, 1915. С. 156–157.
- ¹⁸¹ - Ефрем Сирин, преп. Творения. М., 1994. Т. 3. С. 406.

- ¹⁸² - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 233.
- ¹⁸³ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 164–165.
- ¹⁸⁴ - Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 14.
- ¹⁸⁵ - Афанасий Великий, свт. Жизнь и наставления преподобной Синклитики Александрийской. М., 2000. С. 41–42.
- ¹⁸⁶ - Марк Подвижник, преп. Дар учительства // Наставления Святых Отцов. Библиотека форума «Православная беседа» <http://beseda.lgg.rulibrary>.
- ¹⁸⁷ - Марк Подвижник, преп. Дар учительства // Наставления Святых Отцов. Библиотека форума «Православная беседа» <http://beseda.lgg.rulibrary>.
- ¹⁸⁸ - Марк Подвижник, преп. Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 13.
- ¹⁸⁹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 413–414.
- ¹⁹⁰ - Афанасий Великий, свт. Жизнь и наставления преподобной Синклитики Александрийской. М., 2000. С. 33.
- ¹⁹¹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 179.
- ¹⁹² - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 205.
- ¹⁹³ - Афанасий Великий, свт. Жизнь и наставления преподобной Синклитики Александрийской. М., 2000. С. 40.
- ¹⁹⁴ - Руфин, пресв. Жизнь пустынных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 54.
- ¹⁹⁵ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 427–428.
- ¹⁹⁶ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 164.

- ¹⁹⁷ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 178.
- ¹⁹⁸ - Там же. С. 121–122.
- ¹⁹⁹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 251–252.
- ²⁰⁰ - Там же. С. 284.
- ²⁰¹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 417.
- ²⁰² - Там же. С. 373–374.
- ²⁰³ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 30–31.
- ²⁰⁴ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 233–234.
- ²⁰⁵ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 201.
- ²⁰⁶ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 224.
- ²⁰⁷ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 231–232.
- ²⁰⁸ - Там же. С. 220.
- ²⁰⁹ - Афанасий Великий, свт. Жизнь и наставления преподобной Синклитики Александрийской. М., 2000. С. 25–26.
- ²¹⁰ - Орсисий Тавенисиотский, преп. Учение об устройении монашеского жительства. М., 1859. С. 31–32.
- ²¹¹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 324.
- ²¹² - Там же. С. 43.
- ²¹³ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 441–442.
- ²¹⁴ - Афанасий Великий, свт. Жизнь и наставления преподобной Синклитики Александрийской. М., 2000. С. 31–32.
- ²¹⁵ - Марк Подвижник, преп. Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 43.

- ²¹⁶ - Там же. С. 50.
- ²¹⁷ - Там же. С. 50.
- ²¹⁸ - Там же. С. 50.
- ²¹⁹ - Марк Подвижник, преп. Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 54.
- ²²⁰ - Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 51.
- ²²¹ - Орсисий Тавенисиотский, преп. Учение об устройении монашеского жительства. М., 1859. С. 17.
- ²²² - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 219, 155.
- ²²³ - Афанасий Великий, свт. Жизнь и наставления преподобной Синклитики Александрийской. М., 2000. С. 58.
- ²²⁴ - Древний патерик. М., 1997. С. 121–122.
- ²²⁵ - Антоний Великий. св. Духовные наставления. М., 1998. С. 155.
- ²²⁶ - Аммон, св. Послания // Творение древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 29.
- ²²⁷ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 185–186.
- ²²⁸ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 402–403.
- ²²⁹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 394.
- ²³⁰ - Там же. С. 161.
- ²³¹ - Орсисий Тавенисиотский, преп. Учение об устройении монашеского жительства. М., 1859. С. 20.
- ²³² - Макарий Египетский, преп. Великое послание // Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 115–116.
- ²³³ - Орсисий Тавенисиотский, преп. Учение об устройении монашеского жительства. М., 1859. С. 71–72.
- ²³⁴ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 219–220.

²³⁵ - Орсисий Тавенисиотский, преп. Учение об устройении монашеского жительства. М., 1859. С. 17–18.

²³⁶ - Орсисий Тавенисиотский, преп. Учение об устройении монашеского жительства. М., 1859. С. 30.

²³⁷ - Палладий Еленопольский, еп. Лавсаик. М., 1992. С. 11.

²³⁸ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 184–185.

²³⁹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 27.

²⁴⁰ - Там же. С. 28.

²⁴¹ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 458.

²⁴² - Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 202–203.

²⁴³ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 37.

²⁴⁴ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 243–244.

²⁴⁵ - Исаия, отшельник Египетский, преп. Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 380.

²⁴⁶ - Евагрий, авва. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994. С. 114.

²⁴⁷ - Ефрем Сирин, преп. Творения. М., 1993. Т. 1. С. 344.

²⁴⁸ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 191.

²⁴⁹ - Марк Подвижник, преп. Дар учительства // Наставления Святых Отцов. Библиотека форума «Православная беседа»: <http://beseda.lgg.rulibrary>.

²⁵⁰ - Руфин, пресв. Жизнь пустынных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1898. С. 28.

²⁵¹ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 199.

- ²⁵² - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 37–38.
- ²⁵³ - Там же. С. 145.
- ²⁵⁴ - Евагрий, авва. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994. С. 116.
- ²⁵⁵ - Там же. С. 114.
- ²⁵⁶ - Евагрий, авва. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994. С. 117.
- ²⁵⁷ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 214.
- ²⁵⁸ - Евагрий, авва. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994. С. 114.
- ²⁵⁹ - Вопросы св. Сильвестра и ответы преп. Антония. М., 2001.
- ²⁶⁰ - Исаия, отшельник Египетский, преп. Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 259.
- ²⁶¹ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 163–164.
- ²⁶² - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 177.
- ²⁶³ - Там же. С. 198.
- ²⁶⁴ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 425.
- ²⁶⁵ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 164.
- ²⁶⁶ - Марк Подвижник, преп. Дар учительства // Наставления Святых Отцов. Библиотека форума «Православная беседа» <http://beseda.lgg.rulibrary>.
- ²⁶⁷ - Нил Синайский, преп. Аскетические наставления // Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 2. С. 238.
- ²⁶⁸ - Там же. С. 242.
- ²⁶⁹ - Там же. С. 245.

- ²⁷⁰ - Исидор Пелусиот, преп. Творения. М., 1860. Ч. 2. С. 257.
- ²⁷¹ - Там же. Ч. 4. С. 335.
- ²⁷² - Там же.. С. 449.
- ²⁷³ - Ефрем Сирин, св. Подвижнические наставления // Добротолубие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 2. С. 379–380.
- ²⁷⁴ - Заварин Н. Пастырское служение по учению св. Исидора Пелусиота // Православный собеседник, 1899– июнь. С. 734.
- ²⁷⁵ - Ефрем Сирин, св. Подвижнические наставления // Добротолубие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 2. С. 390.
- ²⁷⁶ - Там же. С. 396.
- ²⁷⁷ - Ефрем Сирин, св. Подвижнические наставления // Добротолубие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 2. С. 401.
- ²⁷⁸ - Там же. С. 405.
- ²⁷⁹ - Нил Синайский, преп. Аскетические наставления // Добротолубие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 2. С. 263.
- ²⁸⁰ - Там же. С. 261.
- ²⁸¹ - Марк Подвижник, преп. Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 36.
- ²⁸² - Многоценная жемчужина: Лит. творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии / Пер. с сир. и греч., сост., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. Киев, 2003. С. 73.
- ²⁸³ - Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 234.
- ²⁸⁴ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 81–82.
- ²⁸⁵ - Марк Подвижник, преп. Дар учительства // Наставления Святых Отцов. Библиотека форума «Православная беседа»

<http://beseda.lgg.rulibrary>.

²⁸⁶ - Марк Подвижник, преп. Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 44.

²⁸⁷ - Евагрий, авва. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994. С. 91.

²⁸⁸ - Марк Подвижник, преп. Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 40.

²⁸⁹ - Евагрий, авва. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994. С. 79.

²⁹⁰ - Исаия, отшельник Египетский, преп. Духовно-нравственные слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 406–407.

²⁹¹ - Там же. С. 229.

²⁹² - Евагрий, авва. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994. С. 82, 86.

²⁹³ - Исидор Пелусиот, преп. Творения. М., 1860. Ч. 2. С. 190.

²⁹⁴ - Житие святого Порфирия, епископа Газийского. Нила монашествующего повесть об убиении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына его. М., 2002. С. 119–120.

²⁹⁵ - Там же. С. 139.

²⁹⁶ - Житие святого Порфирия, епископа Газийского. Нила монашествующего повесть об убиении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына его. М., 2002. С. 120.

²⁹⁷ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 178.

²⁹⁸ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 93.

²⁹⁹ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 394.

³⁰⁰ - Марк Подвижник, преп., Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 48.

³⁰¹ - Феодорит Кирский, блж. История боголюбцев. М., 1996. С. 417.

³⁰² - Иоанн Карпафский, преп. Наставления // Наставления святых отцов. Библиотека форума «Православная беседа» <http://beseda.lgg.rulibrary>.

³⁰³ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 383–384.

³⁰⁴ - Марк Подвижник, преп., Нравственно-подвижнические слова // Слова духовно-нравственные преподобных отец наших Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Симеона Нового Богослова. М., 1995. С. 49.

³⁰⁵ - Афанасий Великий, свт. Жизнь и наставления преподобной Синклитики Александрийской. М., 2000. С. 41.

³⁰⁶ - Нил Синайский, преп. Творения. М., 1858. С. 414.

³⁰⁷ - Антоний Великий, св. Духовные наставления. М., 1998. С. 43.

³⁰⁸ - Орсисий Тавенисиотский, преп. Учение об устройении монашеского жителства. М., 1859. С. 69.

³⁰⁹ - Иоанн Карпафский, преп. К монахам, находившимся в Индии, писавшим к нему, сто увещательных глав // Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 3. С. 97.

³¹⁰ - Нил Синайский, преп. Творения. М., 1858. С. 242.

³¹¹ - Нил Синайский, преп. Творения. М., 1858. С. 91.

³¹² - Изречения египетских отцов: Памятники литературы на коптском языке / Введ., пер. с коптского, коммент. А. И. Еланской. СПб., 2001. С. 105.

³¹³ - Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 45.

³¹⁴ - Нил Синайский, преп. Подвижнические письма. М., 2000. С. 453.

³¹⁵ - Иоанн Кронштадтский, св. прав. Священнику: Извлечения из дневниковых тетрадей. М.: Отчий дом, 2005. С. 48.

³¹⁶ - Иоанн Кронштадтский, св. прав. Священнику: Извлечения из дневниковых тетрадей. М.: Отчий дом, 2005. С. 163.

³¹⁷ - Антоний, еп. Статьи по пастырскому богословию. Полн. собр. соч. Казань, 1900. Т. II. С. 241.

³¹⁸ - Алексей Остапов, прот. Пастырская эстетика. М.: Издательство Московской Патриархии, 2000.

³¹⁹ - Иоанн Кронштадтский, св. прав. Священнику: Извлечения из дневниковых тетрадей. М.: Отчий дом, 2005. С. 222.

³²⁰ - Говоря о цветах, мы говорим о тех цветах, о которых говорит и Евангелие, о цветах естественных, полевых: васильках, колокольчиках, ромашках, незабудках и пр. Искусственные же цветы городских парков не имеют качества полевых цветов. Они хотя и красочны, но некрасивы; роскошны, но не нежны; громоздки, но некротки; вычурны, но как-то безжизненны и мертвенны. Они если и сияют, то не своим, а каким-то чужим, отраженным, искусственным светом.

³²¹ - Свеча Богу: Московский старец протоиерей Василий Серебренников (1907–1996). Свято-Троице-Сергиева Лавра, 2006. С. 303.

³²² - Избранные места из творений святого Исаака Сириянина. Собраны Е. И. В. Великой Княгиней Милицей Николаевной. СПб., 1908. С. 117.

³²³ - Иоанн Кронштадтский, св. прав. Священнику: Извлечения из дневниковых тетрадей. М.: Отчий дом, 2005. С. 111.

³²⁴ - Антоний, еп. Статьи по пастырскому богословию. Полн. собр. соч. Казань, 1900. Т. II. С. 167.

³²⁵ - Свеча Богу: Московский старец протоиерей Василий Серебренников (1907–1996). Свято-Троице-Сергиева Лавра,

2006. С.185.

³²⁶ - Алексей Остапов, прот. Пастырская эстетика М.: Издательство Московской Патриархии, 2000. С. 7.

³²⁷ - Точная цитата: иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему (Ин.20:17).

³²⁸ - Избранные места из творений святого Исаака Сириянина. Собраны Е. И. В. Великой Княгиней Милицей Николаевной. СПб., 1908. С. 78.

³²⁹ - Антоний, еп. Статьи по пастырскому богословию. Полн. собр. соч. Казань, 1900. Т. II. С. 176.

³³⁰ - Указание пути к спасению (опыт аскетике). Труд епископа Петра. М.: Типография М. Г. Волчанинова (бывшая М. Н. Лаврова и К°), 1885. С. 415.

³³¹ - Иоанн Кронштадтский, св. прав. Священнику: Извлечения из дневниковых тетрадей. М.: Отчий дом, 2005. С. 47.

³³² - Александр Ельчанинов, свящ. Записи. Изд. 2-е, доп. Париж. С. 131.